

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЦЕНТР
НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

МАТЕРИАЛЫ VII МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ: ВОПРОСЫ
ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Часть II

Москва, 2012 г.

INTERNATIONAL CENTRE
OF SCIENCE AND EDUCATION

THE MATERIALS OF VII INTERNATIONAL DISTANCE
RESEARCH AND TRAINING CONFERENCE

**SCHOLARLY DISCUSSION:
PROBLEMS OF PHILOLOGY,
ART CRITICISM AND CULTUROLOGY**

Part II

Moscow, 2012

УДК 008+7.0+8
ББК 71+80+85
НЗ4

НЗ4 «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии»: материалы VII международной заочной научно-практической конференции. Часть II. (10 декабря 2012 г.) — Москва: Изд. «Международный центр науки и образования», 2012. — 230 с.

ISBN 978-5-905945-82-3

Сборник трудов VII международной заочной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной филологии, искусствоведения и культурологии.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической науки и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития филологии, искусствоведения и культурологии.

ISBN 978-5-905945-82-3

ББК 71+80+85

© ООО «Международный центр науки и образования», 2012 г.

Оглавление

Доклады конференции на русском языке	9
Секция 3. Филологические науки	9
3.4. Теория литературы. Текстология	9
БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ В МИРЕ РОМАНА Ю.К. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ» Аксёнова Анастасия Александровна Фуксон Леонид Юделевич	9
ФУНКЦИИ АРХЕТИПОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПСИХОЛОГИЗМА РОМАНА МАРСЕЛЯ ПРУСТА «ИМЕНА СТРАН: ИМЯ» Бондарук Людмила Васильевна	14
КРИТИЧЕСКАЯ И ЭДИЦИОННАЯ ИСТОРИЯ ПОВЕСТЕЙ БОРИСА ГРИНЧЕНКО «В ТЕМНУЮ НОЧЬ» И «ПОД ТИХИМИ ВЕРБАМИ» ПОСЛЕДНИХ 80 ЛЕТ Есипенко Дмитрий Александрович	20
«БИОГРАФИЧЕСКАЯ» ЛИНИЯ В УКРАИНСКОМ ФОРМАЛИЗМЕ: ОПЫТ В. ПЕТРОВА (ДОМОНТОВИЧА) Коваленко Татьяна Александровна	26
3.5. Журналистика	33
ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АСОЦИАЛЬНОМ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ Ложкина Анастасия Ивановна	33
3.6. Языкознание	39
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИКИ ОТКРЫТОСТИ ДИСКУРСА СПЕЦСЛУЖБ НА УРОВНЕ ОНОМАСИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ СПЕЦСЛУЖБ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США) Завадская Елена Витальевна	39
ИССЛЕДОВАНИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО КАК ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИКИ Шарипова Елена Владимировна	47

3.7. Русский язык	51
ВЛИЯНИЕ ИДИОСТИЛИЯ НА ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ВРАЧЕЙ) Пономаренко Елена Аликовна	51
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ С «ВЕЩЕСТВЕННЫМ» КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ Сычева Татьяна Валерьевна	56
ПОВСЕДНЕВНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ Шаталова Юлия Николаевна	62
3.8. Славянские языки	69
ИНТЕНЦИИ СУБЪЕКТИВНО-АВТОРСКОГО ТИПА И ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ Шабат-Савка Светлана Тарасовна	69
3.9. Германские языки	75
ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА МАТЕРИНСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ Алыева Альвина Джавидовна	75
ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ Блинова Светлана Александровна Заболотских Анна Владимировна	80
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ КОМИЧЕСКОГО В ДИСКУРСЕ РЕБЕНКА Гусева Анна Георгиевна	84
КОМБИНАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОБИРАТЕЛЬНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО АРМУ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Живокينا Майя Александровна Ефанов Илья Андреевич	89

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОСТАВЕ НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С ПЕКУНИАРНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ) Зозуля Наталья Михайловна Норанович Александр Игоревич	95
КОНЦЕПТОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА ПО АМЕРИКАНСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ Исаева Ольга Николаевна	99
ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА В РЕЧИ БРИТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ Камбаров Носир Мансурович Алимова Гулноза Юлдашалиевна	103
ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ Каноник Наталия Петровна	107
МОДАЛЬНЫЕ СИНТАГМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИА-ТЕКСТЕ Караульщикова Юлия Владимировна	111
ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИРРЕАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ Каттаханова Дилноза Сабировна Арустамян Я.Ю.	123
ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА Лобова Оксана Константиновна	130
ОСОБЕННОСТИ ФОРТИЗАЦИИ КОНСОНАНТИЗМА В АНГЛИЦИЗМАХ И ГАЛЛИЦИЗМАХ В ТЕЛЕДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ Монастырская Юлия Григорьевна	135
ТИПОЛОГИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В ГАРМОНИЧНОЙ СИТУАЦИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА Овсиенко Леся Александровна	147
К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХРОНОНИМИИ Пелина Елена Вадимовна	152

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИИ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (КОММУНИКАТИВНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ) Сорокина Лина Евгеньевна	157
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВТОРИТАРНОГО ДИСКУРСА Швецова Владислава Евгеньевна	162
ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-ИНТЕРАКЦИОННОГО АСПЕКТА РЕАЛИЗАЦИИ КОНТАКТООУСТАНОВЛЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ Шпак Елена Владиславовна	167
3.10. Теория языка	173
СУКЦЕССИВНЫЙ АНАЛИЗ РИТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА А.С. ПУШКИНА Краснова Юлия Сергеевна	173
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА КАЗАХОВ Молдагали Бакытгул	177
В. ФОН ГУМБОЛЬДТ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА Садыков Абдуазим Садыкович Хожиева Зарина Бахтияровна	181
СПЕЦИФИКА И СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ДИСКУРСА Щербинина Елена Михайловна	185
3.11. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	189
ХАРАКТЕР СИНОНИМИЧЕСКОГО ИЗЛУЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ KÄYDÄ, MENNÄ И TULLA) Кучер Игорь Анатольевич	189
ХАОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КАУЗАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ Лемиш Наталия Евгеньевна	194

СИМВОЛ В КОГНИВНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ Пашкова Надежда Игоревна	199
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ И СТИЛИСТИКИ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И МАРИЙСКОГО ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА Семенова Елена Юрьевна Останкова Татьяна Петровна	203
КРЕОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (на примере австралийского криола) Шастина Елена Владимировна	213
Conference papers in English	219
Section 1. Philology	219
1.1. German languages	219
ENGLISH GRAMMAR TERMINOLOGY PROBLEMS Elina Kassarina	219
1.2. Language theory	224
CULTURAL UNDERSTANDING Z. Karimova Z. Sattarova	224

ДОКЛАДЫ КОНФЕРЕНЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

3.4. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТЕКСТОЛОГИЯ

БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ В МИРЕ РОМАНА Ю.К. ОЛЕШИ «ЗАВИСТЬ»

Аксёнова Анастасия Александровна

*студент 4 курса ФФиЖ Кемеровского государственного
университета, г. Кемерово*

Фуксон Леонид Юделевич

*д-р фил. наук, профессор Кемеровского государственного
университета, г. Кемерово*

Пространственные измерения «большое-малое» выражают противопоставление и особенности взаимодействия жизненных позиций героев романа «Зависть». Эти отношения «просвечивают» в том, например, какого рода сравнения подбирает рассказчик Николай Кавалеров для характеристики пространств, соразмерных с другим персонажем (Андреем Бабичевым). Такие характеристики соотносятся с чем-то большим, глобальным, органичным именно для Бабичева как общественно-политического деятеля. То есть пространственные параметры указывают не только на буквально топологическое положение героя в художественном мире, но и на его социальный статус: он «большой» не только телесно, но и как значительная, важная, влиятельная персона. Рассказчик замечает, как А. Бабичев удаляется в «недра квартиры», когда тот просто идёт в уборную. В этом выражении раскрывается конфликт большого и малого в мире

романа. Малому домашнему пространству даётся определение, взятое из недомашнего словаря больших пространств. Топологическое оформление образа А. Бабичева тяготеет к гиперболизации, укрупнению, поэтому соседство с ним чего-то малого создаёт пространственный и ценностный диссонанс. Маленькие, замкнутые топосы в романе исключительно редко связываются с изображением А. Бабичева (для него это не органично). Гораздо чаще его можно видеть там, где больше «света, места и воздуха»: лужайка, футбольный матч, аэродром, стройка. Сцена в уборной, с которой вообще начинается роман, подчёркивает топологический контраст большого персонажа и малого пространства, создавая ощущение тесноты. В романе есть ещё один аналогичный эпизод, в котором Андрей Бабичев появляется в маленьком, несоразмерном ему, пространстве: «...Он увидел копать и грязь, бешеные фурии носились в дыму, плакали дети. На него сразу набросились. *Он мешал всем — громадный, отнявший у них много места, света, воздуха* (выделено нами — А.А.). Кроме того, он был с портфелем, в пенсне, элегантный и чистый. И решили фурии: это, конечно, член какой-то комиссии. Подбоченившись, задирали его хозяйки. Он ушёл. Из-за него (кричали ему вслед) потух примус, лопнул стакан, пересолился суп» (2, I). Женщины начинают «задирать» Бабичева, принимая его за члена какой-то комиссии, то есть за официальное лицо, вторгающееся в интимное, домашнее пространство. Образы семейного быта оборачиваются в приведённой сцене своей антидомашней стороной: женщины, матери, хозяйки — бешеные фурии, дети — плачущие, кухня полна дыма, грязь, копоти.

Рассказчик вкладывает в уста А. Бабичева воображаемое обещание, соразмерное масштабу всей его личности: «Мы превратим ваши лужицы в сверкающие моря, щип разольём океаном, кашу насыплем курганами, глетчером поползёт кисель!» (2, I). Такая гиперболизация подчинена общей тенденции построения бабичевского образа. Приведённый пример показывает важность связи жизненной позиции персонажей и простирающегося вокруг них мира. Скажем, общие «идейные» установки Андрея Бабичева так же масштабны, как и возводимый (реализованный в пространстве) «Четвертак».

В домашнем интерьере А. Бабичев изображается редко, с работы он возвращается поздно, ужинает вне дома. Характерен следующий эпизод в первой главе: однажды вечером, когда он вернулся с работы, в его доме не оказалось продуктов «он спустился вниз (на углу магазин) и притащил целую кучу» (1, I). Продукты, которые он выбрал, — это консервы, яблоки, батон, сыр (то есть те, которые

не портятся без холодильника, а главное — не требуют особого приготовления). Он заказал кухарке яичницу и чай. В его большой квартире нет семьи. Женщина, которая готовит ему ужин, — обслуживающий персонал. Герой не нуждается в том, чтобы дома его кто-то ждал (в его доме нет домашних животных), потому что иногда он ночует на работе. Бабичев совершенно не ценит домашнюю обстановку и не пытается её создать в своём доме. «Прекрасную квартиру предоставили ему», — говорит рассказчик, описывая дом А. Бабичева. Кавалеров любит вазу, которая стоит возле балкона. Бабичев же, напротив, совершенно не замечает ни этой вазы, ни красоты предоставленной ему квартиры. Для него эта казённая квартира — как бы продолжение служебного пространства. Государственный заказ — цель, всё остальное — средство для достижения этой цели. Сам домашний уют не соответствует фигуре А. Бабичева как *малый* топос, тесный для масштаба персонажа (как духовного, так и физического).

Отсутствовать в рабочее время в каком-либо официальном учреждении Бабичев может только потому, что находится в этот момент в другом официальном учреждении. Нет ни одного эпизода, где он бы занимался домашними делами. Даже когда к нему приезжает почти приёмный сын Володя Макаров, его нет дома, он находится в правлении. Но и на службе А. Бабичев показан в постоянном движении. Его образ строится в непрерывном нарушении локальных границ, как это демонстрирует эпизод, в котором Николай Кавалеров разыскивает Бабичева на стройке: «Он исчез. Он улетел. На железной вафле он перелетел в другое место» (10, I). Именно в больших, разомкнутых пространствах А. Бабичев чувствует себя уверенно и на своём месте, в то время как домашняя обстановка для него оказывается случайным местом продолжения казённых дел и сама по себе не имеет большой ценности.

Кавалеров замечает, как частные детали его жизни, предметы быта, окружающие его, становятся, благодаря соседству с А. Бабичевым, причастны к решению глобальных проблем. «Административный восторг», который упоминает Кавалеров, связан с возможностью стать участником гигантского проекта, чем-то неестественным для Кавалерова, и потому описывается с иронией.

Малое и большое пространства в романе «Зависть» ассоциируются с разницей дома и мира; частной, бытовой стороной существования и общенародной, героической. Причём часто эти противоположные масштабы пересекаются, смешиваются, как, например, в описании Ивана Бабичева в пивной: «Любил

он есть раков. Рачье побоище сыпалось под его руками» (2, II). История отдельного человека и история народа здесь как бы уравниваются. Описываемый эпизод поедания раков — отрезок частной жизни отдельной личности, который возводится до глобального, исторического события (например, Ледовое побоище). Слово «побоище» акцентирует внимание не только на соотношении бытового и исторического событий, но и на том, что в романе изображается «побоище» между частной и общей сторонами жизни. Самого же рака герой сравнивает с «кораблём, поднятым со дна морского» и тут же уточняет: «Прекрасные раки. Камские» (то есть добытые со дна *речного*) — снова большое здесь сближается с малым, как и в разговоре со следователем ГПУ, в котором Иван Бабичев сравнивает «сердце перегоревшей эпохи» с электрической лампочкой (2, III). Такое же укрупнение масштаба относится к тому, чем занят его брат, А. Бабичев, — к превращению домашней кухни в публичную столовую. Но жизненные установки их противоположны. Для Ивана Бабичева акт возведения частного момента жизни до чего-то глобального — апогей индивидуализма, а его брат — наоборот — отрекается от всего индивидуального: «Мы не семья, — мы человечество!» (5, II). В том же ряду сближения пространственных масштабов находится таз, который отражает заходящее солнце. Большое отражается в малом, как общее для всех людей (солнце) — в конкретном предмете частного лица (цыгана, несущего таз на плече). Причём образ солнца восходит к вселенским, космическим, открытым пространствам, а таз — наоборот, к замкнутым, интимным, домашним. Эту связь по контрасту (образов солнца и таза) подчёркивает сходство деталей по форме круга, которая объединяет таз и солнце, а также отражённым блеском: таз как бы имитирует солнце, будто цыган несёт на плече солнце, а не таз. Причём цыган — это образ антидомашний, эмблема странствия, пути, а таз — предмет домашнего обихода. Аналогична следующая деталь: «В металлических пластинках подтяжек солнце концентрируется двумя жгучими пучками» (1, I). Важно то, что в ценностно-смысловом отношении это деталь именно сферы быта. И всё глобальное (такое, как солнце в этих фрагментах) Кавалеров проецирует на бытовые мелочи: «мир комнаты» он видит через «объектив пуговицы», а подъёмный кран, на котором А. Бабичев перемещается на стройке, называет вафлей. Самолёт на аэродроме рассказчик сравнивает с мурлыкающей кошкой, гортань — с аркой, а облачение младенца делает его похожим на папу римского. Облако имеет очертания Южной Америки, человеческие испражнения на пустыре обнаруживают сходство с вавилонскими башенками.

Всё это говорит о своеобразном «переводе» с языка глобальности на язык обыденный. Какова функция этого перевода, в чём художественные причины такого смешения пространственных масштабов? То, что в «идейных» кругозорах персонажей может быть предметом вражды, «побоища» (большое *против* малого, общенародные ценности *против* семейных), то, наоборот, сближается именно в авторском кругозоре (или в кругозоре рассказчика в той мере, в какой он близок самому автору). И в таких случаях большое видится в малом и наоборот. Так мы понимаем то вражду, раскол, то «дружбу», объединение большого и малого в романе. В этом выражается несоответствие эстетического, более широкого, горизонта автора с «жизненными» (узкими) горизонтами персонажей.

Как мы уже отмечали, малое пространство в романе чаще всего ассоциируется с образами дома, однако дом здесь изображается не как реальный топос, семейная территория. Семья в мире произведения дана лишь в виде напоминания о прошлом персонажей: покинувшая своего отца Валя, отрекающиеся друг от друга братья Бабичевы, одинокий Кавалеров, вдова Прокопович. Иван Бабичев ходит по улице с подушкой в руках, и подушка для него — эмблема семейных, сентиментальных ценностей. Образ этот противопоставлен всему общественному. На пространственном уровне это противостояние домашнего и казённого проявляется как раз в контрасте масштабов. «Дом-гигант», как называет его Кавалеров, — это бабичевский «Четвертак», гигантская столовая, то есть как раз не «дом» в исходном смысле этого слова, не частная, а общественная территория. Появление такой столовой отменяет необходимость домашней кухни. Кавалеров и Иван Бабичев видят в этом тенденцию к уничтожению всех домашних, семейных ценностей. А. Бабичев — общественный деятель, состоящий в Совете *народного* хозяйства, который выполняет миссию по «индустриализации кухонь», мест частных, *домашних* хозяйств. Выражение «индустриализация кухонь» поэтому носит оксюморонный характер.

Вытесненность дома из изображаемой реальности романа наглядна в приюте, который даёт герою Анечка Прокопович: «И голова Кавалерова уходит в подмышку её, как в палатку. Шатры подмышек раскрыла вдова. Восторг и стыд бушевали в ней» (10, II). Образы палаток и шатров в этом сравнении не случайны: речь идёт о мнимом доме. Подлинный дом — это не только укрытие от ветра и дождя, а пространство духовной родственной близости. Объятия вдовы Прокопович — вынужденное, временное (попутное) пристанище, словно палатка. Анечка Прокопович кормит целую

артель парикмахеров и такую же «артель» кошек. Причём здесь не только «артель парикмахеров» приравнивается к стае голодных кошек, но и наоборот. Кошки — это преимущественно домашние животные, атрибут семейного очага («Кони революции, гремя по чёрным лестницам, давя детей ваших и кошек, ломая облюбленные вами плитки и кирпичи, ворвутся в ваши кухни» [6, II]), однако *уличные* кошки выступают именно символом бездомности. Сам Николай Кавалеров подобен бездомной кошке, в своей привязанности к домашним ценностям и невозможности их обретения.

Как показывают наши наблюдения, в романе «Зависть» топологические параметры большого и малого представлены в виде противоборствующих горизонтов видения мира. Таковы «воюющие» жизненные, позиции персонажей. При этом читатель постоянно обнаруживает сближения и переключки большого и малого как знак невидимого присутствия авторского ценностного горизонта, «примиряющего» различные пространственные масштабы и стоящие за ними жизненные ценности. Поэтому можно сказать, что авторская позиция в рассматриваемом романе несводима ни к одной из противоборствующих сторон и задаёт ценностную меру общечеловеческой полноты на фоне враждующих «идейных» односторонностей.

ФУНКЦИИ АРХЕТИПОВ В ФОРМИРОВАНИИ ПСИХОЛОГИЗМА РОМАНА МАРСЕЛЯ ПРУСТА «ИМЕНА СТРАН: ИМЯ»

Бондарук Людмила Васильевна

*докторант Восточноевропейского национального университета
им. Леси Украинки, г. Луцк, Украина*

Концепция психологизма прочно вошла в исследование художественного текста еще с середины XIX века, когда психология воссоединилась с литературоведением как один из запросов общества для изучения механизмов человеческого мышления, сознательного и бессознательного, коллективного и индивидуального. Осмысление проблемы психологизма в разных аспектах предвидит ее изучение как с философско-психологических позиций — отображение индивидуально-авторского мировоззрения и автобиографического контекста, так и с литературно-поэтических позиций — целесообразность функционирования жанровых форм, лексико-стилистических средств,

способов изображения персонажей с учетом авторской интерпретации при прохождении ими жизненного пути «ребенок — общество — мир» на грани профанного/сакрального. При этом нужно четко понимать, что термин «психологизм» используется как метод для анализа художественного произведения, учитывая особенности эмоционального и мыслительного состояния персонажей в проекции на автора, и как художественное средство отображения психологической значимости персонажей и персонифицированных явлений. Зачастую эта двойственная возможность психологизма взаимодополняется для исследования в произведении основных философско-нравственно-психологических проблем, которые раскрываются при проникновении в глубокий внутренний мир героев.

В предлагаемой статье мы будем использовать понятие «психологизм» как средство исследования художественного произведения, а как метод — бинарный архетипный анализ, который основан на теории архетипов К.-Г. Юнга, и, несмотря на столь активное употребление, никогда не бывает исчерпывающим ввиду невозможности унифицировать человеческую природу и тем более мышление. По словам К.-Г. Юнга, «психология, как и любая другая наука, изучает универсальное в индивидуальном, т. е. общие закономерности. Это общее не лежит на поверхности, его следует искать в глубинах». ... Что же касается архетипа, то это своеобразный когнитивный образец «коллективного бессознательного», «это бессознательное содержание, которое изменяется, становясь осознанным и воспринятым, претерпевает изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает»; «архетип обязательно одновременно образ и эмоция. Заряженный эмоцией образ имеет сакральность/ психическую энергию, он становится динамичным, вызывающим существенное последствие. Это куски самой жизни, которые через эмоции связаны с живым человеком. Вот почему невозможно дать универсальную интерпретацию любого архетипа» [5, с. 23—95].

Используя метод бинарного литературного архетипа, мы будем основываться на положениях Юнга К.-Г., который выделяет шесть основных архетипов: Анимы, Анимуса, младенца, трикстера, маски, тени [5, с. 38—338], а также Большаковой А.Ю., которая определяет литературный архетип как «концепт культуры», «константу национального менталитета», как «*вариативность инвариантности*»: обладая способностью к бесконечным внешним изменениям, он одновременно таит в себе неизменное ядро, обеспечивающее его высокую устойчивость. Один из главных признаков, обуслав-

ливающих эту устойчивость — *свойство типологической повторяемости*. ... В литературном плане наиболее продуктивно изучение архетипа как «сквозной модели», обладающей неизменным ядром-матрицей на сущностном уровне и, одновременно, — *вариативностью* проявлений в творчестве разных писателей разных времен». Большакова А.Ю. предлагает исследовать архетипы с помощью бинарного анализа, поскольку «бинарный архетип» можно рассматривать как своего рода классический *культурный код*, дающий ключ к пониманию общих закономерностей развития — литературного, в частности», распределив их по трем уровням:

- первый уровень: социоисторические; возрастные; гендерные;
- второй уровень: сюжетно-ситуативные; натурфилософские (природные);
- третий уровень: архетип личности, представленный типологией героя [2, с. 4—7].

Для анализа мы избрали один из романов эпопеи «В поисках утраченного времени» известного французского писателя Марселя Пруста (1871—1922) «Noms de pays: Le Nom» — «Имена стран: имя» в переводе Н.М. Любимова (1912—1922), русского переводчика с французского и испанского языков. Наш выбор обусловлен тем, что, как бы ни называли романы Пруста: мемуары (Анри де Ренье), хаотичное нагромождение случайных восприятий, психологический роман, роман воспитания, автобиография, символистский роман, импрессионистский роман, и наконец, философское объяснение законов человеческой психики и интеллекта (Толмачев М.В.), (а мы считаем его эталоном литературного произведения по глубине и мастерству написания), они не перестают привлекать внимания аналитиков и критиков разных стран и направлений.

Особенность эпопеи «В поисках утраченного времени» в том, что все указанные определения имеют право на существование в зависимости от аспекта исследования; каждая последующая часть дополняет предыдущую и воспринимается как отдельная, самостоятельная из романов, которые, тем не менее, связаны персонажами и пространственно-временными отношениями.

Роман «Имена стран: имя» — это действительно нагромождение впечатлений главного героя Марселя от мест, реальных и выдуманных, и от отношений с людьми, отношений действительных или надуманных, вымышленных. Все это создает читателю картину прохождения жизненного пути главного героя в бинарной оппозиции: ребенок/взрослый, материальный/духовный миры, люди/боги, незнание/познание, интерес/осознание, любовь/ненависть, желаемое/

нежелательное, падение/возрождение, надежда/разочарование. Сквозной моделью архетипа можно выделить бинарность Анимы/Анимуса, которая проявляется на всех уровнях: понятийном, смысловом, сюжетном, персонажном, структурном, лексико-грамматическом, стилистическом, и которая используется автором для того, чтобы передать всю палитру чувств героя в проекции на самого себя. Помимо этого, бинарный архетип Анимы/Анимуса не функционирует отдельно, а проникает во все другие типы архетипов, изменяясь с позиций того или другого персонажа.

Архетип Анимы, женского начала, зарождения, транслируют образы матерей: Божьей Матери, матери Марселя, матери Жильберты, которые как бы воссоединяют сакральный и профанный миры, но, тем не менее, их роли автор интерпретирует по-разному:

Меня повели смотреть слепки самых знаменитых изваяний Бальбека — курчавых и курносых апостолов, Деву Марию, украшавшую церковную паперть, и у меня от радости перехватило дыхание при мысли, что я увижу, как они вырезаются в вечном соленом тумане [6, с. 368; 3, с. 334].

... я спрашивал, придет ли она завтра играть, она отвечала: «Надеюсь, что нет! Надеюсь, что мама отпустит меня к подруге». Но, по крайней мере, в таких случаях я знал, что не увижусь с ней, а бывало и так, что мать неожиданно брала ее с собой на прогулку, и на другой день она говорила: «А, да, вчера я ездила с мамой» — как о чем-то обычном и не могущем кому-то причинить величайшее горе [6, с. 377; 3, с. 334].

Из этих двух примеров мы видим, что приближение к Деве Марии вызывает радость, а вмешательство матери Жильберты — величайшее горе, таким образом раскрывая оппозицию божественное/материальное, Боги/люди.

Архетип Анимы передается неотделимо от архетипа Анимуса, мужского начала. Это имена Святых: *Санта Мария дель Фьоре («Богоматерь в цветах»)*, *Бог, Святой Марк*, а также образы отца Марселя и отца Жильберты — *Свана*. Но про отца Марселя не сказано ничего конкретного, ни имени, ни рода занятий, тогда как *Сван* занимает очень важное место в жизни Марселя, он часто сравнивает себя с ним.

Например:

Если б мое здоровье окрепло и родители мне позволили не поселиться в Бальбеке, а только чтобы ознакомиться с нормандской и бретонской природой и архитектурой ... [6, с. 371; 3, с. 328].

Из этого следует, что Марселю необходимо подчиняться приказам родителей (а это отец и мать), их желаниям, а не своим.

Другой пример раскрывает оппозицию Боги/люди, мать/отец, дополняя ее новой оппозицией: подчинение добровольное/принудительное, в то же время транслируя новый архетип, архетип тени — скрытых желаний, с позиции главного героя Марселя:

Он и г-жа Сван — ведь дочка жила с ними, и ее занятия, игры, круг знакомств зависели от них — были, как и Жильберта, пожалуй, даже больше, чем Жильберта (и так оно и должно было быть, поскольку г-н и г-жа Сван являлись для Жильберты всемогущими божествами), полны для меня проистекавшей из этого всемогущества непроницаемой таинственности, томящего очарования. Все, что их касалось, вызывало во мне ненасытное любопытство [6, с. 387; 3, с. 343].

Сам Марсель является репрезентантом нескольких бинарных архетипов. Это ребенок/взрослый:

Понятно, разные причины, по которым я с таким нетерпением ждал свидания с Жильбертой, взрослому человеку показались бы не столь важными [6, с. 381—382; 3, с. 338].

То, что в детстве казалось Марселю особенно важным, с возрастом переоценилось и переосмыслилось.

Помимо указанного архетипа, Марсель представляет и архетип тени — явных/скрытых, возвышенных/практичных желаний, который вплетен в мотив любви к Жильберте. С позиций главного героя, любовь — это не только эмоциональные переживания счастья/несчастья, разочарования, инстинкты, желание познать тайну жизни другого человека, но и чисто практические потребности:

я, полюбив Жильберту в Комбре сперва за то, что ее жизнь представляла для меня область неведомого, в которую меня манило погрузиться, перевоплотиться, отрешившись от своей собственной жизни, потому что она была мне не нужна, теперь воспринимал как необычайную удачу то, что Жильберта может в один прекрасный день стать безответной служанкой этой моей слишком хорошо мне известной и надоевшей жизни, стать удобной и уютной сотрудницей, которая будет по вечерам помогать мне в работе, сличать разные издания [6, с. 389; 3, с. 346].

Жильберта, Сван, Одетта, какими Марсель их воспринимал в Комбре, в Париже раскрылись с другой, противоположной стороны, свое разочарование в них он назвал «смертью богов».

Подводя итог, мы можем утверждать, что бинарный литературный архетип служит удобным методом исследования «коллективного

бессознательного» как потребности духовности, так и «индивидуального бессознательного», которое наиболее проявляется в творчестве, поэтому творчество отдельного писателя как проекция на самого себя представляет особый интерес. Психологизм романа Марселя Пруста заключается в раскрытии «типичной болезни своего времени — разочарования и апатии» [1, с. 53] на пути к самоутверждению. Сквозной архетип Анимы/Анимуса, единство сакрального/профанного, духовного/материального, женского/мужского в сочетании с другими базовыми архетипами, представляя читателю основной смысл с помощью персонажей, но не их действий, а впечатлений, которые они производят, раскрывая внутренний противоречивый мир, позволяет автору выстроить структуру произведения, разъяснить основной мотив и, таким образом, свое мировоззрение. Все это необходимо учитывать при переводе. Сравнивая оригинал с переводом, мы можем утверждать, что Н.М. Любимов сумел сохранить содержательные нюансы, применяя, тем не менее, лексико-грамматические трансформации, оправданные особенностями структурной организации французского и русского языков.

Список литературы:

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. / Р. Барт. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
2. Большакова А.Ю. Проблема бинарного архетипа в современной теории литературы: / А.Ю. Большакова. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-334758.html>] (дата обращения: 04.12.2012).
3. Пруст М. По направлению к Свану: Пер. с фр. Н.М. Любимова / Марсель Пруст. — М.: Республика, 1992. — 368 с.
4. Юнг К.-Г. Архетип и символ / К.-Г. Юнг. — М.: Ренессанс, 1991. — 304 с.
5. Юнг К.-Г. Душа и миф: шесть архетипов: Пер. с англ. / К.-Г. Юнг. — К. Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. — 384 с.
6. Proust M. A la recherche du temps perdu / Marcel Proust. — М.: Edition du Progrès, 1976. — 435 p.

**КРИТИЧЕСКАЯ И ЭДИЦИОННАЯ
ИСТОРИЯ ПОВЕСТЕЙ БОРИСА ГРИНЧЕНКО
«В ТЕМНУЮ НОЧЬ»
И «ПОД ТИХИМИ ВЕРБАМИ»
ПОСЛЕДНИХ 80 ЛЕТ**

Есипенко Дмитрий Александрович

*младший научный сотрудник отдела шевченковедения
Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины, г. Киев*

Повести «из народной жизни» «В темную ночь» и «Под тихими вербами» известный украинский писатель Борис Гринченко написал в начале XX в. Они пользовались популярностью у читателей и издателей как при жизни автора (издания 1901—1902, 1910 гг.), так и после его смерти (издания 1914, 1917—1919 гг.). Особенно активно произведения печатались в 20-х — начале 30-х гг. XX в. Однако уже с конца 1920-х гг. в отечественном литературоведении все ярче проявлялась тенденциозность в интерпретации творчества Бориса Гринченко. «Идеологически правильное» критическое прочтение в предисловиях изданий сопровождалось сознательными вмешательствами редакторов в текст произведений. Значительные фрагменты повести «Под тихими вербами» подверглись существенным изменениям или же были попросту исключены в издании ДВУ (Державне видавництво України — Государственное издательство Украины) 1927 г. В первую очередь это касалось таких тематических пластов, как интимная и религиозная стороны жизни героев, мотивов города и солдатчины как причин моральной и социальной деградации личности. Следствием таких изменений стала ложная издательская традиция — многократная републикация повести на основе изданий начала 30-х гг. XX в. Менее существенные, но отнюдь не единичные редакторские промахи характеризовали также издания «В темную ночь» этого периода. Предметом данной статьи является рассмотрение истории критической интерпретации и эдиционной подготовки текстов этих повестей за последние восемь десятилетий.

Вторая половина 1930-х—1950-е гг. характеризовалась эпизодическими попытками исследования жизни и творчества Гринченко. В течение этого периода практически не появлялись и переиздания его произведений. В качестве исключения можно упомянуть несколько публикаций первой половины 1940-х гг., периода Второй мировой войны. В частности, в статье к 80-летию со дня рождения писателя (1943) Евгений Кирилюк отмечал

необходимость пересмотра отношения к деятелю, заслуживающему должного места в украинской истории и литературе. Критик определил актуальные вызовы текущему гринченковедению: научное изучение, популяризация и переиздание произведений литератора [15, с. 2].

В украинской советской действительности Гринченко более трех десятилетий отсутствовал среди перечня официальных классиков. Его произведениям не находилось места на страницах учебников и курсов словесности. Качественные и количественные изменения ситуации замалчивания и табуирования имени Гринченко начались в 1960-х гг. Одной из «первых ласточек» нового периода гринченковедения была статья Михаила Вишневого к 50-летию смерти писателя. В ней была предпринята попытка оправдать если не всю общественно-политическую и культурную деятельность Гринченко, то хотя бы одну из ее ипостасей: «Советские люди уважают Б. Гринченко не как мыслителя, а как писателя-реалиста, правдиво изобразившего действительность классового общества». По мнению критика, именно повести «В темную ночь» и «Под тихими вербами» стали наиболее полным и ярким «рисунком» литератора [3, с. 85, 88].

Важную переоценку наследия Гринченко в это время осуществил также Александр Белецкий. В своей незавершенной статье в 1961 г. он рассмотрел основные позиции критических изданий 1910-х и 1920-х гг. и указал на предвзятость интерпретации текстов Гринченко того времени. Академик не оставил без внимания и работы своих современников, в которых произведения оценивались фактически «понаслышке», без ознакомления с их текстом. Ярким примером такого подхода стало толкование образа «тихих верб» как «эмблемы патриархального спокойствия» [1, с. 224]. Подготовительные материалы Белецкого для будущих гринченковедческих публикаций свидетельствуют, что он намеревался глубже проанализировать повести [2, с. 9].

Немало публикаций появилось в периодических изданиях в 1963 г. (по случаю 100-летия со дня рождения писателя) и в последующие годы. Особенно активным изучением наследия Гринченко в это время занимался Анатолий Погрибный. Вершиной прозы назвал повести Василий Яременко в своем диссертационном исследовании [22, с. 24]. Вячеслав Чорновил отмечал, что рассказы писателя, а также повести «В темную ночь» и «Под тихими вербами» вызывают большой интерес и у современных читателей [21, с. 75].

В начале 1960-х гг. произошли определенные сдвиги и в эдичии повестей «В темную ночь» и «Под тихими вербами». Впервые после тридцатилетнего перерыва произведения были изданы в 1961 г.

в Москве. Перевод на русский язык осуществил Константин Трофимов. Противоречивым можно назвать его решение приблизить имена персонажей к русской традиции употребления: Филипп Сиваш (вместо Пылып Сываш), Левантина Тополева (Левантына Тополивно) и т. п. Однако другие моменты ретранслируемого на русский текста вызывают еще больше вопросов. Например, реплику «Здоровый, як тур!» [6, с. 41] было переведено как «Сильный, как тигр!» [5, с. 219]. Следует отметить и главную заслугу русскоязычного текста. Для перевода «В темную ночь» был использован текст издания 1930 г., а для «Под тихими вербами», что особенно примечательно, — издание 1910 г. Таким образом, впервые после 1930 г. (издания «Кныгоспилкы»), эта повесть снова увидела мир без значительных изъятов текста (хотя и не на языке оригинала). Бесспорно, важным фактом было также издание книги в столице СССР. Московская «прописка» и 100-тысячный тираж печати «санкционировали» начало реабилитации «забытого» классика и его произведений. Способствовал этому также авторитет автора предисловия, помещенного в книгу — Максима Рыльского.

На украинском языке «В темную ночь» и «Под тихими вербами» были републикованы в 1963 г. в двухтомном собрании издательства академии наук УССР. В примечаниях ко второму тому составители — Иван Пильгук и Василий Яременко — отмечали, что «В темную ночь» и «Под тихими вербами» печатаются по изданию «Кныгоспилкы» 1928 г. и ДВОУ (Державне видавниче об'єднання України — Государственное издательское объединение Украины) 1931 г. соответственно [13, с. 586]. Нужно отметить, что текст второй повести в издании ДВОУ 1931 г. идентичен варианту ДВУ 1927 г. Таким образом, была продолжена традиция публикаций «испорченного» текста «Под тихими вербами».

1970-е гг. характеризовались значительно меньшей (по сравнению с предыдущим десятилетием) активностью в изучении, популяризации и переизданиях наследия Гринченко. В работе Николая Грыщоты («Крестьянство в украинской дооктябрьской литературе») можно встретить тезисы, удивительно похожие на разоблачения идейных недостатков писателя литературоведами 1920-х — начала 1930-х гг. Критик парадоксальным образом отделял автора — как выразителя ложных либерально-народнических интересов, от его повести «Под тихими вербами» — произведения, сыгравшего значительную роль в развитии литературы «из жизни крестьянства» [7, с. 264]. Очередным пунктом издательской истории «В темную ночь» и «Под тихими вербами» стала их публикация

в 1970 г. в издательстве «Молодь». Его редакторы доверились тексту, помещенному в двухтомнике 1963 г. (о чем указали в примечаниях [12, с. 354].

Не особо отраднo сложилаcь судьба повестей в печати и в 1980-х гг. В примечаниях к книге «Борис Гринченко. Избранные произведения» издательства «Днипро» (1987) Петр Хропко отметил, что тексты произведений представлены по изданиям 1910 г. [8, с. 458]. Внимательное ознакомление с их содержанием показывает, что в случае повести «В темную ночь» это свидетельство неправомерно: недосмотры предыдущих изданий не исправлены. Однако более интересные подробности обнаруживаются при рассмотрении «Под тихими вербами». В некоторых местах произведения действительно восстановлены фрагменты, отсутствующие в предыдущих изданиях (например, изъятые строки Шевченко и размышления Зинька). Но такие случаи единичны. На самом же деле текст представлен по издательской традиции ДВУ 1927 г. — последовательно, с сохранением почти всех купюр. Более того, были внесены новые изменения, призванные существенно приблизить язык автора и персонажей к литературному варианту украинского (так называемые ошибки корректуры). К этим метаморфозам добавились ошибки при запоминании и наборе текста (изменения знаков пунктуации и форм слов, потеря местоимений и проч.) [16, с. 44, 51—52].

Очередной юбилей — 125-летие со дня рождения Гринченко (1988) — стимулировал активизацию критических публикаций в периодических изданиях. В них нашлось место и упоминаниям о повестях. К примеру, Анатолий Погрибный назвал произведения настольными для нескольких поколений украинских читателей [18, с. 75], а Павел Охрименко — остро актуальными образцами показа классовых противоречий [17, с. 159].

За последние двадцать лет, в новых общественно-политических условиях, гринченковедение развивалось с совершенно иной результативностью. Хотя в 1990-е гг. наибольшую энергичность проявляли вышеупомянутые исследователи, направленность и риторика их работ претерпела определенные изменения. В своей статье в 1999 г. Анатолий Погрибный подчеркнул этапность прозаического творчества Гринченко: «между творчеством [...] Панаса Мирного и Нечуя-Левицкого, с одной стороны, и Коцюбинского и Стефаника — с другой» [19, с. 44]. Похожее мнение высказывал и Петр Хропко, утверждая, что «диалогия занимает одно из самых почетных мест в украинской литературе переходного периода» [20, с. 36].

Наконец определенные сдвиги произошли и в судьбе публикуемых текстов «В темную ночь» и «Под тихими вербами». В марте 1991 г. были подписаны к печати сразу два издания с повестями. Особое место в эдиционной истории текстов заняла книга «Гринченко Б.Д. Под тихими вербами: Избранные произведения», появившаяся в издании «Радянська школа». Знаковость этого издания заключается в том, что в нем текст повести «Под тихими вербами» представлен по образцу издания 1910 г. Составитель текста Татьяна Третьяченко отметила, что обе повести перепечатаны с текстов издания 1987 г. со сверкой по изданиям 1910 г. При этом «допущенные при переизданиях ошибки исправлены, сделанные купюры восстановлены» [10, с. 490—491]. В менее проблемном (с точки зрения редакторских вмешательств) тексте «В темную ночь» отдельные упущения все таки остались. Что же касается многострадальной повести «Под тихими вербами», то действительно, практически все изъятые из ее текста фрагменты восстановлены. К сожалению, не обошлось и без недочетов. Несколько исключенных в предыдущих изданиях фрагментов не находим и в этой книге. Преимущественно они связаны с религиозной тематикой; наиболее заметно отсутствие значительной части текста об ожидании Гаинкой Зинька, которое она наполняет молитвой — начиная от слов «Ни, вона не так изробить: вона проказуватиме мольтвы...» и до: «...и ти, що вид матери ще малою дытиною навчылася и яких нема по мольтовныхах...» [10, с. 144, 165—165]. Следует также упомянуть, что лишь в отдельных местах текста восстановлено большую букву в написании письме слов сакральной семантики.

Практически синхронно с изданием «Радянської школы» в издательстве «Наукова думка» появился второй том собрания сочинений Бориса Гринченко. Книга содержала варианты обеих повестей издания 1963 г. — о чем указано в примечаниях Анатолия Погрибного и Василя Яременко [14, с. 590]. Такую подготовку текстов к изданию Николай Гончарук назвал слишком прямолинейной, наименее трудоемкой и, на первый взгляд, самоочевидной — «без углубления в сущность проблемы» [4, с. 59—60]. Таким образом, издательская традиция ДВУ 1927 г., подкрепленная академическим изданием 1963 г., продолжилась авторитетной публикацией уже в независимой Украине. К тому же, ее тираж более чем в три раза превысил показатель предыдущей книги (с «неиспорченным» текстом): 90,7 тыс. экземпляров против 30 тыс.

Гринченковедение XXI в. характеризуется результативностью, не уступающей наследию 1990-х гг. Следует отметить зачастую более

высокий уровень специализации статей. А вот тексты «В темную ночь» и «Под тихими вербами» в последних сборниках произведений Гринченко все так же подчинены ложной эдиционной традиции. Как и можно было ожидать, в очередном издании текстов писателя «Науковой думкой» (2002) были использованы те же варианты повестей, что и для предыдущей упомянутой книги этого издательства [11].

Последняя на момент написания статьи публикация «В темную ночь» и «Под тихими вербами» датирована 2008 г. Она напечатана в первом томе собрания «Борис Гринченко. Избранные произведения: В 2 томах» издательства «Интеллект-Арт». Отбор источников текстов повестей для этой книги повторил практику предыдущих изданий (составители сообщили, что ориентировались на издание «Науковой думки» 1991 г. [9, с. 4]). Таким образом, традиция издания «испорченного» текста (в первую очередь, «Под тихими вербами») получила в новом веке безальтернативное продолжение, насчитывая в общей сложности уже более 80 лет.

Список литературы:

1. Білецький О. Борис Грінченко // Білецький О. Письменник і епоха: Збірник статей, досліджень, рецензій з питань української літератури. — К.: Держ. вид-во худ. л-ри, 1963. — 538 с.
2. Білецький О. [Подготовительные материалы к статьям о Гринченко]. — Отдел рукописных фондов и текстологии Института литературы им. Т.Г. Шевченко НАН Украины. — Ф. 162. — Д. 43.
3. Вишневецький М. Борис Грінченко // Література в школі. — 1960. — № 3. — С. 84—88.
4. Гончарук М. Проблеми основного тексту прозових творів Панаса Мирного 1870-х рр. // Спадщина. — 2007. — Т. 3. — С. 57—94.
5. Гринченко Б. В темную ночь. Под тихими вербами: Повести. — Москва: Гос. изд-во худ. л-ры, 1961. — 398 с.
6. Гринченко Б. Під тихими вербами. — К.: Типогр. імпер. ун-та св. Володимира, 1902. — 234 с.
7. Грицюта М. Селянство в українській дожовтневій літературі. — К.: Наукова думка, 1979. — 314 с.
8. Грінченко Б. Вибрані твори. — К.: Дніпро, 1987. — 464 с.
9. Грінченко Б. Вибрані твори: У 2 т. — К.: Інтеллект-Арт, 2008. — Т. 1. — 448 с.
10. Грінченко Б. Під тихими вербами: Вибрані твори. — К.: Радянська школа, 1991. — 494 с.
11. Грінченко Б. Поезії. Повісті. Оповідання. — К.: Наукова думка, 2002. — 432 с.
12. Грінченко Б. Твори. — К.: Молодь, 1970. — 356 с.

13. Грінченко Б. Твори: У 2 т. — К.: Вид-во АН УРСР, 1963.— Т. 2. — 592 с.
14. Грінченко Б. Твори: У 2 т. — К.: Наукова думка, 1991. — Т. 2. — 608 с.
15. Кирилюк Є. Борис Грінченко // Література і мистецтво. — 1943. — № 17. — С. 2.
16. Лихачев Д. Текстология. Краткий очерк. — М.: Наука, 2006. — 176 с.
17. Охріменко П. Серце, зотлієє з муки // Вітчизна. — 1988. — № 12. — С. 158—160.
18. Погрібний А. Клейнод душі моїй – добро мого народу... // Наука і культура. Україна. — 1989. — № 23. — С. 72—87.
19. Погрібний А. У двобої з часом // Пам'ять століть. — 1999. — № 1. — С. 39—48.
20. Хропко П. Диалогія Бориса Грінченка з життя села // Дивослово. — 1997. — № 2. — С. 33—36.
21. Чорновіл В. Вперше після перерви // Чорновіл В. Твори: В 10 т. — 2002. — Т. 1. — 634 с.
22. Яременко В. Борис Грінченко. Проза — Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. філол. наук. — К., 1969. — 28 с.

**«БИОГРАФИЧЕСКАЯ»
ЛИНИЯ В УКРАИНСКОМ ФОРМАЛИЗМЕ:
ОПЫТ В. ПЕТРОВА (ДОМОНТОВИЧА)**

*Коваленко Татьяна Александровна
аспирант Донецкого национального университета,
г. Донецк*

В современном литературоведении за формализмом прочно закрепилась слава «сциентификатора» науки о литературе, родоначальника «грамматического» теоретико-литературного искусства, сосредоточенного исключительно на тексте произведения [4]. Однако в последние два десятилетия этот стереотип восприятия формализма усиленно подрывается путем открытия новых функциональных горизонтов названного явления, в результате чего формализм предстает с неожиданной стороны — не только как научная и литературная, но и как социальная активность особого рода. Социальное измерение исследуется, прежде всего, на примере российской версии, однако, благодаря привлечению нероссийских реализаций формализма, проблема принимает совершенно новые

очертания. Особенно продуктивной в данном контексте будет работа с украинским формализмом, который в силу ряда причин не имел возможностей для полноценной деятельности, поэтому использовал альтернативные пути для собственного развития, демонстрируя потенциал стереоскопического функционирования формализма. Украинский опыт, благодаря своей специфике, позволяет проследить синтетичность разных векторов формалистской активности, доказывает органичность разнообразных проявлений системы. **Актуальность** выбранной темы, таким образом, обуславливается ее информационным потенциалом для изучения как формализма в целом, так и его украинской версии в частности. **Новизна** статьи определяется отсутствием исследовательского внимания к «биографической» линии в украинском контексте.

Цель статьи — осмыслить «биографическую» линию в украинском формализме на примере творчества В. Петрова (Домонтовича). Достижение поставленной цели требует выполнения следующих **задач**:

1. дать определение «биографической» линии и очертить способы ее проявления;
2. рассмотреть парадигму проявления «биографической» линии в украинском формализме;
3. проследить модификации «биографической» линии в опыте В. Петрова-Домонтовича в сравнении с российским контекстом.

В основе решения поставленной проблемы лежит представление о формализме как об аутопозисной системе, то есть системе, функционирование которой происходит как самопостроение и самовоспроизведение (см. теорию аутопозиса У. Матураны и Ф. Варелы [8]), а также концепция синтетической реализации формализма, предложенная в монографии Я. Левченко «Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии» [7], составляющие **теоретико-методологическую основу** статьи.

Как отмечает Я. Левченко, «формализм направляет рефлексивную энергию на себя, чтобы осознать логику своего развития и вписаться в синхронный исторический контекст» [7, с. 41]. Таким образом, формализм перманентно пребывает в состоянии самоконструирования, самоописания, создания собственного метатекста. Покидая пределы текстовой реальности, формализм все равно остается крепко с ней связанным, что как нельзя лучше отображает «биографическая» линия, условно названная по аналогии с сюжетными линиями литературного произведения.

Итак, под «биографической» линией в данной статье понимается способ социальной и текстовой реализации формализма, в котором ключевую роль играет биографический компонент в разных его проявлениях. Фактическим воплощением введенного понятия являются тексты, направленные на осмысление феномена биографии, человека в истории и т. п. «Биографичность» концентрирует «жизнестроительную» направленность формализма, роднящую его с символизмом и авангардом, а также сближающую формализм и соцреализм, который «выступает преемником жизнестроительного пафоса революционного авангарда» [9].

Главная особенность «биографической» линии состоит в ее фрактальности — постоянной самовоспроизводимости и самоповторяемости в разных проявлениях. «Биографическая» линия концентрирует в себе общую тенденцию формализма к восприятию биографии как *tertium comparationis* в любых видах текстов, подчеркивает взаимозависимость жизни и литературы, единство события и его описания [7, с. 66]. Текстуальные ее проявления обнаруживаются в работах с обязательным биографическим компонентом. Обращаясь к опыту наиболее реализованной российской версии, можно выделить такие группы текстов, реализующих «биографическую» линию:

1. научные работы (например, работы Б. Эйхенбаума о Л. Толстом, период написания которых охватывает 1922—1940 гг.);
2. эссеистика и мемуаристика а также автобиографические художественные тексты (В. Шкловский «Третья фабрика» 1926 г., «Жили-были» 1962 г.), «Сентиментальное путешествие» 1923 г., «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» 1923 г.;
3. романы-биографии (Ю. Тынянов «Кюхля» 1925 г., «Смерть Вазир-Мухтара» 1928 г. и неоконченный «Пушкин»).

Как видно, «биографическая» линия реализовывалась в ОПОЯЗе — группе с интенсивным обменом идеями между ее участниками, что сыграло не последнюю роль в развитии анализируемого феномена. Кроме того, даже на примере приведенных текстов прослеживается постоянство интереса к биографическому компоненту, подчеркивающее его важность для формализма.

В украинском контексте биографический компонент был не менее важен, однако, его проявления были гораздо более рассредоточены, что в целом отвечало характеру украинской «рассеянной» версии. Причины подобной ситуации лежат в сложности социального контекста, в котором проходил становление и функционировал украинский формализм (в момент его развития социализм уже завоевывал монополистическое положение, что ограничивало

потенциальное пространство функционирования формализма), так и в нечеткости связи символизма, авангарда и формализма в Украине. С другой стороны, именно эти сложности косвенно содействовали тому, что «биографическая» линия все же реализовалась, поскольку получала импульсы от других компонентов, имеющих еще меньшие возможности для полноценной деятельности. Дополнительным фактором, способствовавшим важности «биографической» линии в украинском формализме, была важность национальной проблематики, в контексте которой конструирование собственной биографии приобретало национальную значимость.

Таким образом, контекст функционирования определял смещение «биографической» линии в украинском формализме в сторону ее социального воплощения, что находило реализацию в культуртрегерстве (Н. Хвильевой, М. Семенко), внешнем конструировании писательской личности (Эдвард Стриха / Кость Буревий; Зиновий Бережан / Зиновий Штокалко). Связь перечисленных авторов с формализмом заключается в использовании способов преодоления предыдущего литературного ряда, подобных выделенным в работах русских формалистов: пародировании, создании необходимых для введения инновации инстанций [3]. Кроме социального аспекта, «биографическая» линия в украинском формализме конструировалась также специальным информационным продуктом — биографической прозой. В этом контексте непременно следует вспомнить романную пенталогию А. Полторацкого «Повесть о Гоголе», создающую альтернативу названным выше тыняновским текстам и оригинально продолжающую украинский формализм [6], а также произведения В. Петрова (Домонтовича).

Благодаря своей многогранности, опыт В. Петрова (Домонтовича) занимает особое место в парадигме реализации «биографической» линии в украинском формализме. Осознавая невозможность полноценного анализа наследия В. Петрова (Домонтовича) в рамках статьи, сосредоточимся на модификациях «биографической» линии в опыте автора в сравнении с более известным российским опытом.

В «жизненстроительстве» В. Петрова можно выделить два измерения — социальное (конструирование собственной биографии) и текстуальное (воплощение биографических контрапунктов в художественных произведениях), пребывающих в тесной взаимосвязи. Многочисленные повороты судьбы В. Петрова нашли отображение в разнообразии его исследовательских интересов и художественных поисков, чему пристальное внимание уделяет В. Агеева в монографии «Поэтика парадокса. Интеллектуальная проза В. Петрова-

Домонтовича» [2], которая также пишет: «В личной судьбе писателя отобразились едва ли не все основные коллизии, которые акцентируются в его прозе» [1, с. 3]. Таким образом, связь текстов и личной биографии В. Петрова (Домонтовича) отвечает принципам функционирования аутопоэзисных единств, самовоспроизводящихся в процессе деятельности.

Неоднозначность жизненного пути В. Петрова, «шестого в гроне» репрессированных киевских «неоклассиков» [10], обличителя советского режима в эмиграции, мирно работавшего научным сотрудником после возвращения в СССР, исследовательница концептуализирует как «множественность биографий в кризисную эпоху», по сравнению с которой извилистый жизненный путь В. Шкловского, наиболее «играющего» среди русских формалистов, выглядит намного спокойнее. Тем не менее, именно игровое начало в конструировании собственной биографии и его претворение в художественных текстах позволяет сближать В. Петрова и В. Шкловского, хотя характер «проговаривания» собственного опыта в их текстах существенно отличается.

В отличие от В. Шкловского, В. Петров (Домонтович) не оставил многочисленной эссеистики и автобиографических произведений, хотя «Болотная лукроза», содержащая воспоминания о «неоклассиках», имеет нечто общее с «Третьей фабрикой» русского формалиста. Однако, если для опоязовцев, по словам Я. Левченко, было характерно «помещение себя в историю и с необходимостью — в ту или иную нарративную инстанцию» [7, с. 10], то украинский автор размыкает историю, осмысливая единство времени: «Существует закон единства времени: в то же определенное время целый мир проходит через этапы тех же чувств, через смуту тождественных поступков, волны взаимосвязанных идей!» [5, с. 89], — писал В. Домонтович, сравнивая преклонение перед падшей женщиной в жизни Ван Гога и «Преступления и наказании» Ф. Достоевского.

Размыкание истории, ощущение ее всеединства закономерно приводит В. Петрова (Домонтовича) к расширению парадигмы биографических жанров. «Алина и Костомаров» (1929 г.), «Романы Кулиша» (1930 г.) вполне вписываются в формат романизированных биографий Ю. Тынянова (особенно при учете научного интереса В. Петрова к творчеству П. Кулиша, отраженного в монографии «Пантелеймон Кулиш в пятидесятые годы. Жизнь. Идеология. Творчество» 1929 г.), тогда как претворение собственного опыта в художественных текстах не имеет равноценных аналогов в российском контексте. Присутствие «биографического» компонента

остается существенным и в «небиографических» романах В. Домонтовича («Девочка с медвежонком» 1928 г., «Доктор Серафикус» 1947 г., «Без почвы», полностью вышедший в 1948 г.), объединяемых в единое целое с другими работами автора сквозными тематическими линиями: мотивами двойника, раздвоенной или утраченной идентичности, вживления в другую культуру или историческую эпоху; психология «беспочвенного» человека, индивида, вынужденного приспосабливаться к новой системе ценностей и моральных приоритетов [2, с. 226].

В границах собственно биографических жанров В. Домонтович также выступает инноватором по отношению к российскому опыту, поскольку, кроме романа-биографии, обращается и к очерку («Ой поехал Ревуха да по морю гулять»), рассказу («Писатель и генерал»), биографической новелле («Одинокий путешественник идет по одинокой дороге»), а также апеллирует к апокрифическому канону («Святой Франциск из Ассизи»). Помимо жанровой и тематической широты, В. Домонтович лишает биографические жанры присущей им в российском контексте документальности, следуя названию одного из романов — «почвы». Указанные выше отличия биографической прозы В. Домонтовича от российского формалистского контекста, при одновременном сохранении связи с ним (наиболее ярко — в иронизации и пародировании романтического дискурса в романизированных биографиях и уже меньше в других жанрах), свидетельствуют о выдвигании автором альтернативы российскому опыту, характерном для украинского формализма в целом.

Таким образом, выделение в формализме «биографической» линии дает возможность глубже осмыслить один из векторов реализации системы, а также сравнить разные национальные версии формализма. Так, сопоставление анализируемого феномена в русском контексте и творчестве В. Петрова (Домонтовича) позволило проследить такие особенности украинской реализации «биографической» линии, как расширение тематического и жанрового диапазона, реализацию во всех текстах с биографическим компонентом концепции «единой истории», что дает основание квалифицировать опыт В. Петрова (Домонтовича) как центробежный (на фоне центростремительного вектора, реализованного в российском формализме).

Список літератури:

1. Агеєва В.П. Дзеркала й задзеркала Віктора Домонтовича // Домонтович В. Самотній мандрівник простує по самотній дорозі: Романізовані біографії / Передм., упорядкування В. Агеєвої. — К., 2012. — с. 3—20.
2. Агеєва В.П. Поетика парадокса: Інтелектуальна проза Віктора Петрова-Домонтовича. — К.: Факт, 2006. — 432 с.
3. Гудков Л.Д. Социальные механизмы динамики литературной культуры // Тыняновский сборник. Четвертые тыняновские чтения / Отв. ред. М.О. Чудакова. — Рига, 1990. — с. 120—131.
4. Домашенко А.В. Об интерпретации и толковании. — Донецк: ДонНУ, 2007. — 278 с.
5. Домонтович В. Самотній мандрівник простує по самотній дорозі // Домонтович В. Самотній мандрівник простує по самотній дорозі: Романізовані біографії / Передм., упорядкування В. Агеєвої. — К., 2012. — с. 61—152.
6. Коваленко Т. Наша відповідь Чемберлену: «гоголіана» О. Полторацького й історико-біографічні романи Ю. Тинянова // Наукові праці: науково-методичний журнал. — Т. 158. Вип. 170. Філологія. Літературознавство. — Миколаїв, 2011. — с. 23—26.
7. Левченко Я. Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 304 с.
8. Матурана У., Варела Ф. Древо познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 224 с.
9. Морозов А. Социалистический реализм — фабрика нового человека // Искусство. — 2003. — № 6. — с. 14—15. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://art.1september.ru/2003/06/no06_2.htm.
10. Шерех Ю. Шостий у гроні. В. Домонтович в історії української прози // Пороги і запоріжжя. Література. Мистецтво. Ідеологія: у 3 т. — Х., 1998. — Т. 3. — с. 98—135.

3.5. ЖУРНАЛИСТИКА

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ АСОЦИАЛЬНОМ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Ложкина Анастасия Ивановна

*магистр журналистики, администратор сайта
Инновационного Евразийского университета, г. Павлодар*

Изучая понятия «асоциальность» (отклонение поведения от нормы) нельзя обойти вниманием и категорию самой «*социальной нормы*». Ведь именно норма оценивает сложившуюся в данном конкретном обществе меру допустимости того или иного поведения. Норма может соответствовать законам развития общества, недостаточно адекватно отражать их, а порой находиться с ними в противоречии, становясь продуктом искаженного отражения объективной реальности. И тогда «норма» оказывается сама «*анормальной*».

Любое *новое* может стать отклонением от нормы, вследствие чего будет восприниматься как аномалия, и тем аномальнее оно будет выглядеть, чем значительнее новое будет отличаться от привычного. Теперь становятся понятными высказывания, характерные в основном для последователей Фрейда, о тождестве безумия и гениальности, о патологическом характере творчества, о генетической отягощенности творческой личности. Другие ученые, такие как Платон, Гегель, Хайдеггер считали отрицание источником развития общества.

Чувство «*социальной дискомфортности*» как отдельного человека, так и средств массовой информации может порождать поиски выхода не только в творчестве, но и в *асоциальном поведении* — агрессии, насилии, вандализме, а также алкоголизме, наркомании и др.

Оценка подобных проявлений асоциальности со стороны государства и общества, отнесение определенных форм деятельности к разряду асоциальных — результат деятельности структур власти и различных идеологических институтов, в сфере деятельности которых формирование общественного сознания. Главенствующая роль в формировании идеологии общества принадлежит существующему политическому режиму. Рассмотрим это на примере «асоциальности» некоторых явлений при политическом режиме советского государства.

После октября 1917 г. власть советов, в становлении которой огромная роль принадлежала демократической, революционно настроенной молодежи и интеллигенции, на протяжении некоторого времени сохраняла имидж демократичности, либерализма и прогрессивности. Руководство страны в первые годы либерально-аболиционистски относилось к тому, что через какой-то десяток лет трактовалось как чуждое и враждебное советскому народу.

Так, в 20-е гг. *проституция* воспринималась вполне терпимо. Социальный контроль в основном сводился к попыткам реабилитации женщин, вовлеченных в сексуальную коммерцию, путем повышения образовательного и профессионального уровня и привлечения к труду. С утверждением тоталитарного режима в стране отношение ко всем «пережиткам капитализма», «чуждым советскому народу» меняется кардинально. В 30-е гг. вместо реабилитации *проститутки*, по отношению к ним начинаются массовые репрессии. Примерно к тому же времени относится появление эвфемизма «женщины, ведущие аморальный образ жизни» так как проституции в советском обществе не могло быть по определению [5].

Похожая ситуация наблюдалась в отношении гомосексуализма. В декабре 1917 г. была отменена уголовная ответственность за гомосексуальную связь, не предусматривалась уголовная ответственность за *гомосексуализм* и в Уголовных кодексах 1922 и 1926 гг. В первом издании Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) 1930 г. говорилось: «Понимая неправильность развития гомосексуалиста, общество не возлагает и не может возлагать вину... на носителей этих особенностей... Наше общество... создает все необходимые условия к тому, чтобы жизненные столкновения гомосексуалистов были возможно безболезненнее» [2, с. 594]. В 1934 г. отношение к *гомосексуализму* резко меняется. Вводится уголовная ответственность за мужской гомосексуализм (с наказанием в виде лишения свободы на срок от 3 до 8 лет). В 1936 г. народный комиссар юстиции РСФСР Н. Крыленко сравнил гомосексуалистов с фашистами и иными врагами большевистского строя (при том что в гитлеровской фашистской Германии гомосексуалистов уничтожали физически). Во втором издании БСЭ мы можем прочитать: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным... В буржуазных странах, где гомосексуализм представляет собой выражение морального разложения правящих классов, гомосексуализм фактически ненаказуем» [3, с. 35].

Законодательно закрепленный запрет на употребление и продажу *наркотиков* отсутствовал вплоть до мая 1928 г. Государство фактически не обращало никакого внимания на наркопотребление и наркотизм как социальное явление. И только в 1934 г. вводится уголовное преследование за посевы индийской конопли и опийного мака.

В период национал-социализма асоциальными называли людей, ставших жертвами активного преследования. Акция «Не работающий на рейх» стала кульминацией «преследования асоциального» в национал-социализме. С 1938 года Управление социального обеспечения Германии призвало полицию арестовывать «асоциальных» личностей. Вместо оказания помощи, власти собирали и уничтожали нуждающихся и бездомных. Полиция также арестовывала лесбиянок как «асоциальных» или проституток. В *категию асоциальных* входили также бродяги, убийцы, и воры. Лица данной категории имели соответствующую отметку на одежде заключённого концлагеря (*чёрный треугольник*) [9].

В нацистской Германии было осуществлено полное уничтожение людей с девиантным поведением независимо от социального контекста. В то же время «преступное» употребление наркотиков, в частности производных каннабиса, было допустимо, «нормально», легально во многих азиатских странах, да и в современных Нидерландах.

Широко распространенное «законное» потребление алкоголя — незаконно, преступно в странах мусульманского мира. Легальное сегодня курение табака было запрещено под страхом смертной казни в средневековой Голландии. Умышленное причинение смерти (убийство) — тяжчайшее преступление, но и подвиг в отношении противника на войне.

В качестве извечных, незыблемых постулатов воспринимаются заповеди, гениально сформулированные в Ветхом завете: не убий, не укради, чти отца своего и иные, упомянутые ранее. Но, *во-первых*, вспомним, что заветы эти, в свое время, были восприняты как крутое диссидентство, как нарушение исконных нравственных норм (сравним прежде: «Око за око» — и новое «Если ударили тебя по одной щеке, подставь другую»). *Во-вторых*, еще в прошлом веке, у некоторых северных народов счастливым считался отец, у которого был сын, способный лишить его жизни. В Японии не столько уж давно были счастливы те родители, которых сын мог сбросить в пропасть, лишить дыхания, либо другим способом отправить в почитаемую страну предков. При этом уже существовали такие общечеловеческие заповеди, как «чти отца своего», «не убий» и много позже этого — «не человек для субботы, а суббота для человека», т. е. как справед-

ливо утверждали древнееврейские мыслители, не человек для морали, а мораль для человека, для выживания его рода.

Поскольку условия для выживания в разных странах в разные времена отличались разительно, то полярно противоположный лик, случалось, являла и категория нравственности. В условиях жесточайшего голода род, племя могли выжить и продлить свое существование только за счет распределения оставшихся крох пищи и жира между молодыми и сильными. Так что же: оставлять брошенных в голоде и холоде стариков на долгую и мучительную смерть, либо же мгновенно избавлять их от страданий? Что в этих экстремальных обычаях, типичных для жизни народности, морально, а что аморально? А ведь из условий бытия вытекают и представления о сыновьем долге, прямо противоположные христианским заповедям.

Еще пример. Самоубийство — тяжкий грех; самоубийц по христианским канонам даже нельзя хоронить на общих кладбищах. Но вот повесть Ч. Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря»: нивхи — рыбаки, унесенные на лодке в море, один за другим уходят за борт, в физическое небытие, чтобы сохранить остаток воды для поддержания жизни единственного ребенка, оказавшегося с ними. Чтобы не прервалась нить родовой жизни, которая тянется из безмерной глубины прошедших тысячелетий и не должна пресечься. Как относиться к таким самоубийствам?... [1, с. 71]

С нашей точки зрения, вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененный процесс жизнедеятельности по удовлетворению своих потребностей, как считает Я. Гилинский. «Я устал и выпиваю бокал вина или рюмку коньяка, или выкуриваю «Marlboro», или выпиваю чашку кофе, или нюхаю кокаин, или выкуриваю сигарету с марихуаной... Для меня все это лишь средства снять усталость, взбодриться. И то, что первые четыре способа социально допустимы, а два последних «девиантны», а то и преступны, наказуемы — есть результат социальной конструкции, договоренности законодателей «здесь и сейчас» (ибо бокал вина запрещен в мусульманских странах, марихуана разрешена в Голландии, курение табака было запрещено в Испании во времена Колумба и т. д.) [4].

В древнем, доисторическом обществе, считали жестокое преступление трогательным (патетическим). На убийцу тогда смотрели так, как сегодня смотрят на умирающего от рака. «Как ужасно, должно быть, чувствовать так» — говорили они.

В книге Ю. Клейберга была высказана такая позиция: «Думается, что мы должны относиться к гомосексуалистам терпимее и более

сдержанно, должны понимать, что их жизнь сложнее. Нельзя же обвинять диабетика, что он диабетик! ...Они всюду чувствуют свою необычность, инаковость, хотя вреда, собственно, от них нет... Высказываются сомнения, можно ли вообще гомосексуализм отнести к отклонениям» [7].

Вышеперечисленные примеры показывают, что ни один поведенческий акт, не может быть «асоциальным» по своей природе. Только государство, господствующий режим определяют отношение к различным явлениям как к нормальным или асоциальным.

Образно говоря, жизнедеятельность человека — это пламя, некоторые языки которого признаются — обоснованно или не очень — опасными для других, а потому «тушатся» обществом (в случае морального осуждения) или государством (при нарушении правовых запретов)».

Важно помнить: когда изучается асоциальность и асоциальные явления, речь идет о конкретном государстве, с его конкретной нормативной системой и об отклонениях норм, действующих именно в данном обществе — не более. В другом обществе, и в другой период времени рассматриваемые явления могут не иметь статуса асоциальных.

Более того, социальные девиации и девиантное поведение могут иметь для системы (общества) двоякое значение. Одни из них — *позитивные* — служат средством (механизмом) развития системы, повышения уровня ее организованности, устраняя устаревшие стандарты поведения. Это социальное творчество во всех его ипостасях (техническое, научное, художественное и др.). Другие же — *негативные* — дисфункциональны, дезорганизуют систему. Это преступность, наркотизм, коррупция, терроризм и др. [8]

Однако, *во-первых*, границы между позитивным и негативным асоциальным явлением подвижны во времени и пространстве социумов. *Во-вторых*, в одном и том же обществе сосуществуют различные нормативные субкультуры (от научного сообщества и художественной богемы до преступных сообществ и субкультуры наркоманов). И то, что «нормально» для одной из них, — «асоциально» для другой или для общества в целом. *В-третьих*, «а судьи — кто»? Кто и по каким критериям вправе оценивать «позитивность-негативность» социальных девиаций? Равно как и «нормальность-анормальность».

Вам нравятся голубые глаза? А тем не менее, голубые и серые глаза — это мутация карих глаз, рецессивный фенотип. Голубые глаза могут быть только у людей. У всех остальных приматов глаза карие. Так же и асоциальное поведение. Оно так же встречается только у людей

и только при рецессивных генах. Это отличительная черта человеческого вида. Так как человек — высшее существо, то появление такого новшества как асоциальность наверняка носит эволюционный характер. Быть может, через несколько миллионов лет человек станет полностью независимым и просвещённым. А что даёт асоциальность в наши дни? Она даёт свободу от стадного поведения. Мы сами несём ответственность за наши деяния, но следовало бы возлагать его на «стадо». При асоциальности такой неразберихи не будет.

Преодоление асоциального в журналистике должно начинаться с ее точного диагностирования как тревожной тенденции в *эволюции* средств массовой информации. Далее — необходимо заново возвысить понятие профессионального долга как служения обществу. На этой основе будет формироваться новая журналистская деонтология — целостная система различных норм, обеспечивающих достойное выполнение всего объема обязанностей рассматриваемых как профессиональный долг. Главная доля ответственности за преодоление асоциальности ложится на плечи самой редакции. На нынешнем этапе развития российской прессы ближайшей задачей становится первоначальное, элементарное по трудоемкости наведение порядка на информационном рынке.

Список литературы:

1. Андреев Ю.А. «Мужчина и женщина», СПб «РЕСПЕКТ», 1996 г., с. 337.
2. Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд., 1930 г. М. Т. 17. С. 594—598.
3. Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. М. 1952 г. Т. 12, с. 35.
4. Гилинский Я.И. Конструирование преступности [Электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: http://univer.gagauzia.ru/publ/jurisprudencija/ja_i_gilinskij_konstruirovanie_prestupnosti/2-1-0-15.
5. Горяинов К.К., Коровин А.А., Побегайло Э.Ф. Борьба с антиобщественным поведением женщин, ведущих аморальный образ жизни. М., 1976.
6. Гутионтов П., Плутник А., Шинкарев П. Апрельские тезисы (Размышления перед Съездом Союза журналистов России) // Российская газета. — 22 апреля 2008 г.
7. Клейберг Ю.А. Социальная психология девиантного поведения. М., 2004 г., 192 с.
8. Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы/ под общ. Ред. Курмеловой П.К.. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009 г. — 440 с.
9. The unsettled, "asocials", alcoholics and prostitutes// [Электронный ресурс] — Режим доступа: — URL: <http://www.chgs.umn.edu/histories/documentary/hadamar/asocials.html>.

3.6. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАГМАТИКИ ОТКРЫТОСТИ ДИСКУРСА СПЕЦСЛУЖБ НА УРОВНЕ ОНОМАСИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ СПЕЦСЛУЖБ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США)

Завадская Елена Витальевна

*соискатель Национального университета имени Тараса Шевченко,
г. Киев*

Конец XX — начало XXI века в лингвистике характеризуются изучением языка с учетом особенностей его функционирования в процессе коммуникации, в том числе — отраслевой. Спецслужбы также являются определенным социальным институтом и неотъемлемой частью современного государства и общества. Они имеют свой статус, совокупность ролей, и их коммуникативное поведение определяется отраслевыми стандартами и социальными нормами. При этом под спецслужбами мы понимаем «государственные органы, которые выполняют определенные разведывательные и контрразведывательные функции» [3, с. 53]. В последние годы наблюдается тенденция к большей коммуникационной открытости спецслужб, о чем свидетельствует следующее:

- появление официальных веб-сайтов соответствующих институтов, которые содержат полностью открытую для общественности информацию;
- рассекречивание и обнародование архивов;
- создание органов гражданского контроля над деятельностью спецслужб;
- рост спектра международного сотрудничества спецслужб и обмена информацией.

Согласно последних международных исследований в сфере обеспечения безопасности наметилась тенденция к большему обмену информацией «вертикальному и горизонтальному, внутреннему и внешнему» [9, с. 197]. Изменилась прагматика коммуникаций в обществе, что предопределено изменением медиапространства. Преиму-

щество предоставляется горизонтальным коммуникациям, и, как результат, это приводит к большей открытости дискурса спецслужб.

Прагматика открытости дискурса реализуется на разных уровнях, в том числе и на уровне ономазиологии. Уровень ономазиологии в открытых источниках спецслужб был мало представлен до появления их официальных веб-сайтов. На сегодняшний день данное явление не являлось предметом специального лингвистического исследования, что обуславливает **актуальность** данной работы. Ее **цель** — исследовать реализацию параметра открытости в интернет-дискурсах спецслужб сквозь призму уровня ономазиологии. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. определить уровни ономастической лексики, представленной на официальных веб-сайтах спецслужб Великобритании (Службы безопасности (МИ-5) и Секретной разведывательной службы (МИ-6)) и США (ФБР и ЦРУ);

2. выяснить роль ономастической лексики в реализации прагматики открытости дискурса спецслужб.

Согласно одному из определений О. Ахмановой, ономазиология — это «совокупность (система) личных имен как особый предмет лингвистического изучения» [3, с. 288]. Иными словами, ономастика — собственные имена различных типов, ономастическая лексика. Собственные имена, представленные на официальных веб-сайтах спецслужб Великобритании и США, представляют собой, в частности, антропонимы и топонимы.

Антропонимом является любое имя собственное, которым зовется человек: имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним [2, с. 35]. Антропонимы концентрируют в себе национально-культурную и прагматичную информацию, они имеют социальную и историческую направленность, поскольку отображают не только деятельность лиц той или другой эпохи, но и характеризуют идеологию людей, их общественные традиции. Социальная направленность антропонимов, в первую очередь, проявляется в их различительной или дифференцирующей функции [6].

В дискурсе спецслужб Великобритании и США антропонимы представлены следующим образом:

- сайт МИ-5 в разделах *Speeches by the Director General* и *History: Origins* предоставляет имена нынешнего руководителя этой организации (*Джонатан Эванс (Jonathan Evans)*) и его предшественников, начиная с 1904 г. (*Вернон Келл (Vernon Kell)*, *Мэнсфилд Каммингс (Mansfield Cumming)* и другие) [11];

- на сайте МИ-6 сообщается, что имя руководителя разведывательной службы Соединенного Королевства (*Джон Соуэрс (John Sawers)*) — это единственное из всех сотрудников этой организации имя, которое официально обнаружено [10];

- сайт ФБР на странице *Executives* наряду с именем директора ФБР (*Роберт Свэн Мюллер III (Robert Swan Mueller, III)*), предоставляет полный список имен его заместителей (*Шон М. Джойс (Sean M. Joyce)*, *Кевин Л. Перкинс (Kevin L. Perkins)* и др.), директоров и исполнительных директоров отделений Центрального аппарата Бюро (*Стивен Д. Келли (Stephen D. Kelly)*, *Вероника Вентьюр (Veronica Venture)* и другие), отделов/офисов (*Валери Э. Кэпрони (Valerie E. Caproni)*, *Патрик В. Келли (Patrick W. Kelley)* и другие), направлений (*Ричард МакФили (Richard A. McFeely)*, *Джанет Л. Камерман (Janet L. Kamerman)* и другие) — всего 43 имени высокопоставленных должностных лиц; также на сайте представлены имена рядовых действующих (*Special Agent Brooke Donahue, Acting Special Agent in Charge Nestor Duarte*) и бывших (*Special Agent Arthur Thurston, Martha Dixon Martinez*) сотрудников ФБР; отдельный раздел сайта *Wanted by the FBI* содержит имена наиболее разыскиваемых преступников (*Eric Justin Toth, Joe Luis Saenz* и другие), террористов (*Ayman Al-Zawahiri, Muhammad Ahmed Al-Munawar* и другие), жертв похищения и тех, кто пропали без вести (*Sierra Mae LaMar, Robert A. Levinson* и другие) [8];

- на сайте ЦРУ в разделе *Leadership* сообщаются имена директора ЦРУ (*Исполняющий обязанности директора ЦРУ Майкл Дж. Морел (Michael J. Morell)*), его заместителя (*Сью Бромли (V. Sue Bromley)*), руководителей директоратов (управлений) (*Фран Мур (Fran P. Moore)*, *Гленн Гафни (Glenn A. Gaffney)*); что касается имен рядовых сотрудников ЦРУ, то приводятся только имена и занимаемые ими должности (например, *Jane, manager; Steve, analytic manager/military analyst* и другие) [7].

Анализ приведенных примеров позволяет сделать вывод о том, что самый низкий уровень реализации параметра открытости на уровне ономазиологии наблюдается у Секретной разведывательной службы Великобритании МИ-6 (1 антропоним), а наиболее высокий — у контрразведывательной организации США — ФБР (названы все имена руководителей основных структурных подразделений — 43 имени действующих высокопоставленных должностных лиц).

Прагматика антропонимов на сайтах спецслужб Великобритании и США заключается в формировании содержательно-концептуальной информации дискурса и их общей установки на открытость.

Употребление антропонимов обеспечивает эмоционально-экспрессивное представление объекта и достижение разных эффектов: воссоздания национальной языковой картины мира, представление внешних и внутренних характеристик человека, создание образа языковой личности адресанта, выражения оценки. Прагматические значения антропонимов включают также разного рода коннотации — оценочные, эмоциональные, экспрессивные, социальные, психологические и культурологические [6]. Путем использования собственных имен в актах коммуникации выражается отношение коммуникантов — антропонимы выступают в роли языковых единиц, которые обеспечивают разные речевые или коммуникативные стратегии: стратегия дискредитации (обнародование имен преступников и террористов способствует формированию в сознании адресата образа врага — *Eric Justin Toth, Ayman Al-Zawahiri*), стратегия героизации (нацелена на формирование образа героя, возвышение собеседника и пр., например, употребление имен героев — *Martha Dixon Martinez, Robin L. Ahrens*), стратегия фамильярности (включают собеседника в «круг своих», используя формулы обращения к собеседнику, дифференцирующие его как хорошо знакомого человека (*Jane, manager; Steve, analytic manager/military analyst*), стратегия рассекречивания имен высокопоставленных должностных лиц (*Исполняющий обязанности директора ЦРУ Майкл Дж. Морел (Michael J. Morell)*).

Все вышеизложенные факты свидетельствуют о прагматичной направленности электронных ресурсов спецслужб на информирование, создание коммуникативной модели поведения спецслужб и их представителей, что предусматривает реализацию стратегии самопрезентации. В случаях интервью и выступлений представителей спецслужб, когда называются имена участников (*Joanne Pierce Misko*), создается ситуация диалогичности, что допускает учет адресантом коммуникации фактора адресата, его смысловой позиции, а также обозначения ориентации на возможное взаимодействие с помощью определенных языковых средств, в данном случае — антропонимов. Таким образом воссоздается социальный аспект картины мира, спецслужб, который вербализуется с помощью антропонимов и отражает новые отношения коммуникантов, нацеленные на открытость.

Согласно определению Д. Ермоловича, «топонимы как имена собственные обслуживают категорию географических объектов» [4, с. 105]. Топонимы являются носителями экстралингвистического знания, в том числе пластов культурологической информации. Топоним

как языковая единица, которая несет указание на географический объект, является органической составляющей языкового отражения человеческой деятельности, осуществляемой в определенных пространственных и часовых рамках. По мнению А. Пономаренко, роль топонима в дискурсе не сводится к простой идентификации географической соотнесенности объектов и явлений: топоним выполняет разнообразные прагматичные функции. Фоновая информация топонима включает общеизвестный набор фактов в отношении географического положения называемого объекта, его истории и культуры, наиболее известных связанных с ним событий на территории референта и пр. [5]. Д. Ермолович утверждает, что смысл, обусловленный фоновыми знаниями о географическом объекте у членов определённой коммуникативной сферы и возникающий в соответствующих этой сфере контекстах и ситуациях, формирует индивидуализирующий компонент значения топонима. Известность объекта способствует тому, что коммуникативная сфера, в которой реализуется референция топонима, расширяется до всего языкового коллектива. В таком случае признаки референта, подразумеваемые в значении топонима в речи, приобретают общеязыковой статус [4, с. 107]. Таким образом, определяющим фактором правильной интерпретации дискурса спецслужб является объем личных знаний адресата, уровень его образования и общей эрудированности.

На сайтах спецслужб Великобритании и США топонимы широко представлены почтовыми адресами организаций, их филиалов или региональных представительств, названиями стран, штатов, округов, городов, улиц, имеющих непосредственное отношение к деятельности этих органов:

- сайт МИ-5 содержит широкий спектр следующих топонимов: названия континентов (*North Africa*), стран (*the British Empire, Germany, Austria, Belgium, the Soviet Union*), рек (*the Thames*), городов (*London, Potsdam, Falmouth, Newcastle*), районов городов (*Covent Garden, central London, the City of Westminster, the City of London, Vauxhall*), названия улиц (*Millbank and Horseferry Road, Vauxhall Cross, Whitehall, Great Queen Street*), названия зданий своей штаб-квартиры и других зданий (*Thames House, Nobel House, Freemasons' Hall, the Tower*), мостов (*Lambeth Bridge, Vauxhall Bridge*), парков (*Hyde Park*), монументов (*Cenotaph, Royal Artillery Memorial*) [11];

- топонимы на сайте МИ-6 представлены следующим образом: названия крупных географических регионов (*North Africa, South Africa*,

the Middle East), стран (*the United Kingdom, Britain, the USA, Yemen, Syria, Brazil*), рек (*the River Thames*), графств (*Buckinghamshire*), городов (*London, Cairo, Washington, Belfast, Cheltenham*), районов городов (*Vauxhall, Westminster, West Kensington, Lambeth*), названия улиц (*Victoria Street, Vauxhall Bridge Road, Melbury Road, Broadway, Westminster Bridge Road*), зданий (*Ashley Mansions, Broadway Buildings, Century House, Bletchley Park, Westminster Abbey*), парков (*Vauxhall Pleasure Gardens, St James's Park*), станций метро (*St James's Park Underground Station*) [10];

- на сайте ФБР находим следующие топонимы: почтовый адрес штаб-квартиры этой организации (*935 Pennsylvania Avenue, NW Washington, D.C.*), штаб-квартир региональных офисов ФБР (*El Paso Federal Justice Center 660 South Mesa Hills Drive El Paso, TX 79912; FBI San Juan Federal Office Bldg., Suite 526 150 Carlos Chardon Avenue Hato Rey, PR 00918*), названия континентов, стран и городов, где расположены заграничные представительства ФБР при посольствах США (*Europe, Africa, Asia, Berlin, Germany, Bern, Switzerland, Vienna, Austria*), названия штатов и округов США (*D.C., West Virginia, Virginia*), городов (*Washington, Quantico, LA*), названия улиц (*9th and 10th Streets, Baton Rouge*), станций и линий метро (*Federal Triangle on the Orange/Blue lines, Gallery Place/Chinatown and Metro Center on the Red line, Archives/Navy Memorial on the Yellow and Green lines*) [8];

- на сайте разведывательного управления США — ЦРУ — топонимы представляют разные классы названий, а именно: названия стран (*United States, Vietnam, Germany, Canada, Soviet Union, East Germany, Afghanistan* и другие), островов (*Okinawa*), рек (*Potomac River, River Ourcq*), водопадов (*Little Falls, Great Falls*), штатов и округов США (*Langley*), городов (*Washington, New York, Berlin, Winnipeg*), зданий и усадеб (*Original Headquarters Building, the Auditorium, the «Bubble», New Headquarters Building, Rokeby Farm, Calvert House, Calvert Estate, Bletchley Park*), парков (*The Memorial Garden*), монументов та памятников (*CIA Memorial Wall, Berlin Wall, Monument, Atrium Sculpture Hall, Route 123 Memorial*), улиц (*Virginia Route*); ЦРУ также предоставляет адрес почтового ящика для письменных сообщений граждан (*Central Intelligence Agency, Office of Public Affairs, Washington, D.C. 20505*) [7].

Следует отметить, что в целом на сайтах разведывательных служб Великобритании и США (МИ-6 и ЦРУ) географический спектр топонимов является шире, чем на сайтах контрразведывательных органов (МИ-5 и ФБР), деятельность которых осуществляется главным образом на территории собственных стран.

Представленные выше примеры показывают, что топонимы на сайтах спецслужб являются преимущественно единичными, т. е. в их индивидуализирующее значение входит минимальный набор наиболее существенных характеристик географического объекта. Содержание топонимов на сайтах спецслужб представляет совокупность наиболее типичных представлений носителей языка, а также социокультурных, исторических и других ассоциаций, зафиксированных в энциклопедиях и другой справочной литературе, относительно определенного топонима. Это подтверждают типичность использования топонимов для указания на событие вместе с определением пространственных координат объектов и явлений, при этом наиболее характерным является использование топонимов-названий крупных географических объектов (континенты, географические регионы и страны) и названий структурных единиц населенных пунктов (улицы, парки, здания). Учет фактора адресата свидетельствует о направленности дискурса спецслужб на антропоцентризм, и, соответственно на открытость.

Прагматика употребления топонимов направлена и на создание достоверной ситуации, что позволяет воссоздать ход событий, найти дополнительную информацию в прессе. Событийное употребление топонимов, обычно заключается в указании на события общественного и политического характера, но, в первую очередь, — на события в спецслужбе (проведение специальных операций, задержания преступников, освобождения заложников и т. п.).

Таким образом, собственные имена на официальных веб-сайтах спецслужб Великобритании и США, представляют собой, в частности, антропонимы и топонимы. Роль ономастической лексики заключается в реализации прагматики открытости дискурса спецслужб. Употребление антропонимов обеспечивает открытое представление объекта, способствует созданию языкового портрета адресанта и реализации его речевых и коммуникативных стратегий, предусматривают саморепрезентацию представителей спецслужб. Топонимы на сайтах спецслужб имеют общезыковой статус, известность названных объектов свидетельствует о направленности дискурса спецслужб на антропоцентризм, создание достоверной ситуации, и способствует прагматике открытости. Самый низкий уровень реализации параметра открытости дискурса спецслужб на уровне ономастологии наблюдается у Секретной разведывательной службы Великобритании МИ-6, а наиболее высокий — у контрразведывательной организации США — ФБР.

Список литературы:

1. Антропонимика : сб. ст. / АН СССР, Ин- языкознания; ред.: В. А. Никонов, А.В. Супранская. — М.: Наука, 1970. — 360 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. — Изд. 2-ое, стереотип. — М., «Сов. Энциклопедия», 1969. — 608 с.
3. Завадська О. В. Статус поняття «спецслужби» в українській, російській та англійській лінгвокультурах: лексико-семантичний аналіз / О.В. Завадська // *Studia linguistica: збірник наукових праць*; Київський національний університет імені Тараса Шевченка. — Випуск 6. — Частина 2, 2012 р. — с. 48—53.
4. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. — М.: Р.Валент, 2001. — 200 с.
5. Пономаренко А.В. Дискурсивные характеристики топонимов в публицистическом тексте (на материале американской прессы): дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.04 / Пономаренко Алена Викторовна. — Москва, 2003. — 164 с. — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.dissercat.com/content/diskursivnye-kharakteristiki-toponimov-v-publitsisticheskom-tekste-na-materiale-amerikanskoj> (дата обращения 4.12.2012).
6. Рубцова Е.Ю. Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков): дисс. ... кандидата филол. наук: 10.02.19 / Рубцова Елена Юрьевна. — Ростов-на-Дону, 2006. — 151 с. — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.dissercat.com/content/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-v-sovremennom-gazetnom-diskurse-otkliki-na-terroristiche> (дата обращения 4.12.2012).
7. Central Intelligence Agency. — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <https://www.cia.gov/index.html/> (дата обращения 4.12.2012).
8. Federal Bureau of Investigation. — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.fbi.gov/> (дата обращения 4.12.2012).
9. Schreier F. Transforming Intelligence Services to make them smarter, more agile, more effective and more efficient / Fred Schreier. — Vienna and Geneva, 2009. — 249 p.
10. Secret Intelligence Service (MI6). — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <https://www.sis.gov.uk/index.html/> (дата обращения 4.12.2012).
11. The Security Service (MI5). — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <https://www.mi5.gov.uk/home.html/> (дата обращения 4.12.2012).

ИССЛЕДОВАНИЕ ИМЕНИ СОБСТВЕННОГО КАК ОБЪЕКТА ЛИНГВИСТИКИ

Шарипова Елена Владимировна

*старший преподаватель Зауральского филиала Баш ГАУ,
г. Сибай*

«Нет границ жизни имени, нет меры для его могущества. Именем и словами создан и держится мир. Имя носит на себе каждое живое существо. Именем и словами живут народы...» — так высказывался известный исследователь Лосев А.Ф.

В настоящее время интерес к ономастике значительно увеличился. Он проявляется в появлении большого количества книг, посвященных тайнам имени собственного, в издании многочисленных словарей личных имен и фамилий, а также значительное количество научных публикаций.

Многих ученых интересовала история их возникновения, значение и смысл, связь с историей, с мировоззрением и верованиями людей, с окружающей природой. Значительная часть работ в современной лингвистике посвящена изучению функционирования имен собственных в художественном тексте (Белоусова Е.А., Фоянкова А.А. и др.).

Актуальность данной работы заключается в недостаточной изученности функций имён собственных в художественных текстах, а также интерес к анализу языкового материала с точки зрения лингвокультурологии.

Ономастика (от греческого *onomastika* — «искусство давать имена») — раздел языкознания, изучающий собственные имена [1, с. 279].

Н.В. Подольская в своем «Словаре русской ономастической терминологии» выделяет несколько разновидностей ономастики как науки: поэтическая ономастика, прикладная ономастика, региональная ономастика, теоретическая ономастика. Таким образом, ономастика связывает имена с широким кругом социальных, региональных, идеологических, биографических явлений, которые воспринимаются только одним народом, а для других являются непонятными.

В этом отношении Суперанская А.В. сравнивает имена собственные с терминами, а ономастику как науку — с терминологией. Основываясь на работе А.А. Реформатского «Славянская лингвистическая терминология» (1962), она пишет: «Термин всегда член какой-нибудь терминологии, в пределах которой он однозначен, как и имя

собственное всегда достойное какого-либо коллектива, внутри которого понятна не только его объективно-номинативная связь, но и связанная с ним информация. Подобно тому, как для правильного понимания содержания какого-нибудь термина бывает необходимо понять всю теорию, для понимания роли какого-либо имени в обществе необходимо бывает узнать историю этого общества и связи именуемого объекта с другим».

В разговорной речи имена собственные тесно связаны с реалиями, культурой, традициями, религией, бытом, мировоззрением и т. п., которые относятся только к одному народу, нации. В его основе лежит определенный образ, который индивидуален у каждого народа. Человек использует имена как наиболее удобный вариант выделения того или иного объекта.

Современная ономастика делится на три основных раздела — антропонимику (изучает имена людей), топонимику (названия географических объектов), космонимику (названия объектов космического пространства). Ономастика делит имена собственные на имена существующих объектов и имена вымышленных объектов в сказках, мифах (реалионимы и мифонимы). Объектом исследования ономастики является история возникновения имен и мотивы номинации (названия), их становление в каком-либо классе онимов, различные по характеру и форме переходы онимов из одного класса в другой, территориальное и языковое распределение, функционирование в речи, использование и создание собственных имен в художественном тексте [1, с. 230]. Языковая особенность формирует социокультурные стереотипы восприятия мира, которые различны у каждой нации, и которые находят своё выражение в текстах различных жанров.

Как уже отмечалось выше, имена собственные были объектами исследования не только русских, но и зарубежных лингвистов XX в. Основным вопросом обсуждения была специфика имен собственных, их отличие от имен нарицательных. Разные ученые выдвигали многочисленные теории о значении имени собственного, рассматривая их в разных аспектах и высказывая при этом противоположные мнения. Пытаясь определить различия между именами собственными и именами нарицательными, они создавали целые теории. Например, А.В. Суперанская выделила три отличительных признака, которые позволяют отделить имя собственное от имени нарицательного. По её мнению, имя собственное дается индивидуальному объекту; данный объект всегда четко определен, ограничен; имя собственное не связано непосредственно с понятием и не имеет на уровне языка

четкой и однозначной коннотации [4, с. 324]. Она считает, что основным свойством имени собственного является отсутствие связи с понятием, тесная связь с единичным, конкретным объектом.

Ю.А. Карпенко акцентирует внимание на сущностном и функциональном различии собственных и нарицательных имен, а также на их языковых особенностях. Он не считает достаточным только функциональный подход к проблеме, в частности, признание за нарицательными именами функции обобщения (классификации), а за собственными — функции индивидуализации. Кроме этого, он утверждает, что функция — это не сущность, а лишь проявление сущности. Исследователь предполагает, что функциональные различия имен собственных и нарицательных несомненны, но они выражаются не по линии обобщения — индивидуализации, а по линии разграничения — объединения. Разграничение сущности и функции имени собственного фактически сводится к различию положения имени собственного в языке и речи. Языковая суть слова воплощается в его речевой функции. Основной критерий разделения собственных и несобственных имен, по мнению Ю.А. Карпенко, заключается в том, что название одного предмета есть имя собственное, название ряда предметов — нарицательное. В мышлении нарицательному слову соответствует понятие, собственному — представление. В целом же исследователь приходит к формулировке, предложенной лингвистом А.А. Реформатским: собственные имена выполняют, прежде всего, номинативную функцию — называют определенные предметы, нарицательные — семасиологическую — они не только называют, но и выражают понятие о предмете [3, с. 49].

Все ученые рассматривают специфику имени собственного в его значении, но при его толковании мнения исследователей не совпадают. Одни видят специфику в отсутствии значения. Отсюда появляется понятие имен собственных как пустых знаков, сравнение их с символическими знаками. Другие определяют имя собственное по его «гипертрофированной номинативности», посредством которой связана их особая конкретность. Многие лингвисты признают сложность значения имен собственных как единиц языка (чаще всего слов). В современной лингвистике значение слова — это то его содержание, которое понимает и говорящий и слушающий. Оно включает в себя денотативное, сигнификативное, структурно-языковое отношение. Имя собственное обладает всеми этими отношениями, но их качество несколько своеобразно с соответствующими компонентами значения нарицательных слов, что и обеспечивает собственным именам языково-речевую специфику.

На основе этого, мы можем сделать вывод, что собственные имена — это единицы языка (речи), служащие для конкретного названия отдельных предметов действительности и вследствие такой специализации выработавшие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и в функционировании.

Значение нарицательного имени — выражать понятие об определенном классе предметов и называть один или несколько конкретных предметов этого класса. Имя собственное называет определенный предмет, соотнося его с классом однотипных или родственных предметов. У нарицательного слова на первом плане — выделение предмета, на втором — соотнесенность предмета ему подобным. Для нарицательного имени обязательно обозначение понятия и факультативное название конкретного предмета. Для имени собственного обязательно название конкретного предмета и второстепенно его понятийная соотнесенность.

Список литературы:

1. Караулов Ю.Н. Энциклопедия «Русский язык». — М, 1998.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — М., 1988.
3. Реформатский А.А. Введение в языкознание: учебник для вузов. — М., 2003.
4. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. — М., 1973.
5. Суперанская А. В. Структура имени собственного (фонология и морфология) — М., 1969.
6. Фонякова О.И. Имя собственное в художественном тексте. — Л., 1990.

3.7. РУССКИЙ ЯЗЫК

ВЛИЯНИЕ ИДИОСТИЛЯ НА ЯЗЫКОВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ВРАЧЕЙ)

Пономаренко Елена Аликовна

*канд. филол. наук, доцент Крымского государственного
медицинского университета им. с. И. Георгиевского, г. Симферополь*

Понятие *идиостиля* традиционно используется в науке о стилях художественной литературы для описания стиля того или иного писателя, а также стиля отдельного художественного произведения при решении вопросов интерпретации конкретных текстов.

В отечественном языкознании понятие *идиостиля* разрабатывалось В.В. Виноградовым, Б.А. Лариным, Ю.Н. Карауловым, Н.С. Болотновой, Т.В. Матвеевой и другими учёными. В настоящее время данное понятие трактуется как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, учёного, публициста, а также отдельных носителей данного языка» [4, с. 54]; *идиостиль* имеет комплексный характер, разноаспектно выражает социально-психологические и нравственно-этические особенности человека. В идиостиле проявляется его мировоззрение и знание о мире, общая и языковая культура в их текстовом воплощении. *Идиостиль*, таким образом, — это стиль личности во всём многообразии её многоуровневых текстовых проявлений (в структуре, семантике и прагматике текста) [1, с. 159].

Поскольку художественное произведение отражает все виды человеческой деятельности, то в в художественной речи можно обнаружить слова со всеми существующими стилистическими значениями. Использование различных стилистико-языковых средств мотивируется художественным замыслом писателя и обусловлено особым мировидением языковой личности. Для создания художественного образа автор использует разнообразные стилистические ресурсы, имеющиеся на всех уровнях языковой системы: средства словесной образности (тропы), синонимические средства, полисемия,

стилистически окрашенная лексика. При этом в каждом конкретном случае из всего объёма языковых и стилистических средств отбирается одно или несколько необходимых, направленных на поддержку идейно-тематического замысла: «слова и выражения в художественном произведении обращены не только к действительности, но и к другим словам и выражениям, входящим в состав того же произведения... правила и приёмы их употребления зависят от стиля произведения в целом» [2, с. 234].

По своей природе художественный текст является полистилистичным, «оказывается весьма своеобразным синтетическим стилистико-речевым явлением» [3, с. 55], то есть в нём могут присутствовать языковые элементы различных функциональных стилей. Однако художественный текст сопряжён с явлением эстетизации и эти языковые единицы, преобразованные автором в элемент идиостиля, функционируют в соответствии с эстетической концепцией произведения. Эстетическая функция реализуется через систему ключевых слов, словообразов, через авторскую концептосферу, которые требуют обязательного выхода в культурно-историческое пространство. Художник слова описывает явления действительности, с которыми знаком, высказывает и развивает соображения, которые близки и понятны, использует языковые средства, которые наполнены для него личностным смыслом.

Так, в речевых жанрах, извлечённых из произведений писателей-врачей конца XIX — первой четверти XX века, отмечается активное использование разговорно-просторечных единиц — языковых единиц, свойственных речи определённых социальных кругов носителей языка, не владеющих нормами литературной речи. На наш взгляд, высокочастотное употребление подобных языковых средств не случайно. Преднамеренное и сознательно ориентированное определёнными коммуникативно-прагматическими установками использование разговорно-просторечной лексики позволяет передать характер художественной сегментации реального бытия на конкретном временном срезе.

Эпоха начала XX века характеризовалась стремительными переменами в социальной жизни. Происходящие события были связаны с физическими потерями (революции, гражданская война, эпидемии инфекционных заболеваний и т. п.), с переустройством окружающей действительности, постоянными перемещениями в поисках более мирной жизни, а следовательно, с различными типами поведения. В связи с этим в силу своей эмоциональной окрашенности вхождение в ткань художественного произведения разговорно-

просторечной лексики придаёт ей особую стилистическую окраску и способствует воспроизведению речевых норм определённой социальной среды.

Просторечие реализуется исключительно в устной форме, при этом оно может получать отражение в художественной литературе. В системе прозаического текста, объединяющей разнообразные формы речи автора, рассказчиков, персонажей, эстетически значимым становится творческое воспроизведение речевых норм определённой социальной среды, художественной и литературной внехудожественной сфер использования языка. Именно взаимодействие этих относительно самостоятельных единств создаёт динамическое напряжение языковой формы, художественно-стилистическое своеобразие романного жанра и слова в нём [5, с. 18].

В произведениях художественной литературы просторечные единицы употребляются для создания речевого портрета персонажа. Использование просторечной лексики в произведениях писателей-врачей стилистически мотивировано, обусловлено контекстом. Так, часто встречающиеся лексемы *нешто*, *ежели*, *скудова*, *ничаво*, *давеча*, *допрежь*, обнаруживающие близость с соответствующими диалектными формами, характерны для речевого образа пациента в индивидуальном стиле А.П. Чехова, В.В. Вересаева, М.А. Булгакова. Например: — **Нешто** не знаешь? Угорел? — Знаю, но должен спросить, потому что форма такая... — Зачем же я стану тебе говорить, **ежели** ты сам знаешь? (Чехов, Сельские эскулапы); ...**Давеча** пешком шёл, так разов десять садился... **Знобит**, Кузьма Егорыч... **В жар** бросает, Кузьма Егорыч (Чехов, Сельские эскулапы); — А ну, выпейте-ка **допрежь** того воды вашей, — проговорила жена Черкасова, враждебно глядя на меня (Вересаев. Без дороги); — **Скудова же это?** — **Скудова** — не интересно, — отозвался я, закуривая пятидесятую папиросу за этот день, — другое ты лучше спроси, что будет с твоими ребятами, если не станешь лечить. — А что? **Ничаво** не будет, — ответила она и стала заворачивать младенца в пелёнки (Булгаков. Звёздная сыпь).

Обороты живой речи отбираются и организуются автором в репликах персонажей с учётом однонаправленности их экспрессивно-стилистических качеств, создавая в результате концентрации просторечных форм значимое единство языкового быта героев. В области лексики и лексической семантики характерным является наличие довольно значительного количества слов, преимущественно для обозначения обиходно-бытовых реалий и действий. Например: — *Батюшка-доктор*, всё **соромилась** девка, — вздохнула старуха. —

Месяц целый хворает, — думала, бог даст, пройдёт: сначала вот какой желвачок был... (Вересаев. Записки врача); — Объясни мне только одно, дядя: зачем ты это сделал?! — в ухо погромче крикнул я. — Да думаю, что валандаться с вами по одному порошочку? Сразу принял — и делу конец (Булгаков. Тьма египетская).

Характерной для просторечного словоупотребления чертой выступает семантическая ущербность слова: отсутствие у него многих значений, присущих этому слову в литературном языке. Частным случаем семантических сдвигов в слове является специфическое употребление его вследствие тенденции к гиперкоррекции. Примером такого употребления является использование местоимения *они* и соответствующих глагольных форм множественного числа применительно к одному лицу, которое говорящий воспринимает как представителя иного, более высокого социального статуса. Например: — *Где доктор? — Они обедать ушли (Чехов, Сельские эскулапы).*

Лексические единицы языка, находясь в зависимости от системы эстетически значимых узуальных отношений, объективируют культурно релевантную информацию. Использование лексических средств, обладающих способностью к развитию разного рода переносных значений, к приобретению коннотаций, эмоционально-экспрессивных красок, характерны для идиостиля А.П. Чехова и М.А. Булгакова. В речевых жанрах, выбранных из произведений названных авторов (РЖ *обвинения*), нередко встречаются стилистически маркированные лексемы, способствующие формированию оценочных характеристик. Например: *Гляди-кась, дура, ведь это сустав болит! (Чехов, Беглец); — Ты что же это, мать, лучшего места не нашла рожать, как на мосту? Почему же на лошади не приехала? Она ответила: — Свёкор лошади не дал. Пять вёрст, говорит, всего, дойдёшь. Баба ты здоровая. Нечего лошадь зря гонять... — Дурак твой свёкор и свинья, — отозвался я (Булгаков. Пропавший глаз); Разговор разгорелся, как костёр. Кончился он так: — Ты...ты знаешь, — заговорил я и почувствовал, что багровою, — ты знаешь... ты дура!..(Булгаков. Звёздная сыпь).*

Использование стилистических ресурсов словообразовательного уровня мотивируется как художественным замыслом писателя, так и особым мировидением человека. В этом плане показательно активное использование субъективно-оценочных существительных, свойственных творческой манере А.П. Чехова и М.А. Булгакова. Например: *В приёмную входит маленькая, в три погибели сморщенная, как бы злым роком приплюснутая, старушонка (Чехов, Сельские*

эскулапы); — *Сыпь* кинулась на ребят, — сказала краснощёкая **бабёнка** (Булгаков. Звёздная сыпь); — **Бабку** эту вон! — закричал я и в запальчивости добавил: — Ты сама глупая баба! Сама!... (Булгаков. Стальное горло); — Я тебе по сколько капель говорил? — задушенным голосом заговорил я. — Я тебе по пять капель... Что ж ты делаешь, **бабочка?** Ты ж... я ж... (Булгаков. Тьма египетская).

Среди синтаксических конструкций, участвующих в формировании идиостиля писателей-врачей, особо значимыми представляются:

1. различные формы обращения, в функции которых используются термины родства и наименования некоторых социальных ролей: — *Бить тебя, баба, да некому, — сказал он. — Отчего ты раньше его не приводила? Рука-то ведь пропащая! Гляди-кась, дура, ведь это сустав болит!* (Чехов, Беглец); — *Дядя, а ну-ка, подвиньтесь ближе к свету!* (Булгаков. Звездная сыпь); — *Ты, бабка, замолчи, мешаешь* (Булгаков. Стальное горло);

2. односоставные предложения (или их часть), обозначающие состояние человека: ... *Вы мне спиртику какого-нибудь дайте, чтоб к сердцу не подкатывало. К сердцу всё так подкатывает, подкатывает, а потом как подхватит, значит, вот в это самое место, как подхватит, так и...того... Спинищу дерёт... В голове точно камень... И кашель тоже* (Чехов, Сельские эскулапы).

Приведённые контексты важны как свидетельство того, что художественная типизация черт народно-разговорной речи направлена на воссоздание реальной атмосферы общения представителей разных социальных сфер. Включение в ткань художественного произведения речевых жанров, содержащих большое количество разговорно-просторечной лексики, призвано отразить наивность и невежество представителей крестьянского сословия в отношении к многочисленным социальным и экономическим изменениям в общественной жизни. Обслуживая преимущественно узкобытовые сферы коммуникации, просторечные формы с наибольшей рельефностью реализуются в речевых жанрах *жалобы, мольбы, обвинения.*

Список литературы:

1. Болотнова Н.С. Смысловое развёртывание художественного текста // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2006 — с. 392—396.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М.: Гослитиздат, 1959. — 656 с.

3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Учеб. пособие для студентов фак. рус. яз. и литературы пед. ин-тов. — М.: Просвещение, 1977. — 223 с.
4. Котюрова М.П. Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект). // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М.: Флинта: Наука, 2006 — с. 95—99.
5. Поцепня Д.М. Образ мира в слове писателя. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. — 264 с.

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТОВ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ С «ВЕЩЕСТВЕННЫМ» КОМПОНЕНТОМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сычева Татьяна Валерьевна

*учитель русского языка и литературы высшей категории,
студент 2 курса магистратуры по специальности
«Международная коммуникация» Астраханского
государственного университета, г. Астрахань*

В настоящее время когнитивная лингвистика переживает бурный период развития, уделяя особое внимание вопросу о том, как связаны между собой языковые формы со структурами человеческого знания и опыта, как в сознании человека представлены (репрезентированы) те и другие.

Проблемы соотношения концептуальных систем с языковыми, взаимодействия научной и языковой картин мира, взаимосвязи когнитивных или же концептуальных структур человеческого сознания с единицами языка, их объективирующими, представляются весьма важными и актуальными.

Несмотря на обширное количество работ отечественных и зарубежных ученых, исследующих природу концепта, он (концепт) ввиду сложности и полифункциональности пока не получил в лингвистике однозначного толкования, то же можно сказать и о понятийном аспекте, отражающем когнитивные процессы. В данной статье, опираясь на положения лингвистов-когнитологов (Е.С. Кубряковой, Н.Ф. Алефиренко, Ю.С. Степанова), ставим своей задачей рассмотреть типы концептов, репрезентированных в русском

языке фразеологическими единицами с вещественным компонентом, и их взаимодействие с семантической структурой этих единиц.

Понятие концепта является ключевым в нашей работе, поэтому необходимо прежде всего выявить значение самого термина «концепт». Наличие языкового выражения для концепта, его регулярная вербализация поддерживают концепт в стабильном, устойчивом состоянии, делают его общеизвестным (поскольку значения слов, которыми он передается, общеизвестны, они толкуются носителями языка, отражаются в словарях).

Концепт — это информация, являющаяся критерием идентификации, распознавания объекта окружающей действительности носителем определенной концептуальной системы. В «Кратком словаре когнитивных терминов» дается следующая характеристика концепта: «Концепт — термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [5, с. 90]. Как следует из данного определения, концептом признается определенная мыслительная единица, в которой фиксируются знания человека и при помощи которой в то же время совершается самопознание мира. Одним из основных средств вербализации концептов большинство учёных признают фразеологизм. Так, Н.Ф. Алефиренко в качестве наиболее распространённых средств вербализации концепта отмечает слово, фразеологизм, словосочетание, структурную схему предложения и даже текст, «если в нём раскрывается сущность какого-либо концепта».

Особое место среди концептов принадлежит так называемым универсальным, базовым концептам. Они занимают центральное место в картинах мира многих национально-языковых сообществ, так как составляют основу, фундамент всего мировосприятия. Вне оппозиций рассматриваются универсальные базовые концепты «Время», «Пространство», «Движение как процесс, деятельность», «Человек», «Судьба», вербализованные ФЕ с вещественным компонентом.

Время, пространство, движение — важнейшие базовые категории философии, логики, лингвистики и культуры. Результаты постижения человеком временных, пространственных характеристик и специфики движения находят отражение в единицах разных языковых уровней: лексического, грамматического и фразеологического. Эти концепты-

лексемы входят в число ценностных понятий русской национальной концептосферы. В качестве их репрезентантов в нашем материале есть такие фразеологические единицы: **«время»** (после дождичка в четверг — шутол. Неизвестно когда. — Когда же вы ко мне приедете погостить, Марфа Семёновна? — А после дождичка в четверг (Мамин-Сибиряк. Человек с прошлым), **«пространство»**— (за тридевять земель. Очень далеко. В пути, **за тридевять земель**, у Волги ли, у Дона свою в виду держал он цель, солдат, — дойти до дома (А. Твардовский). **На краю земли** — (Очень далеко. За рекою развёртывались луга, стоги сена стояли там серыми башнями, и далеко, на краю земли, в синее небо упиралась тёмная зубчатая стена леса (М. Горький. Трое). **За семь вёрст киселя хлебать/есть**. Прост. Шутол. — ирон. 1. Поехать (пойти) очень далеко и вернуться ни с чем.

Коммуникативно-когнитивный аспект анализа фразеологических единиц с вещественным компонентом позволяет выявить те реалии объективной действительности, которые уже не связаны с вещественной семантикой и получают иную концептуальную организацию новой языковой единицы — фразеологизма в отличие от лексемы в свободном употреблении.

Такого типа ФЕ отражают другое видение мира, другое мировоззрение, иные ассоциации и оценки, требующие своего обозначения и специфичные для русского национального сознания.

Наиболее четко разграничить индивидуальные фразеологические значения в структуре концепта помогает контекстное употребление фразеологизма. Исследуемые ФЕ, вербализующие тот или иной концепт, в результате семантических преобразований своих компонентов отражают особенности мировоззрения человека, его моральные заповеди и нормы, обычаи и, как правило, получают положительную или отрицательную оценку.

Этот когнитивный творческий процесс объективен, бесконечен и закономерен: «под когнитивной деятельностью имеют в виду ту постоянно происходящую работу нашего мозга, которая связана с необходимостью согласовывать оптимальным образом поступки человека не только сообразно с его критериями нравственности или с тем, что он знает о мире, но и с условиями той реальной ситуации, в которой он находится» [5, с. 93].

Классификация и описание концептов, репрезентированных ФЕ с вещественным компонентом, представлены в статье в виде бинарных оппозиций. Реализация концептуальных бинарных оппозиций происходит посредством пары коррелятивных фразеологизмов типа **кровь с молоком** — «здоровый, цветущий, с хорошим цветом лица»

(сема — «физическая крепость, сила») и **ни кровиночки в лице** — «кто-либо очень бледен» (сема — «физическая слабость, бессилие»); **иметь под собой почву** — «опираться на какие-то факты, быть обоснованным» (с сематами — «реальный, объективный, логичный, обусловленный») и **терять почву под ногами** — «переставать чувствовать себя уверенным» (сема — «нереальный»); **маковое зерно** — «самое незначительное количество чего-либо». — Порассудил я: ай посвататься? Две тысячи не маковое зерно (Н. Успенский. Грушка) **-ни на маковое зернышко** —»ни на самое незначительное количество». — Посмотрю на тебя, Евграф, толку-то в тебе нисколько нет — ни на маковое зёрнышко... Помру, в прах проторгуешься (Мельников-Печерский. В лесах). К подобным примерам отнесем фразеологизмы: **ни на капельку-ни капельки-на капельку; ни под каким соусом** — «никак, ни при каких обстоятельствах»-

под соусом — «в каком-либо виде, освещении, в какой-либо трактовке (подавать, преподносить)»; **лаптем щи хлебать** — **не лаптем щи хлебает; бросать слова на ветер** — **не бросать слов на ветер; выносить сор из избы** — **не выносить сор из избы.**

В системе языка в отношениях противопоставления находятся концепты «Речь. Говорение», «Характер», «Материальное состояние», «Ментальные процессы» и др. Среди таких оппозиций можно выделить такие, как: **«Богатство»/ «Бедность»: кока с соком** — 1 «Богатство, достаток» — Она не стара и не дурна и принесёт с собою коку с соком. Не думайте-ка долго, а согласитесь: вы с ней будете жить, как сыр в масле (Державин. Рудокопы). **Шиш с маслом** — «Совсем нет денег» — Богатые, они всегда скупаются. Пять копеек на билет им жалко... — А может, у него в кармане шиш с маслом, — засмеялся парень в картузе.— Тогда я за него заплачу (Паустовский. Повесть о жизни). **«Трезвость»/ «Пьянство»: как огурчик/ в дым/зашибать хмелем** — часто выпивать, пьянствовать». **«Молодость». «Неопытность»// «Старость». «Опыт»: молоко на губах не обсохло, сопля зеленая/песок(труха сыплется), старый гриб.**

Труха сыплется *с кого. Прост. Пренебр. Очень старый. — С меня уж труха сыплется, какой вояка... — И быстро вздохнул маленькой, бессильной грудью. — О-хо, жизнь почти истаяла, как туча на небе (Ан. Иванов. Повитель). **Сопля зелёная** — «кто-либо слишком молод, чтобы разбираться в чём-либо, понимать что-либо». — Он с гражданской приехал — весь в скрипучих ремнях, штаны красные... Как сатана поворачивается. Жар за версту. А я что — сопля ещё зелёная. Облапошил (Ф. Абрамов. Дом). **«Здоровье»/ «Болезнь»: желтая вода** — «болезнь глаз — глаукома». **Таять словно воск** — «очень быстро худеть,

ослабевать от болезни, тяжёлых переживаний и т. п». — Александр Фёдорович стали больно скучать и пищи мало принимали; вдруг стали худеть, худеть, таяли словно свечка (Гончаров. Обыкновенная история). **«Труд» (до кровавого пота, в поте лица, семь потов сошло, умываться потом) / «Безделье» (даром хлеб есть). «Появление»/ «Рождение»/ «Избавление»/ «Уничтожение»: из-под земли/как из земли/** — внезапно, неожиданно (появиться)». — Как из земли вырастает перед ним поляк Кржевецкий, господский приказчик. Мужичонок видит его надменно-строгое, рыжеволосое лицо и холодеет от ужаса (Чехов. Он понял!). **Стереть с лица земли** — 1. «полностью уничтожить, разрушить до основания что-либо». — Тут, на Карельском перешейке, картина совсем иная... Собирались господа стереть Ленинград с лица земли, прорубили в смелых планах дорогу аж на Урал (И. Науменко. Грусть белых ночей). 2. «жестко расправиться с кем-либо» — [Макферсон:] Я буду преследовать вас как человек, потерявший на вас триста тысяч долларов. То есть гораздо более жестоко. Или, говоря точнее, я попросту сотру вас с лица земли (К. Симонов. Русский вопрос). В нашем материале есть и другие такие оппозиции, например: *вражда/дружба; совершенство / безвкусица/бездарность; молчание/ болтливость; трусость/мужество, бесстрашие; жадность/ щедрость и др.* Наблюдение над реализацией элементов этих оппозиций позволяет сделать вывод о том, что часто ФЕ с компонентом-названием вещества репрезентируют концепты с отрицательной коннотацией. Четкие границы между фразеологическими единицами, вербализующими тот или иной концепт, очень часто отсутствуют, в силу того что некоторые концепты находятся в сложном взаимодействии, взаимопересекаются. Так, концепт «обман» связан с концептом «речь/говорение», поскольку обманывают с помощью речи; в то же время «обман» входит в структуру концепта «грех». «Речь/говорение» — в свою очередь — обнаруживает логическую взаимосвязь с концептом «ментальные процессы».

Семантико-грамматические механизмы вербализации в русской фразеологии концептов «ментальные процессы» и «речевые процессы» полностью совпадают, что свидетельствует об отражении в сознании носителей языка тесной взаимосвязи языка и мышления, речи и мысли. Логическая связь между концептами «ментальные процессы» и «речь/говорение» отражается в структуре репрезентирующих их фразеологизмов. Кроме того, речевая деятельность, как известно, является порождением интеллектуальной деятельности, ее логическим результатом. Фразеологические единицы, обозначающие ментальные и речевые процессы, могут вступать друг с другом в причинно-следственные отношения: **каша во рту** нередко является следствием

каши в голове. Таким образом, уже на уровне компонентного состава ФЕ реализуются факты сложного взаимодействия концептов.

По отношению к фразеологическому материалу справедлива мысль следующего высказывания: «Содержание картины мира определяется количеством, качеством и взаимным расположением информем, которыми располагает сознание и оперирует мышление языковой личности. Поскольку среди этих информем есть и именованные (концепты), являющиеся ментальными составляющими слов и подобных им языковых единиц, кажется очевидным, что, чем больше такого рода информем имеется в сознании, тем более богатой красками и деталями должна быть соответствующая картина мира». Функционирование в концептуальной картине мира исследуемых единиц пока не подвергалось системному изучению. Оформление, содержание, и структурирование выявленных концептов как культурно-ценностных образований национального сознания осуществляется средствами семантико-грамматических классов русских фразеологизмов (работы Е.В. Метельской, А.Д. Соловьевой, Т.Е. Помыкаловой «Русские ФЕ признака: словарный опыт», Г.А. Шигановой «Проблемы изучения языка: современный подход», А.М. Чепасовой).

Изложенные в материалах данной статьи аспекты не исчерпывают всей глубины анализируемой темы. В перспективе намечается анализ концептуальной структуры фразеологических единиц с вещественным компонентом на материале художественных текстов с целью получения знаний об индивидуально-авторских концептах.

Список литературы:

1. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретическое исследование. — Волгоград: Перемена, 2003. — С. 8.
2. Алефиренко Н.Ф., Л.Г. Золотых «Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики». — М.; ООО «Издательство ЭЛПИС», 2008. — 472 с.
3. Быстрова Е.А., А.П. Окунева, Н.М. Шанский М.: АСТ.. 1997. Учебный фразеологический словарь.
4. М.: Астрель, АСТ. А.И. Фёдоров. 2008 Фразеологический словарь русского литературного языка.
5. Кубрякова Е.С. «Ещё раз о значении термина «когнитивный»./ Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста./ Сборник статей, посвященный юбилею Галины Александровны Золотовой. — М.: Эдиториал УРСС, 2002. — 512 с.
6. Морковкин В.В., А.В. Морковкина Русские агнонимы: Слова, которые мы не знаем, М.1997, с. 190.

ПОВСЕДНЕВНОЕ СЛОВОТВОРЧЕСТВО В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Шаталова Юлия Николаевна

*специалист по учебно-методической работе
факультета журналистики Белгородского государственного
национального исследовательского университета, г. Белгород*

Характерной чертой современного речевого поведения называют стремление сказать что-либо не так, как это принято, стремление к «языковой свободе». Наиболее ярко данная тенденция реализуется в повседневном словотворчестве. Относительная ненормированность разговорной речи позволяет прибегать к словотворчеству в различных ситуациях общения, тем самым помогая говорящему решать его текущие коммуникативные задачи. Тематическая неограниченность повседневного общения объясняет тематическую калейдоскопичность создаваемых в речи лексических новообразований: производящими основами лексических новообразований могут выступать слова из самых различных сфер жизни общества.

Рассмотрим, какие сферы жизни человека находят отражение в фактах словотворчества, представленных в нашей картотеке.

1. **Обиходно-бытовая сфера.** Наибольшее количество новообразований принадлежит данной сфере. Семейное общение характеризуется непринужденностью, дающей человеку большие возможности для проявления своей индивидуальности в речи. Экстралингвистический фактор совместного проживания определяет общность апперцепционной базы говорящих, что «порождает, с одной стороны, шаблонность речи, а с другой, — может породить стремление к языковой игре как способу ухода от стереотипов, от бытовой рутины» [1, с. 219].

В составе новообразований выделяется группа наименований лиц по выполняемому действию (часто это экспрессивно-оценочные характеристики): А: — *Есть будешь?* Б: — *Не/ спасибо/ я пока поголодаю*// А: — *Ну/ как хочешь/ голодатель*// *А я поем/ ждать тебя не собираюсь*//; — *Хватит дрыхнуть/ дрыхун! Вставай уже!* Ср. также: *встречатель, заставлятель; выраженец, понималец; думалка, забывалка; доставун, ждун, идун, шелестун; защищальщик, переживальщик, щекотальщик* и др.

Значительное количество новообразований создано в речи для обозначения предмета по выполняемой им функции, например: —

У нас трехколесник с **палкой-управлялкой** (о ручке велосипеда). Ср. также *выделятель, открыватель; мазилка, хваталка, цеплялка, щипалка* и др.

К обиходно-бытовой сфере мы также относим многочисленные глаголы-новообразования, характеризующие деятельность человека, его состояние, межличностные отношения и т. д. Например: — *Вязала в подарок/ начала задолго до срока/ и дооткладывалась// Хорошо/ что праздники/ а то б не успела//*; А: — *Что у меня куриные крылышки не стали с золотистой корочкой/ а тупо пригорали к сковородке?* Б: — *Может/ недоразморозились?*; — *Хочется обпутешествовать весь мир*; А: — *Да ладно тебе/ не паникуй// Всё хорошо получится//* Б: — *Да я и не паникую// Так... подволновываюсь//*; — *Что-то я подзапуталась// Как правильно написать/ ведомость о внесении или ведомость на внесение//*; — *Так! Отстань! Дай мне волюю пожизнерадствовать//*; — *Размусориваюсь я на системе флай-леди* (делаю уборку).

2. **Социальная сфера.** Жизнь человека протекает в обществе, потому проблемы социального устройства всегда находятся в фокусе пристального внимания. Недовольство социальной неустроенностью находит выражение в экспрессивных новообразованиях, характеризующих различные стороны социальной жизни: *вышенекудазарплата, ЖКХальный, льготомания, малооплачиваемость, откосительство* (от армии), *трудноустройство, ценоподнимание* и др.

Одним из ключевых слов текущего момента следует признать слово *пиар*, находящееся в активном употреблении средств массовой информации. «Это слово сильно расширило свое значение и из узко профессионального стало поистине национальным. <...> Фактически слово *пиар* может относиться к любому факту навязывания своего мнения, к любой манипуляции чьим-то сознанием с целью создания мнения, более того, к любому случаю просто распространения мнения о чем-либо или о ком-либо. <...> Популярность данного слова, по-видимому, означает осознание всеобщности манипулирования всех всеми...» [2, с. 43].

В зафиксированном языковом материале представлены следующие производные, созданные от производящей основы *пиар*: — *Ну/утебя блог и так достаточно пиарнутый// Рейтинг и без пиарпостов растет на глазах//*; — *Это событие надо на сайте осветить// И всячески опиарить*; — *Куда ей пиариться? Опиаренная уже со всех сторон//*; — *Да им все равно/ что пишут/ лишь бы пиарнуться лишний раз//* (о знаменитостях); — *На болезни мужа решила подпиариться //*.

Два новообразования зафиксированы при обсуждении ситуации ареста участниц группы «Pussy Riot», устроивших так называемый панк-молебен в Храме Христа Спасителя: — *Я не поддерживаю ни всех этих церковников/ ни сторонников этого пиар-действия «Пусек»//; — Ну/ девочки хотели пропиариться// Ну пиарнулись так/ что и сами не ожидали/ наверное//.*

3. **Экономическая сфера.** В течение последнего десятилетия одной из самых обсуждаемых в обществе проблем является проблема коррупции. Большинство новообразований экономической тематики, отмеченных нами в разговорной речи, так или иначе отражают данную проблему: *коррупционерничать, коррупционировать, подкупатель, псевдокоррупционный* и др. Например: — *Я расценила ее слова/ как взятконамение//; — Станем чиновниками/ будем коррупционизмом заниматься помаленьку; — Эти слуги народа шияят, откатывают и всячески коррупционерничают//; — Отбюджетят бабки и распилят/ делов-то//; — Они могут состряпать любой псевдокоррупционный компромат//.*

Стремительное расширение банковской сферы в городе Белгороде, активное навязывание банками услуг по кредитованию обусловили появление новообразований *кредитомания, кредитопросители, кредитовтюхиватели*: — *Нужно было всего 100 рублей идентификационного взноса перевести через систему «Контакт»// Так эти кредитовтюхиватели мне еще и карту кредитную втюхали// Мол/ без карты не переводим//; — Пошла в «Альфа-банк» деньги снять в банкомате// Очередь такая/ стать негде! И все стоят кредиты оплачивают// Вот уж кредитомания! Я и не задумывалась/ что у нас столько с кредитами//.*

4. **Политическая сфера.** Инновации из сферы политики в нашей картотеке представлены незначительным количеством образований, что, безусловно, не позволяет нам делать вывод об отсутствии подобных новообразований в речи вообще, а, скорее, может свидетельствовать об относительной аполитичности того окружения, в котором производился сбор языкового материала. Все новообразования, созданные на основе слов политической тематики, были зафиксированы в периоды предвыборных кампаний. Например: — *Скоро для того/ чтобы в квартиру попасть/ нужно будет от толпы агитатищиков отбиться// Быстрее бы уже выборы закончились//; — Хоть какого-то захудалого кандидатишку/ но надо выставить//; — Не открывай// Это/ наверное/ опять подписесборщику// Ну их//; — Не/ он не состоит в партии//*

Он как-то взаимодействует с ними/ но в партии не состоит// Припартиец/ так сказать//.

5. **Сфера медицины.** Названия болезней, болезненных состояний, лекарственных средств служат основами для образования в речи новых слов. — *Аскорильчика* попили три дня// Прошел кашель//; — *А я БАДоманка*// Постоянно что-нибудь пью// То рыбий жир/ то дрожжи//; — *Я бациллочник*/ поэтому приди лучше как-нибудь потом//; А: — *А сколько ты вешишь?* Б: — 63 килограмма// А: — *Ну ты и дистрофантус!*; — *Надо засупрастиниться*// *А то уже начинает слизистая отекает/ чувствую*//; — *Ему пить нельзя*// Он же *мигреничик*//; — *Нановопасситилась* и пошла на экзамен//; А: — *Что с тобой?* Б: — *Да опять радикулитничаю*//; — *У меня на ветру слезоточие* начинается//; — *Так/ соплюшник*// Ты ко мне близко не подходи//.

Удачные (по мнению говорящего) словечки могут входить в его лексикон, становиться употребительными в его речевой практике. Так, в семейном общении нами зафиксировано как постоянно употребляющееся в отношении простудных заболеваний слово *простудифилис*.

6. **Компьютерная сфера и сфера сети Интернет.** В современном русском языке это самая пополняемая сфера лексики. Массовая компьютеризация, стремительное распространение сети Интернет в считанные годы породили огромный пласт новой лексики (в основном, это заимствования и их производные). В речи на основе компьютерных и интернет-понятий активно конструируются новые слова. Трудность для исследователя представляет разграничение собственно акта словотворчества и слов, употребительных в компьютерном жаргоне. Данная проблема возникает в связи с особенностями интернет-коммуникации, в которой слово, едва появившись, становится частотным, общеупотребительным.

Например: — *Решил податься в широкую общественную жизнь*// *Блогерничать*/ журналистить и скандалить// *Хотя/ как журналист/ он посредственный*// (*блогерничать* — от *блог* (дневник в Интернете)); — *Хочется сесть в какую-нибудь кофейню и вайфаить* полдня// (*вайфаить* — от *вай-фай* (wi-fi — беспроводная сеть)); — *Сейчас попробую выгулить* что-нить полезное// (*выгулить* — от *гугл* («Google» — название поисковой системы в Интернет); — *А я наконец-то опланишетилась*// *Теперь я крута*// (*опланишетилась* — от *планшет*, *планшетный компьютер*); — *Весь вечер провконтактничал* и ничего не успел// (*провконтактничал* — от «Вконтакте» (название социальной сети)); — *Я тебе наймэйлила на рабочую почту*

(наимэйлила — от и-мэйл (электронная почта)); — *И где ты находишь время **поблогерничать**?*

7. **Сфера массовой культуры.** Основами для новообразований могут служить имена и фамилии известных лиц, представителей шоу-бизнеса. Так, например, Ксения Собчак на протяжении нескольких лет является одной из самых обсуждаемых персон, ее фамилия постоянно на слуху. Ярким примером отантропонимического словообразования является ряд дериватов, образованных от фамилии Собчак: — *Для нее идеал/ Ксюша Собчак! **Собчакнутая**//*; — *Она везде// что не включишь/ там/ Собчак // Ну и в журналах сплошная **собчакинина**//*; — *И она вся такая высокомерно заумная// Такая вся гламурная/ **собчакоподобная**//*.

С модой на японскую кухню связано появление новообразований *посушироллиться, сушильня*: — *Никогда не пробовала всякие эти суши// Надо хоть узнать/ что это такое// Какая **сушильня** в Белгороде самая нормальная?*; А: — *Вы поели что-нибудь?* Б: — *А мы заказывали роллы на дом// **Посушироллились**//*.

Одним из ключевых слов нашего времени можно назвать слово *гламур*, служащее для обозначения роскошного стиля жизни, навязываемого глянцевыми журналами и телевидением. Язык СМИ фиксирует десятки дериватов, слова *гламур*, однако потенциал данного производящего, видимо, еще не исчерпан. Дополним список производных новообразованиями из разговорной речи: — *Какая девочка/ **гламурьёзная**//*; — *Меня бесит/ что эти **гламурнутые** при любом общении и в любом окружении начинают рассказывать/ как/ и за сколько денег/ они оттянулись (гламурнутый — «помешанный на гламуре»);* — *Это у Кати надо спросить// Она у нас главный **гламууролог**// (гламууролог — «специалист по гламуру»;* — *Опять эту **гламурятину** читаешь!* (о глянцевых журналах); — *Я к лету приделась/ **пригламурилась**// Купила розовую-розовую футболку со стразами//*.

8. **Научная сфера.** Влияние языка прессы и рекламы проявляется в насыщении обиходной речи словами из различных отраслей науки. Известно, что использование в рекламе терминологической лексики повышает доверие к рекламе, способствует восприятию рекламируемого товара как научно проверенного. Создатели рекламных текстов активно пользуются данным приемом, вследствие чего становится активной узкоспециализированная лексика (например, *абсорбировать, гиалуроновая кислота, ионизация, коллаген, ксилит, наносомы, энзимы, эпидермис*). В повседневной речи в создании инноваций довольно активно участвуют производящие

основы-термины: — *Ты же видишь/ что срок хранения/ полтора года// Значит консервантно-химозная гадость//*; — *Иногда хочется съесть чего-нибудь химического-химического/ оглутамаченного// (оглутамаченный — от глутамат натрия (вкусовая добавка)); — Я довольна этим кремом и смеюсь над парабенофобией// (парабенофобия — от парабены (название консервантов, использующихся при изготовлении косметических средств)*

Активное освещение средствами массовой информации разработок в области нанотехнологий, политики в части развития нанотехнологий обусловило частотность словопроизводства с компонентом *нано-*, в том числе в разговорной речи. Свидетельством того, что не все носители языка знают его значение, служит употребление данного форманта в значениях «очень маленький», «отличный», например: — *Мне та модель не понравилась// Экран большой/ а кнопки такие мелкие... какие-то нанокнопки//*; А (о ребенке): — *А в садике он наедается?* Б: — *Да их так кормят! Какие-то нанопорции//*; А (показывает, какие тапки купила, и игриво рекламирует): — *Это не просто тапки// Это нанотапки! Они теплые/удобные// В них не скользко// Короча/ отличные!*

Анализ новообразований свидетельствует о том, что они тематически отражают все изменения, происходящие в различных сферах современной жизни. Любой процесс, любое значительное явление или событие политической, социальной или культурной жизни, находящееся в фокусе пристального внимания СМИ и вызвавшее определённый резонанс среди общественности сразу же детерминирует появление новых слов, которые можно рассматривать как определенную реакцию на данное явление.

Важным для нас представляется положение, высказанное Л.И. Плотниковой, о том, что сама структура функционирующих в речи новообразований во многом определяется социальными факторами. При помощи словообразовательных средств обозначается то, что является наиболее важным и ценным в сознании отдельного индивидуума и народа в целом [3, с. 177].

Действительно, если во внутрисемейном, бытовом общении преобладает мелиоративная лексика, представленная, в частности, многочисленными диминутивными новообразованиями, то общение на отвлеченные либо общественно-значимые темы чаще сопровождается созданием слов отрицательно-оценочной семантики. Активны в речи, к примеру, такие пейоративные форманты, как — *мания, -фобия; -анти, -недо, -псевдо*: — *Айфономания такая/ что за новой версией готовы в очереди стоять//*; —

Чего напрягаться? Главное красиво отчитаться// Отчетомания шефа распространилась на всех//; — Ни в одной сфере ничего не добился// Недопозт/ недожурналист/ недорекламщик// Теперь недоруководитель пресс-службы//; — Создали там атмосферу этакого псевдоромантизма//; — У меня начальствофобия// Я боюсь к нему обращаться//. Частотность употребления словообразовательных компонентов, несущих значение негативной оценки (отрицания, неистинности, недостаточности, неприязни и т. д.), говорит об их ядерном положении в лексиконе носителей языка, что, в свою очередь, является следствием определенной настроенности по отношению к различным событиям общественной жизни.

Лексические инновации способствуют интерпретации явлений действительности и пониманию специфики их восприятия в определенной лингвокультурной общности людей [3, с. 170]. В новых номинациях, как в зеркале, отражается многогранность мира человека, особенности его мировидения и миропонимания.

Список литературы:

1. Байкулова А.Н. Речевое общение в семье: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. — Саратов, 2006. — 290 с.
2. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: «Знак», 2008. — 229 с.
3. Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. — 332 с.

3.8. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

ИНТЕНЦИИ СУБЪЕКТИВНО-АВТОРСКОГО ТИПА И ПЕРФОРМАТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Шабат-Савка Светлана Тарасовна

*канд. филол. наук, доцент, докторант Черновицкого
национального университета имени Юрия Федьковича,
г. Черновцы, Украина*

Новые парадигмы современной лингвистики отображают интегральное описание языковых явлений, так как помимо собственно лингвистических параметров учитываются их ментальные сущности, различные экстралингвистические факторы, которые способствуют эффективному процессу коммуникации. Синтаксические высказывания, в которых четко эксплицируется говорящий, носитель жизненного опыта, интенциональных и психоэмоциональных состояний, становятся предметом глубоких научных исследований в связи с обращением лингвистов к когнитивным структурам сознания, психическим феноменам, релевантным способам реализации речевых интенций. Когнитивно-коммуникативная парадигма, детерминирующая весь комплекс этих проблем, касается прежде всего динамичности языковой системы, ее подвижности в процессе адекватного воплощения намерений говорящего. По мнению Л. Лузиной, в установки когнитивно-дискурсивного направления обязательно входит положение о том, что адекватное познание языка и языковых явлений происходит при анализе их в двух системах координат, на пересечении когниции и коммуникации [7, с. 43].

Тезис «слово (высказывание) как действие», акцентированный Дж. Остином в труде «How to do things with words» и поддержанный П. Стросоном, Дж. Серлем, Г. Грайсом, другими лингвистами (Ю. Апресяном, С. Жаботинской, И. Кобозевой, Е. Кубряковой, В. Козловским, Е. Падучевой, Л. Писарек и др.), находит свою реализацию в теории **перформативности**, согласно которой сказать что-то — значит выполнить действие. В лингвистических исследованиях определены признаки перформативного предложения, среди которых: эквиакциональность; неverifiedируемость; автореферентность; автономинативность; эквитемпоральность; фиксируемость

грамматической формы [4, с. 19; 9, с. 19—23]. Однако, несмотря на то что перформативы (Дж. Остин называл эти конструкции и перформативными предложениями, и перформативными высказываниями [8, с. 27]) — предмет прагматических исследований, в частности теории речевых актов, до сих пор они не имеют четко отведенного места в традиционном синтаксисе и, к сожалению, остаются на периферии языковых уровней и направлений. Как замечает Л. Писарек, перформативные предложения не укладываются в обычные синтаксические парадигмы, так как возможные изменения формы предложения, вызванные модально-временными и личными изменениями, привели бы к замене перформативной функции высказывания на констативную [10, с. 19]. Мы рассматриваем перформативы в системе синтаксических репрезентантов категории коммуникативной интенции и дефинируем их как языковые единицы, однозначно эксплицирующие определенную интенцию говорящего и облегчающие адресату правильное ее восприятие и понимание.

В контексте синтаксических категорий (отчасти предикативности, модальности, темпоральности и других категорийных величин) **коммуникативная интенция** наиболее тесно связана с субъектом коммуникации, автором высказывания, а поэтому мы определяем ее как амбивалентную понятийную категорию, в которой выразительно эсплицируется **план содержания** (интенциональные потребности говорящего: поинформировать, пересказать, спросить, побудить к действию, пожелать, эмоционально отреагировать на что-то, оценить, поблагодарить, извиниться, посочувствовать и др.) и **план языковой репрезентации**. Интенциональный потенциал адресанта, учитывая коммуникативную ситуацию, условия хода интеракции, синтаксические средства реализации, представляем в:

1. интенциях коммуникативно-модального типа;
2. интенциях субъективно-авторского типа;
3. интенциях эмотивно-аксиологического типа;
4. интенциях метакоммуникативного типа.

В систему синтаксических репрезентантов коммуникативной интенции входят модально-интенциональные высказывания (повествовательные, вопросительные, побудительные, оптативные), эквиваленты высказываний (нечленимые, парцелированные и незаконченные конструкции), текстовые структуры, реализованные в двух коммуникативных регистрах — диалоге и монологе.

Интенции субъективно-авторского типа, которые выражаются перформативными «Я» — высказываниями, репрезентируют личностный взгляд субъекта коммуникации, его авторскую позицию

относительно увиденного или услышанного и намерение донести эту информацию собеседнику. В конечном итоге перформатив — это одно из средств заявить о себе. «Я» в перформативном акте ассоциируется с говорящим, субъектом, автором и продуцентом высказывания и содержится в смысловом диапазоне личных местоимений — «опорных слов коммуникации», первичной функцией которых является репрезентация личности говорящего, причем само понятие «я» предусматривает существование понятия «ты» [5, с. 113—114]. Ролевой дейксис детерминирует коммуникативную ситуацию, определяет адресованность и субъективность речевых действий. Перформативные предложения принадлежат к группе так называемых «я»-высказываний, то есть к предложениям, в которых совпадают субъект действия и говорящий (Ю. Степанов, Л. Писарек). Это высказывания с «доминантным субъективным фактором» [3, с. 32], поскольку они не только способны эксплицировать индивидуально-авторские намерения, но и регулировать процессы межличностного взаимодействия, побуждать адресата к выполнению определенного действия, убеждать в чем-то, обещать и т. п. А следовательно, перформативы воплощают коммуникативную интенцию, де терминируют локальные и темпоральные характеристики коммуникативной ситуации, которая происходит в координатах «я — ты — здесь — сейчас». Как справедливо подчеркивает Н. Формановская, речевые интенции имеют право быть фактом лингвистического рассмотрения в том случае, когда они проходят этапы реализации по линии «намерение — смысл — текст / высказывание» [13, с. 19].

Перформативные высказывания, основу которых формируют иллокутивные предикаты, выраженные первым лицом единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения, своим смысловым потенциалом, особенной ономаσιологичной природой определяют коммуникативную цель, реализуют интенции говорящего. Интенциональными центрами выступают перформативные глаголы типа *обещаю, советую, приказываю, благодарю* и др. (заметим, Ю. Апресян выделил 120 русских перформативов [1, с. 200—202], Л. Турик — 140 украинских [12, с. 320—324]), а также их синонимы, которые указывают на степень интенсивности выражения интенции (к примеру, обещания, обязательства, клятвы), напр.: — **Я обіцяю** *полагодити через султана всі спірні й заплутані справи* (П. Загребельний). — **Я зобов'язуюсь** *до останньої хвилини оставатись праведною, а хто в силі чинити більше, нехай робить* (О. Кобилянська). — **Клянусь** *небом, прикрашеним сузір'ям зодіаку* (П. Загребельний). Широкий класс перформативов, их синонимы

позволяет нам допустить мысль о таком же количестве интенций, хотя нам импонирует мнение В. Дементьева о том, что «ни один человеческий язык не концептуализирует до конца всего многообразия возможных в мире смыслов, интенциональных состояний, даже наиболее типичных, постоянно повторяющихся в коммуникации» [6, с. 6]. В то же время именно язык предоставляет адресанту, главному антропоцентру коммуникативного процесса, выбор средств для выражения разнообразных оттенков его речевых намерений, но ни одно из них не наделено такой «высокой степенью однозначности, как перформативный глагол» [2, с. 197].

Фетишизация перформативности характеризует исследования, в которых акцентируется мысль о том, что в форме эксплицитного перформатива могут быть выражены практически все классы предложений, кроме менасива (В. Богданов); или все коммуникативные типы предложений принадлежат к перформативным предложениям [10, с. 15]. Некоторые лингвисты (И. Косик, Ф. Бацевич) выделяют даже «прагматические перформативы», выраженные эквивалентами предложения, которые передают эмоцию (или сложную совокупность эмоций), чувство, желание, волеизъявление, являются прямым проявлением субъективного состояния [3, с. 34] и, нам кажется, должны рассматриваться как средства реализации эмоционально-оценочных интенций, напр.: — *Овва! Не вихоплюся, синку, з нерозумним словом, бо назад ніяково вертатися* (М. Коцюбинський). — *І-і-й, нуждочко моя велика! Кінець світу! Рятуйте!!!* (М. Матиос). Так называемая перформативная гипотеза заключается в том, что каждое предложение дискурса содержит в себе имплицитный «Я»-субъект в сочетании с предикатом — глаголом речи [11, с. 331]. Конечно, такой взгляд расширяет понимание перформатива и свидетельствует о том, что любое высказывание можно рассматривать как имплицитный перформатив. Однако не каждый глагол перформативен (Е. Падучева) и не все речевые акты могут быть выражены с помощью эксплицитного перформатива (акт похвалы, угрозы). Нам импонирует традиционное понимание перформативности. Согласно этой точке зрения перформативы имеют такую валентностную структуру, которая способна воплощать весь спектр речевых потребностей языковой личности. К примеру, говорящий, реализируя интенцию информирования, использует для этого предикаты *утверждать, констатировать, докладывать, сообщать*, которые однозначно передают коммуникативное намерение. Синтаксические модели предложений типа *Я сообщаю...; Я рассказываю...; Я объясняю...; Я уточняю...; Я утверждаю...*;

Я подытоживаю...; Я заявляю...; Я допускаю... четко эксплицируют позицию субъекта, ср.: — **Я стверджую**, товаришу батальонний комісар, що логіка тут мусить бути (О. Гончар). — **Я заявляю**, що не хочу, щоб над вами хто глумився (О. Кобилянська).

Отдельную группу формируют перформативы, направленные на выражение коммуникативных интенций побуждения: приказа, требования, просьбы, совета и др., напр.: — **Я тебе попереджаю**. Май це на увазі (В. Винниченко). — **Я раджу** всім, у кого дома лишився хтось близький, поспішати додому (В. Винниченко). Степень интенсивности реквестивних интенций подчеркивается синонимическими рядами перформативов: *просить, уговаривать, умолять, заклинать*, ср.: — **Я прошу** вас, товаришу генерал, зробити нам таку честь, та так, щоб усе життя згадувати нам цей день, як свято (О. Довженко). — **Я благаю** тебе: з'їж. Ти мусиш з'їсти. Ти повинен. Я більше не можу (В. Винниченко). — **Я молю**, щоб у тебе тепер завжди була радість (П. Загребельний). — **Заклинаю** усім святым на світі: будеш ти заміж — не йди за крамаря, не йди за городянина (Панас Мирний). Обратим внимание на перформатив *прошу*, вводящий интенцию просьбы, который в отдельных речевых ситуациях, по большей мере в процессе фатического общения, десемантизируется и употребляется как маркер вежливости, синоним слова *пожалуйста*, напр.: — **Панове!.. Панове!.. Я прошу уваги! Я не маю часу** (В. Винниченко). — **Прошу всіх зайняти місця!** (В. Винниченко).

Перформативы отображают также интенции социально регулятивного характера (приветствия, поздравления, прощания, благо дарности, извинения, сочувствия), выступающие необходимыми компонентами саморепрезентации субъекта в метакоммуникации: **Здоровлю Вас сердечно** (Б. Лепкий). — **О, дякую** за ласку, ваша світлосте, **дякую** дуже! (В. Винниченко).

Таким образом, коммуникативно-интенциональный диапазон перформативных «Я»-высказываний сосредоточен на выражении тех речевых интенций, которые четко идентифицируют говорящего, его интенциональные потребности. Система синтаксиса каждого языка разнообразна, но в целом от синтаксемы к сверхфразовому единству, тексту она подчинена реализации речевых намерений языковой личности. Перформативные высказывания отмечаются одной значностью выражения интенции, что определяет их важное место в системе синтаксических репрезентантов интенций субъективно-авторского типа.

Список литературы:

1. Апресян Ю.Д. Перформативы в грамматике и в словаре // Избранные труды: Т. 2. / Интегральное описание языка и системная лексикография. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. — Т. 2. — с. 199—218.
2. Баландіна Н.Ф. Перформативи як індикатори функцій конвенційних висловлень // Мовознавство. — 2010. — № 2—3. — с. 194—203.
3. Бацевич Ф.С. Прагматичні перформативи: спроба обґрунтування комунікативного статусу // Мовознавство. — 2008. — 1. — с. 31—36.
4. Богданов В.В. Перформативное предложение и его парадигмы // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: Межвуз. сб. науч. тр. — Калинин, 1985. — с. 18—28.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 400 с.
6. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. — М.: Гнозис, 2006. — 376 с.
7. Лузина Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. науч. трудов. — М.: ИНИОН РАН, 2008. — с. 40—48.
8. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. ХУІІ. — с. 22—129.
9. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. — М.: Наука, 1985. — 272 с.
10. Pisarek L. Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы). Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995. — 174 с.
11. Степанов Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Известия АН СССР, Серия литер. и яз. — 1981. — Т. 40. — № 4. — С. 325—332.
12. Турик Л. Перформативні лексеми сучасної української мови // Вісник Львівського університету: Серія філологічна. — Вип. 34. — Ч.ІІ. Л.: ЛНУ імені Івана Франка, 2004. — с. 319—325.
13. Формановская Н.И. О коммуникативно-семантических группах и интенциональной семантике ее единиц // Языковое общение и его единицы. — Калинин, 1986. — с. 18—27.

3.9. ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО КОНЦЕПТА МАТЕРИНСТВО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

Алыева Альвина Джавидовна

*аспирант Восточноевропейского национального университета
имени ЛесиУкраинки, г. Луцк*

Статья посвящена исследованию концепта *материнство* на материале англоязычного художественного текста. Исследование выполнено в русле научной когнитивно-дискурсивной парадигмы, с позиций которой концепт рассматривается как комплексная концептуальная единица, которая в процессе мыслительной деятельности поворачивается разными сторонами, актуализируя свои фреймовые уровни или разные их комбинации [13, с. 217].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, номинативное поле концепта состоит не только из лексических единиц, но и включает текстовые фрагменты художественных произведений [11, с. 5—10], анализ которых способствует уточнению характеристик исследуемого концепта. Наше исследование базируется на романе *Hawthorne N. The Scarlet Letter*.

Художественный текст представляет собой единицу коммуникации, которая порождается говорящим с целью передачи определённой логико-предметной информации [7, с. 24]. Процесс овладения этой информацией читателем сопровождается обращением к собственному опыту, к энциклопедическим знаниям. При этом реципиент текста способен не только понять содержание, но и выделить наиболее важные переживания, описанные в нем [5, с. 74—75].

Материнство — один из наиболее важных фрагментов англоязычной концептуальной картины мира. В концептуально-семантическую структуру художественного произведения попадает большой объем знаний о материнстве, актуализация которых осуществляется путем введения описаний ситуаций, которые имеют отношение к проблемам материнства: переживания, эмоции, счастье, радость, горе, гордость матери, главного субъекта материнства, за своих детей.

В анализированном художественном произведении вербализация информационной структуры лингвокогнитивного концепта *материнство* осуществляется в виде прототипных фреймов-сценариев [2, с. 63—64; 14, с. 422]. Сценарий рассматривается лингвистами как динамическая производная фрейма, которая отражает последовательность событий в определённом социокультурном контексте с учетом временно-пространственных характеристик [4, с. 8; 15, с. 213—214]. Такая концептуальная структура рассматривается как способ идентификации и понимания жизненных ситуаций, она состоит из нескольких этапов: завязка, кульминация сюжета и развязка [1, с. 59].

Фреймовая модель, построенная на материале лексики, носит статический характер. Однако, динамический характер текста ведет к тому, что модель эта читается в динамике, то есть в виде в виде сценария. М.Л. Макаров подчеркивает, что сценарии строятся по мере возникновения необходимости в этом в процессе интерпретации какого-то сообщения, используя при этом собственный опыт [9, с. 155]. В нашем случае это значит, что благодаря линейности речи текстовый отрывок, в котором зафиксирована ситуация переживания матерью определенных жизненных ситуаций не позволяет реципиенту воспроизвести одновременно всю фреймовую структуру. Читатель словно плывет вдоль слотов фреймовой структуры лингвокультурного концепта *материнство*, последовательно актуализированных у фрагментах текста, подключая при этом фоновые знания и постепенно разворачивая эту структуру у фрейм-сценарий этой ситуации.

Таким образом, для того чтобы понять смысл исследуемого концепта в тексте, необходимо смоделировать общую концептуальную структуру знаний, которая отражает этот фрагмент действительности и может быть использована для последующей интерпретации полученных данных [6, с. 92; 10, с. 40]. Для этого необходимо выделить и объединить все элементы текста, которые несут информацию об этой ситуации: поступки персонажей, мотивацию этих поступков, способы выражения и описания их эмоций [8, с. 12].

Поскольку главным действующим лицом в исследуемом концептуальном пространстве материнства является женщина-мать, то образ матери является концептуальным квантором содержания исследуемого концепта. Актанту-матери свойственны определенные *статические* характеристики: физические и духовные качества и определенные функции, реализация которых направлена на достижение определенной цели, а действия и поступки актанта

отражены в *динамических* характеристиках: мотивации действий актанта и результатах этих действий [3].

Анализ англоязычных художественных произведений свидетельствует о наличии определенных стереотипических представлений о прототипе матери в англоязычной концептуальной картине мира. К основным содержательным признакам концепта *материнство* принадлежат *дом, уют, домашний очаг, родня, узы, безопасность, отношения* (и не только с детьми), а основными *атрибутами женщины-матери* являются *внешность, черты характера, определённые биолого-физиологические характеристики, определённый социальный статус в обществе, эмоциональность, материнская любовь*.

Среди перечисленных атрибутов основным, конечно, является *материнская любовь*. Сама природа одарила женщину материнским инстинктом — любовью к своему потомству. Феномен материнского инстинкта до сих пор является объектом изучения науки. Ученые полагают, что проявление материнского инстинкта проявляется у женщины уже в период беременности. Появление на свет малыша, кормление его грудью, счастье от того, что ты заботишься о беззащитном существе, создает неповторимый комплекс материнских чувств и эмоций. Так рождается материнская любовь, о которой принято говорить, что она святая. Именно такая любовь матери Эстер к своей дочери Перл описана в романе *Hawthorne N. The Scarlet Letter*.

Историю Эстер Принн, выходит на эшафот, чтобы принять наказание за свой поступок — рождение внебрачного ребёнка, трудно читать без боли в сердце. На руках Эстер несет свою дочь, а на груди у неё висит красная буква «А», что обозначает «адюльтер» (супружеская измена). Муж Эстер отправил её в Бостон, а сам должен был приехать туда позже, но так и не появился там. Говорили, что он погиб. Не дождавшись мужа, Эстер влюбилась в местного священника и родила от него дочь Перл. За этот поступок её наказывают публично и принуждают носить на груди букву «А», что вызывает неуважение и осуждение со стороны людей. Искушая свой «грех», Эстер терпит адские муки, однако она готова на все, лишь бы спасти свою кровинку, своё бесценное сокровище, данное ей Богом.

Her Pearl! — for so had Hester called her; not as a name expressive of her aspect, which had nothing of the calm, white, unimpassioned luster that would be indicated by the comparison. But she named the infant 'Pearl', as being of great price — purchased with all she had — her mother's only treasure! How strange, indeed! Man had marked this

woman's sin by a scarlet letter, which had such potent and disastrous efficacy that no human sympathy could reach her. God, as a direct consequence of the sin which man thus punished, had given her a lovely child, whose place was on the same dishonoured bosom, to connect her parent for ever with the race and descent of mortals, and to be finally a blessed soul in heaven! Yet these thoughts affected Hester Prynne less with hope than apprehension, she knew that her deed had been evil; she could have no faith, therefore, that its result would be good. Day after day she looked fearfully into the child's expanding nature, ever dreading to detect some dark and wild peculiarity that should correspond with the guiltiness to which she owed her being. (Hawthorne N. The Scarlet Letter. P. 67)

Эстер осознает, что она согрешила, но разве можно так жестоко наказывать женщину за то, что она дала жизнь ребёнку? Её кровинка, её дочь Перл является для неё и счастьем, и горем одновременно. Именно ради своей дочери Эстер терпит эти издевательства и держится за жизнь. Она умоляет Бога не забирать у неё Перл, она готова сама умереть, но сохранить жизнь своего ребёнка.

Автор с большим мастерством описывает сложность жизненной ситуации, в которой оказалась Эстер, её решительность бороться за жизнь своей дочери, за свое материнское счастье, используя при этом модальные глаголы *shall* и *will*, а также множество восклицательных предложений и предложений в повелительном наклонении. Описанию эмоционального состояния женщины-матери способствует также употребление лексем, имеющих противоположный смысл, например, *happiness — torture, to take — to give*.

'God gave me the child!' cried she. 'he gave her in requital of all things else which ye had taken from me. She is my happiness! — she is my torture, none the less! Pearl keeps me here in life! Pearl punishes me, too! See ye not, she is the scarlet letter, only capable of being loved, and so endowed with a millionfold the power of retribution for my sin? Ye shall not take her! I will die first!' (Hawthorne N. The Scarlet Letter. P. 84)

'God gave her into my keeping!' repeated Hester Prynne, raising her voice almost to a shriek. 'I will not give her up!' 'I will not lose the child! Speak for me!' (Hawthorne N. The Scarlet Letter. P. 84)

Радость материнства омрачена бесконечными трудностями жестокого мира, который окружает Эстер. Такие словосочетания, как *to be against, to be born amiss, the hostile world, mother's lawless passion, amid the host of difficulties, in bitterness of heart, that poor little creature* подчеркивают беспомощность несчастной матери.

Providence, in the person of this little girl, had assigned to Hester's charge the germ and blossom of womanhood, to be cherished and

developed amid a host of difficulties. Everything was against her. The world was hostile. The child's own nature had something wrong in it which continually betokened that she had been born amiss and the effluence of her mother's lawless passion had often impelled Hester to ask, in bitterness of heart, whether it were for ill or good that poor little creature had been born at all (Hawthorne N. The Scarlet Letter. P. 123).

Подитоживая, можно заметить, что анализируемое произведение — прекрасный пример дискурса материнства, под которым понимается совокупность зафиксированных в языке связанных между собой социальных, психологических, культурных, духовных практик, социальных, имеющих отношение к материнству [12].

Список литературы:

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии / Н.Н. Болдырев. — Тамбов: Изд-во Тамбовск. ун-та, 2000. — 123 с.
2. Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус Пер. с англ. / А. Вежбицкая // Язык и структура знания. — М.: Наука, 1990. — с. 63—85.
3. Еремеева Н. Ф. Концептуальное пространство английской народной сказки: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Ф. Еремеева // Черкасский гос. ун-т. — Черкассы, 1997. — 193 с.
4. Жаботинская С.А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования / С.А. Жаботинская // Лінгвістичні студії. Вип. 2. — Черкаси: Сіач, 1997. — С. 3—11.
5. Кагановська О.М. Текстові концепти художньої прози: [Монографія] / О.М. Кагановська. — К.: КНЛУ, 2002. — 292 с.
6. Калимуллина Л.А. О концептуальном подходе к анализу текстового поля эмотивности / Л.А. Калимуллина // Теория поля в современном языкознании. — Уфа: Изд-во Башкирск. ун-та, 2001. — С. 90—94.
7. Красных В.В. Этнопсихолінгвістика і лінгвокультурологія / В.В. Красных. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
8. Левина О.А. Репрезентация эмоциональных состояний персонажей в английском художественном тексте (языковые и когнитивные аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / МГЛУ. — М., 1999. — 30 с.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса: [Монографія] / М.Л. Макаров. — М.: Гнозис, 2003.
10. Маслова В.А. Лінгвокультурологія / В.А. Маслова. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
11. Попова З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2002. — 192 с.

12. Степанов М.С. Прологомены к рассмотрению дискурса материнства: [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.portal-slovo.ru>.
13. Хименко С.А. Лінгвокогнітивні аспекти реалізації концепта «Материнство» в англомовній картині світу / С.А. Хименко // Наука і сучасність. Педагогіка. Філологія. Зб. наук. пр. — Т. 42 /Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова. — Київ: Логос, 2004. — С. 215—223.
14. Hawthorne N. The Scarlet Letter. — Wordsworth Classics, 1992. — 197 p.
15. Schrank C.R. Scripts, Plans and Knowledge / C.R. Schrank, P.R. Abelson // Thinking: Readings in Cognitive Science / Ed. by P.N. Johnson-Laird and P.C. Wason. — Cambridge: Cambridge University Press, 1983. — P. 421—432.
16. Ungerer F. An Introduction to Cognitive Linguistics / F. Ungerer, H.-J. Schmid. — L.-N.Y.: Longman, 1996. — 306 p.

ФОРМИРОВАНИЕ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ

Блинова Светлана Александровна

*старший преподаватель кафедры теории и практики ИИЯ РУДН,
г. Москва*

Заболотских Анна Владимировна

*ассистент кафедры теории и практики ИИЯ РУДН,
г. Москва*

В связи с увеличением международных контактов, расширением экономических связей, изменениями, начавшимися в мире несколько десятилетий назад, владение иностранными языками стало рассматриваться, как необходимая составляющая профессиональной деятельности человека, вследствие чего появился интерес к изучению делового английского. Прагматический аспект обучения деловому языку связан с усвоением знаний и формированием у учащихся таких умений и навыков, которые бы позволили им быть компетентными в своей профессиональной деятельности [1, с. 12]. Это в свою очередь привело к тому, что компетентностный подход к обучению иностранным языкам приобрел особую актуальность. Компетенция представляет собой набор знаний, умений, навыков, которыми

овладевают учащиеся, а также способность осуществлять деятельность, используя приобретенные знания, умения и навыки.

Уровень владения иностранным языком характеризуется сформированностью языковой, речевой и коммуникативной компетенциями [2, с. 117—118].

Преподавание курса делового английского в компании имеет некоторые особенности по сравнению с преподаванием в группе студентов ВУЗа. Во-первых, преподавателю часто приходится иметь дело с разноуровневыми группами. Речь идет не только о возрасте и различных индивидуальных особенностях учащихся, что неизбежно. Очень часто учащиеся имеют разный уровень базовых знаний по грамматике, лексике и фонетике, а иногда вообще не имеют языковой подготовки, поэтому формирование лингвистической компетенции имеет здесь определенные трудности.

Особенностью преподавания курса делового английского сотрудникам компании является то, что в основном учащиеся имеют довольно низкий уровень лингвистической компетенции, которая состоит из таких компонентов, как изучении грамматики, лексики и фонетики. В рамках курса английского как языка профессионального общения лингвистическая компетенция специально не развивается, обучению грамматике и особенно произношению уделяется мало внимания, даже на начальных уровнях. Основной акцент делается на развитие межкультурной, социальной, социолингвистической компетенций. Значительная часть делового общения осуществляется посредством деловой переписки, переговоров, деловых бесед. Большое внимание уделяется продуктивным видам деятельности — говорению, письму, умению составлять и переводить официально-деловые и профессионально-деловые документы [3, с. 73—79].

В условиях преподавания курса делового английского сотрудникам компаний, формирование коммуникативной компетенции представляет собой особую актуальность и может быть эффективным, если содержание курса отвечает профессиональным потребностям учащихся.

Так, содержание курса должно отвечать целям, задачам и потребностям учащихся и способствовать формированию таких умений и навыков, которые бы позволили им осуществлять устное и письменное общение посредством деловых бесед, переговоров, деловых писем, соглашений и т. п. Для бизнесменов и сотрудников международных компаний необходимые навыки включают в себя умение вести переговоры, делать презентации, вести деловую переписку, участвовать в переговорах на английском языке. Как следствие, в курсе делового английского большое внимание

уделяется функциональному языку — фразам, необходимым, чтобы выразить согласие, несогласие, договориться о встрече, ответить на телефонный звонок и т. д. По этой же причине в курсе делового английского нет тем, привычных для обычных учебников (таких как Семья, Дружба, Путешествия и т. д.) Вместо этого в курс включаются темы, имеющие отношение к бизнесу — маркетинг, реклама, финансы... Также, важной задачей деятельности профессионального человека является необходимость устанавливать контакты с людьми, разрешать конфликты, а для этого одного знания языка недостаточно. Поэтому помимо языковой компетенции (т. е. владение языковым материалом для использования его в речи), учащиеся должны владеть коммуникативной компетенцией, которая включает в себя несколько компонентов, в частности социальную, социолингвистическую, а также социокультурную компетенцию. Под социальной компетенцией понимают готовность и способность к общению, сотрудничеству разрешению конфликтов. Социолингвистическая компетенция связана со знанием и умением выбирать и использовать языковые средства в соответствии с конкретной ситуацией общения, в то время как социокультурная компетенция включает в себя знание культурных особенностей носителей языка, их традиций, привычек, этикета. Сотрудникам международных компаний часто приходится общаться не только с носителями языка, но и с представителями других культур, поэтому необходимо отметить исключительную актуальность межкультурной компетенции, под которой понимают знание коммуникативных стилей других культур, развитие толерантности, способности адаптироваться к чужой культуре. Грамотно излагать свои мысли со знанием международного делового этикета в настоящее время являются частью профессиональной компетенции и неотъемлемым элементом успешной карьеры.

Учебные материалы — важнейший компонент любого курса делового английского. Довольно тяжело найти учебник, который бы полностью отвечал потребностям студентов, работающих в той или иной компании. Поэтому преподаватель может дополнять основной учебник другими материалами, имеющими непосредственное отношение к той или иной отрасли. Сами учащиеся могут быть замечательным ресурсом для преподавателя, предоставив аутентичные материалы, с которыми им приходится работать — письма, контракты, служебные записки, рекламные материалы компании. В этом случае уроки английского будут иметь прямое отношение к их профессиональной деятельности, что поможет поддерживать высокий уровень мотивации.

Для успешного осуществления устного общения, ведения переговоров, встреч, презентаций необходимо владение речевыми навыками, которые является частью речевой и лингвистической компетенций. Поэтому, обучение произношению — еще один важный вопрос, который необходимо затронуть, когда мы говорим о компетентностном подходе к преподаванию делового английского в компании. С одной стороны вряд ли кто-либо будет сомневаться в том, что целью обучения произношению должно быть стремление приблизить свое произношение к произносительным стандартам носителей языка — RP для Британского английского и GA для Американского английского. С другой стороны, необходимо учитывать то факт, что английский язык сегодня прочно занимает положение мирового языка, что приводит к тому, что большая часть общения на английском языке происходит между не носителями языка. Кроме того, как указывает Ronald Macaulay в своей статье «RP RIP?» [6], только три процента населения Великобритании используют этот стандарт в своей речи и это количество уменьшается. Он также обращает внимание на то, что попытки овладеть акцентами носителей языка представляют собой ненужные трудности для учащихся. Так, в международной компании, где я впервые вела курс делового английского, сотрудникам компании ежедневно приходилось общаться с французами, немцами, голландцами, для которых английский язык тоже не является родным. В этом случае нет необходимости добиваться идеального британского или американского акцента, а основной целью является быть понятым, правильно донести свою мысль до окружающих. Joanne Kenworthy выдвинула понятие *comfortable intelligibility*, которое может выступать в качестве реалистичной цели для подавляющего большинства взрослых людей изучающих английский язык [4].

Таким образом, курс делового английского позволяет формировать ключевые компетенции, которые необходимы людям в их профессиональной деятельности. Ключевым принципом обучения сотрудников компании английскому языку как языку делового, межкультурного общения является ориентация на результаты, которые должны обеспечивать возможность успешно делать карьеру, развиваться и быть востребованным специалистом на рынке труда.

Список литературы:

1. Громова Н.М. Современный подход к формированию умений делового иноязычного общения. РУДН. 2 научно-практическая конференция. Актуальные проблемы иностранного языка делового и профессионального общения. / Москва — 2006 — с. 12.
2. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь / М.: Астрель: АСТ: Хранитель-2007.
3. Формирование системы компетенций профессиональной деятельности в международной среде в интересах укрепления позиций России М: МГИМО-Университет, 2007.
4. Joanne Kenworthy. Teaching English Pronunciation.// Longman — London. — 1987.
5. Jim Scrivener. Learning teaching. The Essential Guide to English Language Teaching. Third edition. //Macmillan — 1994. — 416 p.
6. Ronald Macaulay. RP R.I.P.? // Applied linguistics. — 1988 Vol. 9 — № 2.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ КОМИЧЕСКОГО В ДИСКУРСЕ РЕБЕНКА

Гусева Анна Георгиевна

*преподаватель Харьковского Национального Университета
им. В.Н. Каразина, г. Харьков*

Применение когнитивно-дискурсивной онтологии позволяет осуществить анализ интерактивного комического взаимодействия англоязычных детей не только как социокультурного, но и как социогруппового процесса.

В таком ракурсе ребенок выступает как субъект концептуализации в онтогенезе [5, с. 37], соучастник мыслекоммуникативного взаимодействия, который действует с ориентацией на динамично представленные в собственном сознании возможные ментальные модели и психологические состояния других субъектов общения и собственные модели и состояния, и осуществляет регулятивное воздействие [2, с. 128], используя соответствующие вербальные средства.

Комический дискурс ребенка (далее КДР) определяется как разновидность ситуативно-обусловленной, интерактивной деятельности ребенка, направленной на взаиморегулятивное воздействие, основанное на создании комических смыслов. Комплексное

рассмотрение функционально-коммуникативных особенностей КДР в совокупности с общекультурными и контекстно-ситуативными факторами [4, с. 106] дало возможность определить его специфику.

Спецификой дискурса ребенка является включение в него элементов игры и обучения как основных видов деятельности, фольклора, а также фрагментов печатных и мультимедийных продуктов, тематика которых коррелирует с областями реальности, наиболее близкими и знакомыми ребенку.

Лингвокультурными особенностями комического среди англоязычных детей является использование интеллектуальных форм комического (парадокс, двусмысленность, каламбур) для получения удовольствия от собственной значимости и снятия условностей, алогизм, доведение до абсурда. Лингвокультурные ресурсы КДР характеризуются гетерогенностью, активной динамикой пополнения (источники комического постоянно обновляются и взаимодействуют между собой), зооморфностью тематики, а также выделяются различными приемами: лингвальными (языковая игра, звуко-символизм, сравнения, повторы) и экстралингвальными (визуальные и аудиальные приемы — смех, привлечение комических персонажей, прецедентных героев (преимущественно животных), которые настраивают на игровую тональность), а также выполняют в КДР функцию акцентирования, визуализации, кумулятивности, т. е. облегчения интерпретации сообщения, с одной стороны, а также функции социализации и развлечения, с другой.

Становление комической компетенции ребенка происходит контингентно уровню лингвальной и социокультурной компетенций, а также уровню когнитивного развития. Понимание комического является процессом разрешения когнитивных задач, успешность которого обеспечивается знанием базовых механизмов актуализации комического, основанных на инконгруентности и реверсивности [3, с. 83]. Рассмотрим папример:

Greg: I think it's undignified that I have to eat breakfast next to him on the potty.

Mother: Okay, well, it's your fault he's still potty training.

Greg: Don't look down, Manny. The potty monster doesn't like it when you look at him.

Manny (SCREAMS)

Greg: I was just joking with him.

Mother: Kiss him you're sorry and then let's get a move on (Diary of a Wimpy).

Комическое основывается на эксплуатации онтологических норм через прием неожиданного смещения, отстранения привычной и обязательно знакомой для второго ребенка картины мировидения неадекватным представлением фактов реальной действительности и привлечением несуществующих чудовищ (potty monster). В результате, такое искривление действительности пугает младшего брата Мэнни — он еще неспособен испытывать игровой модус ситуации (Manny screams), т. е. реверсировать события шутки. Неосведомленность Мэнни забавляет старшего брата Грега, который осознает нереальность ситуации и распознает комическую инконгруэнтность (комические святы). Актуализация комического эффекта у старшего ребенка сигнализирует адекватность его комической компетенции уровню сложности комического коммуникативного сообщения.

Исследование тематики КДР позволило сделать следующие выводы:

1. тематический репертуар КДР составляют темы, коррелирующие с наиболее знакомыми и релевантными для ребенка сферами его бытия (зооморфная, антропометрическая, фантастическая, гастрономическая, медицинская, темы-табу и т. д.);

2. основу комической картины мира ребенка и КДР составляет зооморфное представление, поскольку зооморфная тематика образует связи со всеми тематикам КДР;

3. медицинская тематика представлена в стабильной связи с гастрономической, что дает основания утверждать, что сознанием ребенка лекарства воспринимаются как форма пищи;

4. темы-табу коррелируют с фантастической тематикой, образуя связь с такими наиболее уязвимыми для ребенка сферами, как смерть, секс, скатология. Ребенок выбирает стратегию неотождествления себя или своих близких с «запретной тематикой» и использует имплицитные тактики, проводя параллели с неуязвимыми сферами, связанными с фантастическим миром, субъектами которого являются мифологические, сказочные чудовища и животные.

Релевантным компонентом реализации стратегий КДР является парадигма коммуникативных ролей [1, с. 81] ребенка, репертуар которой составляют инициативные короткосрочные роли, реализованные в рамках доминантной роли ребенка-шутника, который корректирует своё комическое коммуникативное поведение на базе собственных потребностей и мотивов выбора стратегий комического: ребенок-шалун получает удовольствие от бесчинства, ребенок-забияка воздействует на других субъектов через оскорбление и унижение,

ребенок-охотник «выслеживает» адресата с целью собственного психологического вознесения, ребенка-нарушителя привлекает коллективное осмеяние социальных тем-табу. Ребенок становится наивным шутником, когда бессознательно нарушает разнообразные нормы из-за собственной лингвокультурной некомпетентности, которая находится в онтогенезе.

В ходе исследования установлено, что основной мотив адресантов КДР определяет содержание его глобальной стратегии комического, которая реализуется локальными стратегиями эмотивного, информативного и социального воздействия. Категория комического в стратегиях КДР актуализируется в результате экспрессивно-эмотивного соотнесении со стандартно-нормативными представлениями субъектов комического общения, что вызывает инконгруэнтность через эксплуатацию онтологических, логико-понятийных и лингвальных норм. Функционально-коммуникативная специфика локальных стратегий КДР проявляется в аспектах мотивации, а также лингво-стилистических приемах реализации категории комического. Рассмотрим приведенные стратегии КДР:

1. Стратегии эмотивного воздействия направлены на экспрессивно-эмотивное регулятивное воздействие, целью которых является переход адресанта / адресата КДР в особое психоэмоциональное состояние, результатом чего является освобождение положительных / отрицательных эмоций, состояние психологического подъема / подавленности адресанта и адресата, поддержания / неподдержания дружеских отношений между ними.

2. Стратегии информативного воздействия направлены на экспрессивно-эмотивное регулятивное воздействие на адресата с целью предоставления и / или обмена информацией. Стратегии информативного воздействия нередко представлены тактиками наивного информатора. Например:

Adult: Did you see anything interesting last night?

Child: I saw Santa come to my bed and hang up a stocking of presents.

Adult: What did he look like?

Child: He was wearing pajama tops, and carrying a bottle of beer (<http://www.mustsharejokes.com>).

Тактика наивного информатора направлена на использование ребенком языковых средств с целью сообщения о состоянии, поведении, характеристиках субъектов, объектов или явлений на основе собственных несформированных компетенций ребенка. Юмор в примере достигается эксплуатацией онтологических норм.

Использование когнитивного механизма аллюзии провоцирует взрослого адресата сравнить сказочного Санта Клауса — любимца всех детей с истинным исполнителем его роли (прием антиклаймекса) и представить себя на месте удивленного ребенка.

3. Стратегии социального воздействия направлены на экспрессивно-эмотивное регулятивное воздействие на адресата с целью социального выдвижения адресанта и / или социальной консолидации субъектов комической коммуникации.

В стратегиях КДР комическое является активным ресурсом экспрессивно-эмотивной регуляции состояния ребенка, фактором мотивации когнитивного и лингвального развития, а также инструментом социализации и социального выдвижения. В КДР комическое реализует экспрессивную, социальную функции, а также функции социализации и саморепрезентации.

В нашем исследовании анализ *общеконтекстных факторов* выявил специфику лингвокультурного своеобразия реализации категории комического среди представителей англоязычного общества, особенности становления комической компетенции ребенка, а также специфики лингвокультурных ресурсов пополнения информационной базы ребенка, которые одновременно служат фоном и фильтрами реализации стратегических действий субъектов КДР и выступают релевантными элементами общей архитектоники анализируемого дискурса. Выделены такие базовые механизмы актуализации категории комического в КДР, как инконгруэнтность и реверсивность, становление которых способствует развитию дивергентного мышления, актуального для развития метакоммуникативных компетенций, в том числе и комической. Лингвокультурными особенностями реализации комического среди детей Великобритании и США является причудливый юмор, фантазия, использование интеллектуальных форм комического (парадокс, каламбур), которые служат формой защиты личности, ее самоутверждения и трансформации агрессивности. Интеллектуальное «самоутверждение» является актуальным для детей: языковая игра, абсурдность и эксцентричность становятся средством когнитивного развития, воспитания и миропознания, что подтверждается анализом тематики стратегий комического в нашем исследовании.

Перспективы изучения дискурсивной деятельности ребенка видим в применении предложенной методики исследования и его результатов в установлении специфики онтогенеза форм и функций комического в разных социо-возрастных группах англоязычного общества.

Список литературы:

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Омск, 1999. — 284 с.
2. Мартинюк А.П. Інтегративне підґрунтя перекладацької діяльності // Вестник Житомирского государственного университета. — Житомир: ЖГУ им. И. Франка, 2009. — Вып. 48. — с. 128—131.
3. Самохина В.А. Современная англоязычная шутка: Монография. — Х.: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2008. — 356 с.
4. Фролова И.Е. Стратегия конфронтации в англоязычном дискурсе: Монография. — Х.: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2009. — 344 с.
5. Цейтлин С.Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. — М.: Знак, 2009. — 592 с.

КОМБИНАТОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОБИРАТЕЛЬНОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ARMY В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Живокіна Майя Александровна

*канд. филол. наук, старший преподаватель ВУНЦ ВВС
«ВВА имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж*

Ефанов Илья Андреевич

*курсант 4 курса ВУНЦ ВВС «ВВА имени проф. Н.Е. Жуковского
и Ю.А. Гагарина», г. Воронеж*

Анализ комбинаторики собирательного существительного английского языка ARMY в составе количественного словосочетания осуществляется в настоящей работе в русле современных исследований синтагматических свойств единиц лексического уровня языка. Категория собирательности, являясь лексико-грамматической по своей сути, влияет на комбинаторику существительного, обуславливая окружение его синтаксических партнеров.

Целью данного исследования является выявление субстантивной сочетаемости собирательного имени в рамках сочетаний типа AN ARMY of N, где N — существительное, обозначающее объекты живой и неживой природы, объединенные в совокупность.

Материалом послужило 587 словоупотреблений этого имени, взятых из произведений художественной литературы, газетных статей,

ресурсов Интернета, собранных в электронных корпусах Великобритании и США. Из всего множества материала мы отобрали 534 собирательных существительных. Основным критерием отбора стало исключение словоупотреблений, которые относятся к военной сфере, то есть к прямому значению конкретно-предметного существительного ARMY, нас интересовало его функционирование в метафорическом значении.

Анализ собирательного существительного в именных группах проводился с применением следующих методов:

1. дефиниционного анализа — при выявлении семантических признаков в значении имен;

2. контекстуального анализа — при рассмотрении функционирования собирательных существительных в синтагматической цепи.

Проблема сочетаемости слов находится на стыке двух уровней языка: грамматического и лексического. С одной стороны, грамматические формы и синтаксические связи между словами участвуют в построении различных типов предложений и словосочетаний, что регистрируется в грамматиках и изучается в синтаксисе. С другой стороны, лексическое значение слова представляет сложную структуру семантических компонентов, что входит в область изучения семасиологии, где главным инструментом исследования является компонентный анализ. Эти два уровня не существуют независимо, а дополняют и обогащают друг от друга. Другими словами, «в процессе информации лексика подчиняется законам грамматики, а грамматика без обслуживаемой ею лексики не обеспечивает информации» [4, с. 13].

Позиция словосочетания как конструктивной части синтаксиса до сих пор четко не определена. Как отмечает Г.А. Золотова, словосочетание само по себе — «номинативная единица, средство расчлененного обозначений предметов, явлений, процессов, лишь через предложение входящее в систему коммуникативных средств языка» [2, с. 63]. Руководствуясь классификацией, предложенной Г.А. Золотовой, рассматриваемую в данном исследовании структуру можно отнести к синтаксическим формам слов, неспособных самостоятельно выступать в качестве коммуникативных единиц; они функционируют как конструктивные части предложения, занимая различные синтаксические позиции:

... an army of doctors, homeopaths and quacks offered miracles in offices...[12]

Как правило, центром словосочетания является главное, грамматически господствующее слово, в зависимости от которого

находятся другие слова ближайшего окружения. В центре исследуемых словосочетаний находится имя существительное с собирательным значением.

Однако, существительное ARMY в своем прямом значении является конкретно-предметным собирательным существительным, то есть обозначает совокупность единиц конкретного характера. Известно, что армия — это «*вооруженные силы государства; сухопутные вооруженные силы*» [4, с. 35]. В английском языке можно привести следующее определение: *the branch of a state's armed forces which operates on land (e.g. infantry, armour and artillery)* [9, с. 17]. В переносном значении ARMY приобретает значение количественного существительного: «совокупность большого количества чем-то объединенных людей» [4, с. 35]. Приведем следующие словарные дефиниции из английского языка:

a great multitude [10]

an army of people, animals, or things is a large number of them, especially when they are regarded as a force of some kind [8]

a large number of people or things, typically formed or organized for a particular purpose [11]

В этом значении существительное ARMY встречается в номинативной группе AN ARMY of N, где N — существительное в форме множественного числа, обозначающее объекты живой и неживой природы, объединенные в совокупность. По мнению Л.Д. Чесноковой, конструкции такого типа выполняют функцию «скрытых предикатов» [6, с. 49]. С.Д. Кацнельсон в одной из своих работ заострил внимание на анализе скрытых категорий языка, которые составляют его «скрытую грамматику» [3, с. 83]. Такие категории не имеют внешнего выражения, а потому, если и осознаются носителями языка, то на бессознательном уровне. Р.С. Гинзбург обращается непосредственно к семантике слова и говорит о «скрытых семантических компонентах»; их выявление, по его мнению, должно осуществляться «путем анализа речевого функционирования и анализа совместной встречаемости» [1, с. 13].

Рассмотрим сначала группы слов, семантические компоненты которых согласуются с компонентами существительного ARMY.

1. Большая совокупность людей с указанием конкретного количества. Этот компонент отражен во всех рассмотренных словарных дефинициях:

An army of 15,000 workers swarmed over the site on some days... [12];

An army of 500 thousand ladies with tasteful banners on which poor Gumbo is displayed kneeling in his chains'... [7]

2. Динамичность совокупности. Любопытно, что количественная и качественная характеристика слова ARMY дополняется определениями, которые показывают, что данная совокупность имеет тенденцию к уменьшению и увеличению своего размера:

*The weather was perfect, and a **small** army of servants, dressed in plum colored livery, moved through the mounted followers ... [7];*

*The managers are part of a **growing** army of health service administrators that has expanded from 700 to 13,200 in the past five years... [7];*

*...they were attacked by a **large** army of Orcs and Goblins... [7];*

*...he would like a **whole** army of curates with him now... [7]*

3. Вид профессиональной деятельности. В центре этой группы наблюдаем сочетание со словом «рабочие разных профессий»: *field workers, white-collar workers, foreign workers ... [12];*

Большое количество существительных в позиции N относятся к обозначению различных профессий:

*...an army of **cooks** has been an integral part of the restaurant 's... [12];*

*John Paul has been seen and reported by an army of **journalists**... [12];*

*An army of **sculptors and artisans** beautified the mountains of Chrace... [7]*

4. Объединение людей в группу для выполнения совместной задачи. Как правило, эти люди являются активистами, объединенными общей идеей или целью:

*But it 's not too late to turn on an army of **activists** needed to register... [12];*

*Van Hollen relied on an army of liberal **supporters** to turn out voters in his 2002 race... [12];*

*...at Kalkar a moat was dug to keep out an army of **protesters**... [7];*

*However, this remarkable literary work — even given an army of **fans** as keen as his niece... [7]*

5. Разнообразие представителей группы. Однако, все равно прослеживается определенная направленность деятельности:

*To make our aeroplanes and fly them we need steel mills, oil wells, an army of **designers, technicians, engineers and financiers, pilots, mechanics, caterers and stewards** [7] — представители профессий, связанных с обслуживанием самолетов;*

... *huge areas of mountain land and, with an army of imported architects, carpenters and masons...* [12] — специалисты строительной сферы

6. Негативная оценка группы. Армия в обществе ассоциируется с оружием, насилием, войной, несмотря на ее положительную роль — охрана и защита государства. В стилистически окрашенных контекстах выявляется этот скрытый компонент значения:

Nutty raised an army of smelly Brits while I was away... [7];

... *revealing moments came when she found herself surrounded by an army of irritated reporters who wanted more time to question her...* [12]

7. Совокупность животных. Только в одном словарном определении мы находим упоминание о том, что в словосочетании AN ARMY OF N правое окружение могут занимать наименования животных. Как правило, это животные, живущие семьями, то есть в большом количестве (*wild dogs, wolves, insects, penguins, cockroaches*):

...*sinuous mountain ranges reminded one early explorer of an army of caterpillars heading for Mexico...* [12];

the road to Padua shimmered with ripening millet, and an army of cicadas steadily drilled the air... [12]

8. Совокупность микроорганизмов. Микробы, элементы, антитела, антиоксиданты в теле животного или человека исчисляются миллионами. В примерах мы находим подтверждение этой гипотезе:

That means that an army of microbes is just waiting to infect your gut at exactly... [12];

And an army of antioxidants works to protect body cells from free radical... [12]

9. Совокупность транспортных средств. Как правило, большое скопление заведенных транспортных средств представляет собой устрашающее зрелище, напоминающее наступление армии:

... *It just makes me feel weird with an army of helicopters spraying my house...* [12];

... *Up ahead an army of large trucks is creeping onto the highway...* [12];

... *before an army of overconfident yellow cabs roared past the tiny deathtrap...* [12]

10. Совокупность вымышленных персонажей. В фантастических историях возможно все, поэтому скопление воинственных героев мотивированно обозначаются собирательным существительным ARMY:

Izanagi fled back to the earth's surface, pursued by an army of thunder gods and headless warriors... [7];

... it must have looked like Armageddon. An army of **demons** from the sky... [12]

Проведенное исследование позволило проанализировать большое количество примеров из англоязычных корпусов и выявить сочетаемость собирательного имени ARMY в рамках номинативной группы AN ARMY of N. Анализ дистрибуций, то есть всех окружений (*контекстов*), в которых встречается исследуемое слово, позволил распределить контексты по 10 рубрикам, тем самым описать явные и скрытые компоненты значения собирательного существительного: большая совокупность людей с указанием конкретного количества, динамичность совокупности, вид профессиональной деятельности, объединение людей в группу для выполнения совместной задачи, разнообразие представителей группы, негативная оценка группы, совокупность животных, совокупность микроорганизмов, совокупность транспортных средств, совокупность вымышленных персонажей.

Список литературы:

1. Гинзбург Р.С. Сочетаемость и референтная соотнесенность слова и сочетаемость // Сб. науч. тр. Вып. 145 / Редкол.: Т.Ю. Князева (отв. ред.) и др. — М., 1979. — С. 9—15.
2. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М., 1973.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — Л., 1972.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — 22-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1990. — 921 с.
5. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. — М., 1979. — С. 3—8.
6. Чеснокова Л.Д. Категория количества и синтаксические структуры // Вопросы языкознания. — 1981. — № 2. — С. 44—52.
7. British National Corpus [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://sara.natcorp.ox.ac.uk/lookup.html> (дата обращения 07.09.2012).
8. Collins Cobuild English Language Dictionary, Collins London and Glasgow, 1992. — 1703 p.
9. Dictionary of Military Terms, Third Edition, A&C Black and Richard Bowyer, 2007. — 289 p.
10. Merriam-Webster's Unabridged Dictionary [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.m-w.com> (дата обращения 16.09.2012).
11. Multilingual Dictionary ABBYY Lingvo 10.0.
12. The Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения 10.09.2012).

ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОСТАВЕ НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ УСТОЙЧИВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ С ПЕКУНИАРНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ)

Зозуля Наталья Михайловна

*студент 3 курса факультета филологии и журналистики,
Южный Федеральный Университет, г. Ростов-на-Дону*

Норанович Александр Игоревич

*научный руководитель: канд. филол. наук, проф. каф.
«Романо-германская филология», Южный Федеральный
Университет, г. Ростов-на-Дону*

Исследованию фразеологизмов в целом, а немецкого языка — в частности, уделяется большое внимание. Такого рода исследованиями занимаются многие лингвисты, такие как: А. Искоз, А. Ленкова, В.В. Виноградов, М.Д. Степанова, И.И. Чернышева и др. Многие из них изучают классификацию фразеологизмов, структуру фразеологической единицы, а другие занимаются изучением отдельных компонентов, маркеров, входящих в тот или иной фразеологический оборот, и частотность их употребления. Достаточно много исследований было сделано по изучению фразеологизмов, в состав которых входит наименование различных животных, растений и частей тела. Автор посчитал интересным и заслуживающим внимания исследовать фразеологизмы немецкого языка, в состав которых входят заимствованные слова с пекуниарным значением.

Следует отметить, что заимствование является одним из способов обогащения словарного состава языка. Это закономерное следствие языковых контактов в экономической, политической, культурной, научной и спортивной сферах жизни общества. Под термином «заимствование» принято понимать как сам процесс заимствования, т. е. включение элементов одного языка в состав другого, так и результат этого процесса — само заимствованное слово. Помимо заимствования, существует еще два способа обогащения словарного запаса языка, о которых следует упомянуть. Первый — это словообразование [3, с. 353]. И второй — расщепление многозначных слов на омонимы или способ семантической деривации.

Перейдем к рассмотрению непосредственно фразеологизмов с пекуниарным значением. В своем исследовании автор под фразеологизмом понимает как фразеологические сочетания, единства,

так и фразеологические выражения, т. е. пословицы, поговорки, крылатые фразы и т. д.

Одной из древнейших разменных монет Германии был пфенниг (Pfennig). Этимология слова до сих пор остается спорной. Существует несколько версий происхождения этого слова:

- от кельтского *pen* — голова;
- от фризского *panding* (в свою очередь происходящего от латинского *pondus*) — вес;
- от английского *pawn*, немецкого *Pfand*, кандинавского *pand*, означающего *залог (заклад)* или *знак (символ)*.

Приведем несколько устойчивых выражений с данным компонентом:

- *der hat aber Pfennige* — у него куча денег;
- *den Pfennig ansehen* — быть очень экономным/бережливым/скуповатым;
- *er dreht jeden Pfennig zehnmal um* — он трясется над каждым пфеннигом/он очень расчетлив;
- *ich muss mit jedem Pfennig rechnen* — мне приходится считать каждый пфенниг.

В 1518 году граф Штефан Шлик начал чеканку собственной серебряной монеты в городе Йоахимсталь на северо-западе Богемии (сегодня — город Яхимов в Чехии). Данная монета была названа по месту ее производства йоахимсталер (Joachimstaler), а затем название было сокращено до талера (Taler). Примеры фразеологизмов с данной денежной единицей:

- *er ließ dort manchen Taler springen* — он истратил там немало денег;
- *er tut so, als wenn jedes Wort einen Taler kostet* — от него слова не добьешься.

В средние века серебряную монету «грошен» (Groschen) выпускали во многих европейских странах. Название этой монеты идет от латинского слова *grosus* — толстый, поэтому в Германии ее также называли *Dickpfennig* (толстый пфенниг). Так же, как и в русском языке, данная монета часто используется в устойчивых выражениях немецкого языка:

- *keinen Groschen wert sein* — ломаного гроша не стоить;
- *einen hübschen/schönen Groschen verdienen* — прилично зарабатывать;
- *seine letzten paar Groschen ausgeben* — истратить последние денежки;
- *seine paar Groschen zusammenhalten* — скопить денег.

Старонемецкая монета «шерф» (Scherf) достоинством в пол-пфеннига имела хождение до середины XVIII века преимущественно в саксонских и тюрингских феодальных государствах и свободных городах (Эрфурт и пр.). Данное слово происходит от латинского *scrīpulus* — камешек, далее от германского *scarbōn — *schaben* (скоблить), *kratzen* (скрести), *schneiden* (резать), индогерманского *skerp — *schneiden* (резать) [4]. Вероятно, такое название она получила, потому что имела разрезанный край. Свое распространение она получила в XVI веке благодаря переводу Библии Лютером. В главе Нового завета рассказывается история бедной вдовы, которая внесла свою последнюю монету, шерфлейн, на благо церкви. В языке название этой монеты сохранилось именно как *Scherflein* и в таком же виде используется в устойчивых выражениях: *sein Scherflein beitragen* — внести свою лепту.

Гульден (Gulden) — серебряная монета, появившаяся в XV веке. Название происходит от средневерхненемецкого *guldīn* (*pfenninc*) — *Goldpfennig* (золотой пфенниг). Сокращенно данная монета писалась как *fl.* или *f.*, происходя от итальянского *Fiorino*, т. к. начали чеканить эту монету во Флоренции, от латинского *flōrenus aureus*, французского *Florin*. Таким образом, для обозначения серебряной монеты использовались два названия: гульден и флорин. В устойчивых выражениях немецкого языка сохранилось название «гульден»: *es ist ein guter Gulden, der hundert erspart* — букв. Это хороший гульден, который сто бережет.

Многие из приведенных автором фразеологизмов используются преимущественно в устной и художественной речи. Более частым употреблением в разговорной речи пользуется такая денежная единица, как грош (*Groschen*). Так же, как и в русском, она используется в отрицательном смысле. Важно заметить, что монета «грош» встречается в разговорной речи немцев не только в выражениях, касающихся денег. Например, *bei ihm ist der Groschen gefallen* — наконец до него дошло/наконец он сообразил; *(nicht recht) bei Groschen sein* — быть (не) в своем уме; *ein schlechter Groschen* — негодник.

В большинстве своем фразеологизмы с пекуниарным значением имеют оценочную функцию, как, например, в приведенном выше выражении *bei ihm ist der Groschen gefallen* — наконец до него дошло/наконец он сообразил. Но многие из них выполняют также и образную функцию, как, например, следующие пословицы: *Wer den Pfennig nicht ehrt, ist des Talers nicht wert* — копейка рубль бережет; *die*

Groschen machen den Taler/ der Groschen bringt den Groschen — деньга деньгу куёт.

Существует также несколько способов передачи данных фразеологизмов. Многие исследователи (В.Н. Комиссаров, Л.Ф. Дмитриева) выделяют 3 способа. Первый тип соответствий именуют фразеологическими эквивалентами. При использовании таких соответствий сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы [2, с. 253] (*keinen Groschen wert sein* — ломаного гроша не стоить). Второй тип — передача с помощью фразеологического аналога. В случае отсутствия фразеологического эквивалента, следует подобрать фразеологизм с таким же переносным значением, но иным образом (*er ließ dort manchen Taler springen* — он оставил там немало денег).

И, наконец, третий способ передачи фразеологических единиц — описательный перевод. В целях объяснения фразеологической единицы, которая не имеет в русском языке ни эквивалента, ни аналога, следует прибегнуть к такому способу передачи (*sein Scherflein beitragen* — внести свою лепту, *Notgroschen* — деньги на черный день) [1, с. 304].

В заключение можно сделать следующие выводы. Во фразеологизмах немецкого языка, имеющих пекуниарное значение, есть немало заимствований, большинство из которых появились в немецком языке в период с XV—XVII веков, что объясняется, собственно, возникновением данных монет, и происходят из латыни. Некоторые фразеологизмы немецкого языка с пекуниарным значением имеют не только «денежный» оттенок и используются скорее для характеристики людей. В большинстве своем фразеологизмы с пекуниарным значением имеют оценочную функцию, то есть выражают отношение к человеку с позиции его щедрости/скудости, бережливости/расточительности или же его умственных способностей. Иной пласт образуют фразеологизмы с пекуниарным значением, выполняющие образную функцию и проявляющиеся в виде семантической двуплановости. На русский язык фразеологизмы с пекуниарным значением передаются с помощью эквивалента или аналога, а также при помощи описательного перевода.

Список литературы:

1. Дмитриева Л.Ф., Кунцевич С.Е., Мартинкевич Е.А., Смирнова Н.Ф. Английский для студентов. Курс перевода. — М. — изд-во: MapT, 2008. — 304 с.
2. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.

3. Левковская К.А. Немецкий язык. Фонетика, грамматика, лексика. — М.: изд-во Московского университета, изд. центр «Академия», 2004. — 353 с.
4. Köbler, Gerhard. Deutsches Etymologisches Wörterbuch, 1995 — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.koeblergerhard.de> (дата обращения 31.03.2012).

КОНЦЕПТОСФЕРА СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРСА ПО АМЕРИКАНСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

Исаева Ольга Николаевна

*старший преподаватель, Самарский государственный университет,
г. Самара*

Структура права, судебная система, юридические процедуры, история права, место закона в жизни общества — все это важные аспекты правопедения в любом обществе. Однако ядром правовой системы являются реально действующие нормы — сущность права. Правовая система оказывает постоянное влияние на жизнь общества, выполняя функцию общественного и государственного социального контроля. Американское право не отличается простотой нормативных материалов. В современном американском обществе правовая система сопровождает человека во всех его действиях. Понятие «гражданское право» — Civil Law в США имеет два значения:

1. Civil Law обозначает права страны или ее региона (штата)
2. эта языковая единица используется для номинации международного права. Этим понятием охватывается совокупность правовых норм, отражающих нормативы гражданского законодательства в противовес уголовному кодексу, обеспечивающему нормальную деятельность и безопасность американских граждан в рамках своей собственной страны или отдельного штата. Кроме того, американское гражданское право включает в себя правовые нормы, которые регулируют установление, изменение или удовлетворение прав частных лиц. Следует заметить, что лингвистическая интерпретация маркеров, обеспечивающих целостность американского правоведческого дискурсивного пространства, приобретает исключительно важное значение, поскольку проникновение именно в лингвистическую сущность текстов, формирующих базовые

параметры американского правоведческого дискурса, представляется необходимым для раскрытия полной картины современных нормативных положений, регулирующих деятельность законодателей на начальном этапе социализации американских граждан в период получения высшего образования в области правоведения.

Область права образует одну из важнейших составляющих современных цивилизаций, а правовая концептосфера — одну из фундаментальных форм общественного сознания наряду с наукой, искусством, философией. Правовая концептосфера обладает собственным знаковым, прежде всего, — вербальным обеспечением в условиях современного учебного дискурсивного пространства в США, чем и обусловлено обращение к американским учебным материалам, которые послужили исследовательской базой в настоящем исследовании. Термин «концепт» привлекает внимание все большего числа исследователей, каждый из которых вносит свой вклад в толкование данного термина. Концепт - условная ментальная единица, которая служит основой совокупного исследования языка и культуры [3, с. 76]. Концепт понимается также как «дискретная единица коллективного сознания, поскольку существует знак, ее обозначающий [1, с. 78] и как «некая структура представления знаний, отражающая содержание опыта» [4, с. 58].

В результате анализа корпуса выборки (500 единиц) были обнаружены следующие преобладающие концепты, доминирующие в обследованном учебном дискурсе по гражданскому праву: «норма (правило)», преступная небрежность «правонарушения», «судопроизводство», «ущерб», и др. Важно подчеркнуть, что источники гражданского права в США отличаются правовым дуализмом, т. е. эта отрасль развивается на федеральном и локальном уровнях, при этом гражданско-правовая отрасль в США кодифицирована. Прецедент в гражданском праве США играет роль одного из ведущих источников как на уровне федерации, так и на уровне отдельного штата. Как и в Великобритании, законодательство США является полноправным источником гражданского права, регулируя преимущественно локальные гражданско-правовые отношения. Многообразие значений, которые актуализируются в терминологической системе американского учебного правоведения, нуждается в лингвистической систематизации, т. к. на уровне взаимодействия лингвистических маркеров в концептосфере американского правоведения наиболее отчетливо проявляются национально-культурные и речевые особенности американского законодательства. Например, значительное количество примеров из выборки, которая базируется на названиях

разделов, частей и прочих составляющих фрагментах англоязычного (американского) учебного дискурса правоведческой направленности, представлено концептом «норма (правило)»:

Норма (правило, принцип): Bankruptcy Rules, Hearsay Rule, Applicability Rules, The «Loss of a Chance» Rule, Rules of Procedure and Evidence, The Traditional Rule of No Liability for Nonfeasance, Rules of Procedure and Evidence. Юридические нормы регламентируют поведение людей, определяя дозволенное и недозволенное, одновременно нейтрализуя всевозможные конфликты, столкновение интересов. Изданные законодателем нормы воспринимаются в том случае, когда они истолкованы судебной практикой. Правовые нормы — это такие нормы, которые созданы по определенным моделям с использованием определенных источников и наделены специфическими и разнообразными качествами [2, с. 369].

Преступная небрежность (халатность): Negligent Entrustment, Providing Negligence, Negligence as an Economic Concept, Comparative Negligence, Negligence Causing Physical Harm, Negligence: Basic Principles.

Отличительная черта преступной небрежности проявляется в том, что виновный не предвидит даже абстрактной возможности общественно опасных последствий своего поведения. При преступной небрежности не проявляют необходимой внимательности, предусмотрительности, не соблюдают правил предосторожности. Именно по этим причинам он не предвидит вредных последствий своего деяния, которые должен был и мог предвидеть [6, с. 68].

Ущерб (вред, убыток): Damage to Property, Serious and Genuine Harm, Harm to Reputation, Significant Harm, Damages, Intentionally Inflicted Injury. Следует отметить, что термин «damage», обозначающий «убытки», чаще всего употребляется при нарушении договорных обязательств в гражданском праве [7, с. 157]. В гражданском праве чаще всего термин **вред** отождествляется с такими терминами, как **убытки, ущерб**

Правонарушение(я): Battery and Assault, Wrongful Adoption, Trespass to Land, Medical Malpractice, Basic Intentional Torts, Interference with Possession or Use of Land: Trespass and Nuisance, Libel and Slander. В широком смысле слова общественно вредное опасное деяние, покушающееся на сложившийся порядок общественных отношений. Гражданские проступки — правонарушения, совершаемые в сфере имущественных и, а также неимущественных отношений.

Закон (в объективном смысле): New York Worker's Compensation Law, The Future of the Civil Law Tradition, The Sources of

Law, Pre-emption by Federal Law, The Media and the Law of Libel. В наивно-языковом понимании юридический закон рассматривается как нормы и правила поведения т. е. как руководящее начало, управляющее поведением личности. Другими словами, оно может быть интерпретировано как своего рода социальный знак того, что каждый из нас вправе и не вправе что-то делать, что-то совершать, основание для различения дозволенного от недозволенного [5, с. 32].

Итак, правовая система США представляет собой сложное комплексное динамичное явление объективной действительности, которое находится в тесной взаимосвязи со всеми процессами, происходящими в современном американском обществе. Как показали наши наблюдения, этот тезис подкрепляется актуализацией вербальных маркеров гражданского правоведения в контексте англоязычного учебного дискурсивного пространства, представленной упорядоченной подсистемой концептосферы современного американского гражданского права.

Список литературы:

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка их личностная и национальная специфика: Дисс...док филол наук:10.02.19 / Бабушкин Анатолий Павлович. Воронеж, 1997. — 330 с.
2. Бержель Ж.Л. Общая теория права М.: Nota Bene. 2000 — 576 с.
3. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования. // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Сб. науч. тр. Под ред. И.А. Стернина. — Воронеж: ВГУ, 2001. — С. 75—80.
4. Кравченко А.В. Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М., 2000. — 362 с.
5. Палашевская И.В. Концепт «закон» в англоязычной и русскоязычной лингвокультурах. Дисс... канд. фил. наук: 10.02.20 / Палашевская Ирина Владимировна. Волгоград, 2001. — 196 с.
6. Побегайло Э.Ф. Энциклопедия юриста. 2005. [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://mirslovarei.com/content_uristencprestupnajanebrezhnost/ (дата обращения 25.09.12).
7. Фридман Л. Введение в американское право. М.:ПрогрессУниверс,1993 — 286 с.
8. Studies in American Tort Law .Fourth edition by Vincent R. Johnson, Alan Gann. Carolina Academic Press 2009.1039 p.
9. Civil Procedure: Examples and Explanations by Joseph W.Glannon. Kindle Edition 2008. 711 p.

ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА В РЕЧИ БРИТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Камбаров Носир Мансурович

*канд. филол. наук, доцент Узбекского государственного
университета мировых языков, г. Ташкент*

Алимова Гулноза Юлдашалиевна

*стажёр, соискатель-исследователь Узбекского государственного
университета мировых языков, г. Ташкент*

Язык выполняет свою важнейшую — коммуникативную — функцию не только посредством кодифицированного литературного языка, но и через нелитературные формы языка, одной из которых является сленг [2, с. 139].

Сленгом называется нестандартное использование слов в каком-либо языке и, иногда, образование новых слов или заимствование их из других языков [5, с. 468]. Сленговые выражения обычно привязаны к субкультурам каких-либо социальных групп, например, наркоманов, сноубордистов или поклонников рок-музыки. Сленг нередко путают с профессиональным жаргоном, однако, эти лексические группы не эквивалентны. Сленг является неформальной, часто шуточной формой выражения мыслей, в этом плане его, скорее, можно сравнить с разговорной речью.

Сленг очень неофициальное использование слов и фраз для более красочным и своеобразный стиль выражения, что разделяет людей в той же социальной подгруппы, например, компьютерный сленг, жаргон спортивный, военный сленг, сленг студентов, сленг музыкантов, и т. д. Сленг не используется большинством носителей языка, и многие люди считают вульгарными, хотя и довольно несколько фраз сленг уже давно вошли в стандартное применение. Сленговые выражения появляются в языке не только определенных социальных групп, а также художественные фильмы, песни, молодежные программы, газеты и журналы играют большую роль.

Для английского сленга характерны не внешние, а внутриязыковые заимствования: заимствования из различных лексических слоев стандартного английского языка и заимствование одной социального группой сленга другой группы. Именно малая степень внешнего влияния, в отличие от сленга во многих других языках, и составляет особенность английского сленга соединение социолингвистических и собственно лингвистических характеристик и анализи-

рует то, как социолингвистические аспекты влияют на семантику сленгизмов, структуру лексических групп, и семантическую структуру слова, изменение значения слова при переходе его из стандартного английского языка в молодежный сленг.

Молодежный сленг — это интереснейший феномен, использование которого ограничено возрастными рамками и социальными, временными пространственными рамками [3, с. 167].

Молодежный сленг — одно из составляющих процесса развития языка его пополнения и его многообразия. Хотя Великобритания — сравнительно небольшое, с территориальной точки зрения, государство, количество и разнообразие существующих здесь диалектов и региональных наречий несравнимо больше, чем в других англоязычных странах. Однако, в связи с растущей миграцией населения внутри страны, а также вследствие развития средств коммуникации, множество идиом, употребление которых раньше было территориально ограничено, сейчас используются населением всей Великобритании, особенно молодежь.

Сленг приходит быть очень многочисленная часть в речи британской молодежи. В большинстве случаев, основным «распространителем» сленга является молодежь — что обуславливает тематическую направленность лексики, а также степень ее «неформальности». Нередко речь подрастающего поколения кажется шокирующей и безнравственной. Однако многое из сленгового словаря постепенно становится нормой и для представителей других возрастных групп, так как с течением времени общественная точка зрения на те или иные вопросы меняется: то, что было новинкой или даже дикостью 20 лет назад, сейчас вполне может стать повседневным явлением.

Использование молодежного вида сленга часто ограничено коротким временным периодом. Так как некоторые слова, модные и часто употреблявшиеся в течение какого-то отрезка времени, спустя несколько лет или десятилетий используются уже в другом, не первоначальном, значении. Сам по себе язык не может развиваться. Его развивают. И основную роль в развитии языка играют молодежная речь.

Особенностью молодежной речевой культуры является широкое распространение сленга, который возникает часто как протест против словесных штампов, однообразия тусклой обыденной речи, желание сказать острое словцо, отличаться, что было свойственно молодежи во все времена. Сленгизмы в британской молодежной речи

разнообразен по тематике и принадлежности к той или иной возрастной и профессиональным группам.

Британская молодежь используя сленгов представляет собой своеобразный лексикон со специфическими свойствами, отражающими психолингвистическую и социальную характеристику молодых людей. В рамках молодежного сленга выделяется значительное количество устойчивых словосочетаний, являющих собой значительный пласт релевантных языковых единиц для этой формы социолекта молодежного социолекта, что вносит определенный вклад в развитие сравнительно-сопоставительных фразеологических студий социальных диалектов разных языков.

Существует и так называемая **Cockneyrhymingslang**. Во всех британских молодежных сферах Cockneyrhymingslang является одной из самых обширных типов сленга. Один из наиболее известных примеров, который очень редко употребляется в серьезных разговорах, — выражение applesandpears, которое означает stairs. Речь, произнесенная на Cockneyrhymingslang, напоминает шифр, смысл которого без ключа не узнаешь.

Наиболее умные и смешные варианты рифмующегося сленга всегда связаны по смыслу с определяемым понятием. Иногда они содержат жесткую иронию, которая придает высказыванию остроту, но не всегда соотносится с действительностью. Сейчас этот, часто ставящий в тупик, вид сленга достаточно распространен в англоговорящей части мира.

Рифмующийся сленг кокни настолько распространен в современной «британской» молодежной речи, что, сами молодежь того не замечая, ежедневно употребляют его в разговоре.

Вот некоторые прочно укоренившиеся в повседневной речи выражения, которые можно услышать в любой части Великобритании:

«Let's have a butchers at that magazine» (*butcher's hook = look*)

«I haven't heard a dicky bird about it» (*dickie bird = word*)

«Use your loaf and think next time» (*loaf of bread = head*)

«Did you half-inch that car?» (*half-inch = pinch, meaning steal*)

«You will have to speak up, he's a bit mutton» (*mutt'n'jeff = deaf*)

«I'm going on my tod» (*todsloan = alone, or own*)

«Are you telling porkies?» (*porkies = pork pies = lies*)

«Are you going to rabbit all night?» (*rabbit and pork = talk*)

«Scarper lads! The police are coming» (*scarpa flow = go*) [4].

Предпринимались попытки «отфильтровать» на национальном уровне язык, используемый, в основном, неуравновешенными подростками и молодыми людьми, стремившимися выделиться

и подчеркнуть свою индивидуальность путем изобретения новых идиоматических выражений. Популярность молодежной культуры, также сильно раскрученной в СМИ, в 1990-е привела к избытку рифмующихся сленговых выражений в речи всего населения Великобритании. Хотя, без сомнения, большая часть этих новинок отомрет так же быстро, как и возникла. Лишь единичные экземпляры не утратят актуальность и индивидуальный характер и не будут забыты [1, с. 20].

Следующие выражения, пользующихся на современном этапе является популярными в речи британской молодежи: *rubymurray = curry*, *barnetfair = hair*, *currantbun = sun*, *hampsteadheath = teeth*, *deepseadiver = fiver (amonetarynote)*, *mincepies = eye*, *chinaplate = mate*, *penandink = stink*[4].

Очевидно, одной из самых привлекательных и загадочных областей любого языка является именно сленг. Мы настолько привыкли к использованию всех его видов и разновидностей в языке, что старательно разбираться в скучнейших грамматических правилах и зазубривать тонны нужной и полезной лексики. Необходимо также, сленг молодежной речи начали проникать во многие сферы общественной жизни, и даже отдельные элементы стали фиксироваться в словарях.

В заключение, что под молодежным сленгом понимается совокупность постоянно трансформирующихся языковых средств высокой экспрессивной силы, которые используются в общении молодыми людьми, состоящими в семейных, дружеских отношениях. Так как, новые молодежные сленги подхватываются из телепередач, популярных фильмов, прессы. Таким образом, нередко происходит даже заимствование сленга из других языков или диалектов.

Список литературы:

1. Кокорев В.Ю. Культура молодежи: самоидентификация в системе национальной культуры: Автореф. дис. канд. социол. наук. СПб ун-та, 1997. — 20 с.
2. Кочеткова М.А. Культурологические аспекты сленга: сленг американских студентов. Нижний Новгород. Издательство НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. — 139 с.
3. Левикова С.И. Молодежный сленг как своеобразный способ вербализации бытия // Бытие и язык. — Новосибирск: Наука, 2004. — № 5. — с. 167—173.
4. Почему англичане называют лестницу яблоками?— [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.english4fun.ru>.
5. Partridge E. Slang To-Day and Yesterday. London, 1960. — 468 с.

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ НА ЛЕКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Каноник Наталия Петровна

*аспирант,
ассистент Восточноевропейского национального университета
имени Леси Украинки,
г. Луцк*

Статья посвящена исследованию ядерных лексических единиц со значениями пространства и времени, которые являются составляющими лексико-семантических полей исследуемых категорий. Актуальность данного исследования определяется необходимостью данного исследования лексической полисемии разных частей речи к семантике лексических единиц, обозначающих пространство и время, изучением взаимодействия и взаимосвязи лексико-семантических полей пространственной и темпоральной лексики. Сравнительный анализ семантических структур ядерных лексических единиц с целью выявления точек пересечения лексико-семантического поля пространства и лексико-семантического поля времени раскрыл соотношение категорий пространства и времени, определяя общие и дифференциальные семантические признаки.

Ключевые слова: пространство, время, сема, взаимосвязь, семантические признаки.

Проблема пространства и времени является *актуальной* (пространство и время — универсальные категории) и в экстралингвистической реальности пространственность и темпоральность занимают одно из центральных мест, кроме того *актуальным* исследование является через интерес современной лингвистики к изучению лексики английского языка со структурно-семантической позиции, необходимостью дальнейшего исследования лексической полисемии разных частей речи к семантике лексических единиц, обозначающих пространство и время, изучением взаимодействия и взаимосвязи лексико-семантических полей пространственной и темпоральной лексики.

На лексическом уровне систематичность проявляется прежде всего в существовании лексических целостных образований, которые выделяются из элементов лексического склада языка, и связей между членами этих лексических образований [1, с. 10]. Слова в языке неоднородные, а лексические значения, которые могут принадлежать

определенному лексическому складу, способны взаимодействовать и пересекаться со значениями слов других классов [3, с. 411].

Возможность пересечения отдельных полей есть значительной характеристикой лексической системы и осуществляется благодаря нескольким семемам, которые располагаются на пересечении разных групп полей [2, с. 120].

Цель данной статьи — исследовать и проанализировать соотношение категорий пространства и времени лексических единицы (ЛЕ) разных частей речи современного английского языка, в которых взаимодействуют семи пространственности и темпоральности. Для достижения этой цели нам нужно установить точку пересечения межполевых связей на материале разных частей речи, определить не только общие но и отличные различия в семантической структуре исследуемых лексем. Для уточнения семантических составных элементов в исследовании использовались методы компонентного анализа и методики индификаций общих и дифференцирующих признаков. Именно благодаря этим признакам возможно определить связь и взаимодействие категорий пространства и времени на лексическом уровне.

Под дифференционными признаками этого исследования подразумевается наличие одного общего компонента, то есть общим является или сема пространства, или сема времени. Так, общий компонент пространства присутствует у лексических единицах, в то время как общий компонент времени — у 12 ЛЕ.

Проанализируем случаи, где лексическая семантика исследуемых ЛЕ раскрывается через общую сему пространства «площадь» та «место».

Первая общая сема пространства это сема — «*площадь*» — “area”. Сема «*площадь*» присуща 4 существительным, у словарные дефиниции которых доминирующей является сема *площади* (*space*), а сема времени отличается от слова к слову. Так, например существительное *break* обозначает “**short period of time**” (**короткий период времени**), существительное *field* обозначает “**the time in a war**” (**время на войне**), существительное *region* обозначает “**the amount of time**” (**количество времени**), а существительное *waste* обозначает означает “**to be not worth of time**” (**не стоит затраченного времени**).

Вторым общим признаком пространства является сема «*место*» — “*next to (вблизи /около)*” и характерна 4 предлогам, а сема времени отличается. Так, например: у предлога *against* эта сема обозначает “**happen at time**” (**происходить в определенный период**),

у предлога *by* присутствует сема времени “**not later**” (не позже), у предлога *under* — сема времени “**less than in the time**” (почти вовремя), у предлога доминирует сема времени “**before period of time**” (перед каким либо периодом времени).

Проанализируем случаи, где общей семой является сема времени, а именно «длительность»: «**период времени, на период времени, на протяжении периода времени**».

Первой общей семой является «*период времени*» (*period of time*) и характерна 4 существительным, а именно: **короткий период времени (short period of time) (break), период времени на 3 месяца, 15 минут (a period of 3 months, 15 minutes) (quarter), 3 месяца (время года) (season) (spring), короткий промежуток времени для какого-то вида деятельности (the short period of time activity) (trough)**. Сема пространства у этих слов отличается.

Так, для существительного *break* сема пространства обозначает “**gap, space**” (промежуток, пробел), для существительного *quarter* сема пространства обозначает “**direction, region**” (направление, район), для существительного *spring* сема пространства обозначает “**movement, place**” (движение, место), а для существительного *trough* сема пространства обозначает “**area**” (площадь).

Второй общей семой является **период времени (на / за период времени) (for a period)** и характерна 5 глаголам. Так, эти глаголы имеют общую сему времени. Например, глаголы *to continue* и *to extend* обозначают “**to exist for a period of time**” (существовать на период времени), у глагола *to do* доминирует сема времени “**to spend**” (проводить время, тратить что-то за период времени), у глагола *to enter* сема времени обозначает “**to begin**” (начинать что-то на период времени), у глагола *to have* сема времени обозначает “**to look after for a period of time**” (ухаживать какой то пери од времени). Таким образом, общей для этих глаголов является только сема времени, а сема пространства отличается. Так, сема пространства “**to travel a distance**” (путешествовать на расстояния) характерна для глагола *to do*, “**to move**” (двигаться) — для глагола *to continue*, “**to go**” (идти) — для глагола *to enter* та “**to put in a place**” (класть на место) — для глагола *to have*.

Третьей общей семой времени является сема “*during the period of time*” (**на протяжении периода времени**). Эта общая сема присуща 3 предлогам, которые в свою очередь, имеют отличную сему пространства. И так, для предлога *through* сема пространства обозначает “**from one side to another, passing the place**” (через, с одного конца в другой), для предлога *into* — “**in the direction**”

(у направлении), для предлога *over* — “**above, from opposite side**” (над, с противоположной стороны).

Отдельную группу составляют ЛЕ, которые не вошли ни в одну совокупность ЛЕ или за общими признакам, или за дифференционными. Это 5 ЛЕ: 2 глагола *measure* и *take*, 2 наречия *up* и *over* и 1 существительное *stop*. Так, для существительного *stop* сема пространства обозначает “**place**” (место), а сема времени обозначает “**finish, end**” (конец). Глагол *measure* в пространственном значении обозначает “**to be a length**” (проходить расстояние), а сема времени — “**to be measured, to adjust**” (измерять, регулировать). Для глагола *take* характерна сем а пространства, что обозначает “**to have enough space**” (иметь достаточно пространства) и сема времени “**need time**” (занимать время). Для наречия *up* характерна сема пространства, которая указывает на **местонахождение вверху (towards a higher position)**, а сема времени указывает на **окончание (finished over)** и для наречия *over* сема пространства обозначает “**open space, above**” (открытое пространство, над), в то время как сема времени обозначает “**from start to finish**” (конец).

Таким образом, наличие дифференционных признаков категорий пространства и времени в семантической структуре исследуемых ЛЕ расширяет представление о лексической семантике ЛЕ, лексическом складе языка и об возможности функционирования лексических единиц функционировать в ней. Сравнительный анализ семантических структур ядерных ЛЕ с целью выявления точек пересечения лексико-семантического поля пространства и лексико-семантического поля времени дал возможность раскрыть соотношение категорий пространства и времени, определяя девять общих семантических признаков. Практическое значение исследования определяется у возможности использования полученных результатов в процессе преподавания английского языка, на лекциях с теоретической лексикологии, на практических занятиях («Семасиология», «Полисемия», «Семантическая структура слова»).

Список литературы:

1. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка) / А.М. Кузнецов. — М., 1980. — 160 с.
2. Соколовская Ж.П. Система в лексической семантике (анализ семантической структуры слова) / Ж.П. Соколовска. — К.: Высш. шк., 1979. — 189 с.
3. Шведова Н.Ю. Глаголы как доминанта в системе русской лексики / Н.Ю. Шведова // Филол. сб. — М.: [б. и.], 1995. — с. 405—414.

МОДАЛЬНЫЕ СИНТАГМЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ МОДАЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИА-ТЕКСТЕ

Караульщикова Юлия Владимировна

*аспирант кафедры английского языка Поволжской государственной
социально-гуманитарной академии, г. Самара*

При анализе средств выражения модальности в развернутом произведении речи особого внимания заслуживает его синтагматика. Как известно, синтагматика в узком понимании — это комплексные образования, включающие в себя различные номинативные единицы, являющиеся результатом соположения единиц более низкого уровня — от производных слов до самых сложных типов словосочетаний [5, с. 3]. Обращение к этому понятию при описании средств выражения модальности в линейной организации речи обусловлено тем, что синтагмы — составные номинативные образования, состоящие из двух и более значащих единиц, расположенных в определенной линейной последовательности, являются предельными составляющими предложения, в своей совокупности определяющими модальность всего высказывания [5, с. 3].

Объектом исследования, результаты которого отражены в настоящей статье, являются синтагмы, включающие модальные глаголы, т. е. средства, традиционно относимые к выражению модальности. Следует отметить, что для модальных глаголов апеллирование к понятию синтагматики приобретает особое значение. Это связано с тем, что модальные глаголы не являются полнозначными и в силу своей незначительной лексической насыщенности выступают в речи, как правило, не изолированно, а в составе модального сказуемого, образуя при этом предикативную синтагму. Выступая как служебное слово, модальный глагол по своим функциональным и формальным характеристикам приближается к вспомогательным глаголам, используемым в составе аналитических форм.

Модальные глаголы входят в систему языковых модальных средств, которая наиболее последовательно, на наш взгляд, представлена в концепции, согласно которой выделяются четыре способа: грамматический, лексический, лексико-синтаксический и лексико-фразеологический [4, с. 63—72]. Первый включает грамматическую категорию наклонения (очевидно, его целесообразно конкретизировать, назвав морфо-синтаксическим); второй объединяет

модальные глаголы и модальные слова. Лексико-фразеологический способ представлен словосочетаниями (it is possible, it is likely и пр.). Что касается лексико-синтаксического способа, то он выделяется как особый тип. Имеются в виду конструкции, в которых модальные глаголы в сочетании с перфектной или неперфектной формой инфинитива «употребляются для выражения «чистой» модальности, свободной как от включенности в систему наклонений, так и вполне отвлеченной от системы лексических значений данных глаголов как лексических единиц» [4, с. 64]: It must have been about half past four, It cannot be the murderer и т. д. Подтверждение того, что здесь действительно имеет место особый способ выражения модальности, автор данной классификации видит в том, что утвердительные формы не имеют аналогов в системе отрицательных форм, и наоборот. Так, первая из вышеприведенных моделей невозможна в отрицательном высказывании, а вторая — в утвердительном.

Процесс ослабления лексического значения модального глагола особенно заметен в предельных синтагматических составляющих — устойчивых, воспроизводимых сложных единицах (it may seem, as can be seen from, и т. д.) [5, с. 36—37]. Слабость лексической насыщенности модальных глаголов предельно ярко проявляется в конструкциях с безличными подлежащими it, this, that, there: This must be it! There can't be John at the door. Именно при безличных подлежащих становится очевидной невозможность рассматривать модальные глаголы в этих конструкциях как аналоги словосочетаний to be able, to succeed, to be in position и т. п.

Данная классификация представляется целесообразной, поскольку охватывает все традиционные средства выражения модальности и в то же время разделяет их с точки зрения лексики и грамматики. Выделение разных способов выражения модальности позволяет также выявить функционально-стилевую обусловленность выбора средств выражения модальности. Этот вывод можно сделать на основании результатов исследования, проведенного ранее на материале одного из основных языковых стилей — стиля научного изложения [4, с. 63—72].

В настоящей статье ставится задача рассмотреть особенности глагольных модальных синтагм на материале политических электронных газет.

Анализируя материал, мы исходим из того, что в плане семантики основной является оппозиция «лексический» / «лексико-синтаксический» способы. Она опирается на соотношение лексического и грамматического аспектов, что обеспечивает последовательность и непротиворечивость в описании объекта исследования. Помимо этого, данное

противопоставление согласуется с основной дихотомией в исследовании рассматриваемой функционально-семантической категории. Как известно, основными аспектами дифференциации здесь являются модальность объективная и модальность субъективная [2, с. 195]. Если первая выражает отношение сообщаемого к действительности, а вторая — отношение говорящего к сообщаемому, то к объективной модальности следует отнести морфо-синтаксические средства (выражение реальности, гипотетичности, ирреальности) и ту часть лексических средств, которая представлена модальными глаголами (выражение возможности, намерения, необходимости и т. д.). Субъективная модальность включает лексико-синтаксические, лексико-фразеологические средства и лексические средства (модальные слова), указывающие на степень категоричности высказывания и выражающие «степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности» [1, с. 303]. Модальные глаголы (а точнее, синтагмы с модальными глаголами), таким образом, могут выступать как лексическое и как лексико-синтаксическое средство выражения модальности.

Рассматриваемые в статье модальные глаголы объединены семантикой необходимости. Как известно, выражение необходимости является сущностью объективной модальности наряду с выражением возможности, намерения и отношения высказывания к реальности. Наиболее частотным глаголом, имеющим значение долженствования согласно предписанию, рекомендации, оказался модальный глагол *should*. Этот глагол зафиксирован в нашем материале как лексическое средство в значении долженствования (*why they should replace Obama in early 2013; he ... “should make sure he does not disappoint the world”*), как лексико-синтаксическое средство в значении предположения с большой долей вероятности (*bin Laden's death should help the Obama Administration to handle the politics*) и как средство выражения ирреальности (*“What he should have said was...”*; *(he) should have “let the Republicans insist on the tax cuts” in the stimulus*).

Поскольку нас интересует оппозиция «лексический» / «лексико-синтаксический» способ выражения модальности, остановимся на подробном рассмотрении особенностей их функционирования. Модальные синтагмы обоих типов равнозначны в функционально-синтаксическом отношении (как предикативные синтагмы); в плане синтаксической структуры они омонимичны: *“that is how it should be”*; *the direct provision of up to \$1tn should encourage them to start spending again*. Количественное соотношение лексического и лексико-синтаксического

способа, однако, не равнозначно и составляет 59 % в пользу лексического и 33 % на долю лексико-синтаксического способа.

Наша исследовательская задача состоит в том, чтобы при условии идентичности структуры и синтаксической функции двух семантически различных типов модальных синтагм определить возможные закономерности и различия в функционировании двух способов. Предлагаемая нами методика состоит в привлечении в качестве параметров анализа модальных синтагм лексические, лексико-грамматические и синтаксические аспекты.

Начнем анализ с **морфологических характеристик** глагола *should*. Во-первых, при функционировании *should* в качестве как лексического, так и лексико-синтаксического средства маркированная форма категории вида вообще не используется. Маркированная форма категории залога зафиксирована с *should* только как с лексическим средством в 13 %: *The principles should be scrapped; should be combined with a defence treaty; The testimony ... should be required reading.*

Определенные различия **лексико-грамматического** характера между лексическими и лексико-синтаксическими средствами наблюдаются в отношении подлежащего, обозначающего субъект действия. Так, для предложений, где *should* выступает как лексическое средство, в качестве подлежащего чаще всего выступают имена существительные или названия стран, обозначающие общность людей: *Mr. Lieberman ... said the United States should provide the rebels with weapons; the broader principle that government should "treat everybody equally";* личные местоимения: *"We should welcome this development for it has lifted hundreds of millions from poverty"; We should unify our efforts;* формально-безличные подлежащие: *One should bear in mind; But it should be clear to those around Gadaffi.* В предложениях, где глагол употребляется как лексический способ, характерно употребление в качестве субъекта действия имен существительных: *Former House Speaker Newt Gingrich...said the job numbers should refocus the campaign on voters' pocketbooks; whether a substantial drawdown of troops from Afghanistan should begin this year.*

Лексико-семантические характеристики смыслового глагола в составе модальных синтагм с *should* как с лексическим, так и лексико-синтаксическим типом сводятся в основном к выражению действия: *It should remind us all; some at the conference argued that we should abandon the term.*

Важным параметром анализа является рассмотрение **синтаксических отношений между подлежащим и сказуемым**. Предикативная связь может охватывать разнообразные отношения, которые

А.И. Смирницкий описывает на примере простых сказуемых [3, с. 186]. Кваликативные отношения реализуются, когда обозначаемое сказуемым квалифицирует субъект: *He is old*. Процессные отношения характеризуют те случаи, когда сказуемое обозначает процесс, который производит (или испытывает) субъект: *He arrived*. Объектные (отношения между предметами) реализуются, когда сказуемое указывает на отношение субъекта к объекту: *I have many friends; The book consists of five chapters*. При обстоятельственных отношениях сказуемое указывает на отношение субъекта к определенным обстоятельствам: *He is here*.

Перечисленные типы сказуемого не всегда выступают в чистом виде. В ряде случаев лексическое значение глагола может быть ослаблено. Так, в предложении *He sat in the corner* глагол *to sit*, обозначающий положение в пространстве, все же не является достаточно однозначным, поскольку в этом предложении важно именно условие протекания процесса. По этой причине *in the corner* не выделяется в самостоятельную синтагму. Такая же картина наблюдается и в предикативных синтагмах, где присутствует глагол-связка (*He is here*) или смысловой глагол, связанный с дополнением тесной атрибутивной связью (*The book consists of five chapters*). В этих случаях предикативная синтагма будет оформлена цельным просодическим контуром. Кроме того, могут быть различные смешанные варианты как, например, в предложении *The moon rose red*, где в форме предикативной связи выражаются одновременно и процессные и кваликативные отношения. В этом случае мы имеем дело с процессно-кваликативным типом сказуемого.

В составе модальных глагольных синтагм в рассматриваемом нами материале глагол **как лексическое средство** встретился в составе:

- **процессного сказуемого** (66 % синтагм): *a reason voters should look at his record; "we should see what the local community wants to do"*;
- **объектного сказуемого** (7 %): *Even if today's ... meeting ... takes place, no one should have great illusions about its outcome; we should have a fix on the man;*
- **кваликативного сказуемого** (7 %): *That's not to say the Senate confirmation process should be a rubber stamp; We should be aware of it; "we should not be afraid to act — but the burden of action should not be America's alone";*
- **процессно-кваликативного сказуемого** (3 %): *Obama should run as a Republican;*
- **обстоятельственного сказуемого** (3 %): *"A thief should sit in prison"*.

Как лексико-синтаксическое средство *should* фигурирует в составе:

- **процессного сказуемого** (44 %): *the direct provision ... should encourage them to start spending again; bin Laden's death should help the Obama Administration to handle the politics;*
- **квалификативного сказуемого** (30 %): *The gap ... should be — too large; the culture of 2009 should also be very different; ... or that he should be so uncomfortable in admitting it; Rep. Louise Slaughter's "no" vote should come as no surprise.*

Как показывает анализ, глагол *should* как лексическое средство зарегистрирован во всех возможных типах сказуемого. Однако в качестве лексико-синтаксического средства *should* встречается только в процессном и квалификативном сказуемом.

Таким образом, лексический способ выражения модальности реализуется, в основном, в предикативных структурах процессного характера. Выражение «чистой» модальности связано с отношениями процесса и квалификации. Большое количество квалификативных сказуемых с *should* как лексико-синтаксическим средством и малое число этих сказуемых с *should* как лексическим средством свидетельствует о характерной для лексико-синтаксического способа более сложной синтаксической связи.

Определенная связь прослеживается между характером синтаксических отношений модальной синтагмы и реализацией **категории утверждения/отрицания**. Всего на долю отрицательных форм приходится 14 %. Так, отрицательные формы были зафиксированы с *should* только как лексическим средством в составе процессных сказуемых: *an argument against unfettered international intervention should not prevent any action in defense of human rights; "Our society should no longer tolerate a status quo"; квалификативных сказуемых: "but the burden of action should not be America's alone"; маркированной формы категории залога: *bin Laden's death should not be used to justify further killings*. Один раз отрицание выражается с помощью конструкции "neither ... nor": *Nor should it be forgotten that*. Отрицательные формы встречаются в синтагмах с *should* как средством выражения ирреальности: *a silly action movie I probably shouldn't have mentioned in the first place; "these people should not have gotten through the gate".* Нередуцированные формы составляют абсолютное большинство отрицательных форм. Предпочтительное использование таких форм обусловлено тем, что полная форма обеспечивает акцентное выделение модального глагола, которое придает высказыванию экспрессивность. Неслучайно полная форма*

зачастую включает звуковые и графические параллели (*the news media should not "let the WH distract you w/the birth crt"*), за счет которых обеспечивается ритмическая четкость высказывания: "*we should not be afraid to act*". Не было обнаружено ни одной редуцированной формы *shan't*, характерной для устной речи. Примечательно, что отсутствуют отрицательные формы с *should* на лексико-синтаксическом уровне. Не было установлено прямой зависимости формы глагола (редуцированной/нередуцированной) от речевой формы.

Структурно-синтаксической особенностью модальных синтагм с *should* является компактное расположение их компонентов: *the world should hope Obama ... triumphs in November; We should be aware of it*.

Еще одним параметром анализа стало сопоставление предложений **по коммуникативной целеустановке**. Предложения, где *should* фигурирует как лексическое средство выражения модальности, являются повествовательными. В то же время в материале зафиксировано вопросительное предложение, представляющее особый интерес: *Should we wait on them?* Здесь, с одной стороны, модальный глагол выражает необходимость действия. С другой стороны, семантика модального сочетания приближается к той, которая характерна для лексико-синтаксического способа: автор этого высказывания ставит под сомнение необходимость действия субъекта.

Итак, модальные синтагмы двух типов — лексического и лексико-синтаксического — имеют определенные особенности, которые проявляются в морфологических и лексико-семантических свойствах глагольных сочетаний, лексико-грамматических характеристиках подлежащего, характера синтаксических отношений (и, соответственно, типа сказуемого).

Сравним результаты исследования глагола *should* с данными, полученными при анализе модального глагола *must*. Мы сопоставляем эти глаголы потому, что они обладают схожей семантикой. *Must* имеет значение долженствования и считается самым «сильным» английским модальным глаголом в этом значении. По частотности *must* и *should* соотносятся как 0,9:1, т. е. они используются приблизительно поровну. Так же, как *should*, *must* употребляется и как лексический, и как лексико-синтаксический способ выражения модальности. Соотношение этих способов составляет 90 % и 10 % соответственно. Представляется важным определить, какие характеристики двух форм являются инвариантными, а какие вариативны.

Must используется в своем лексическом значении, выражая чрезвычайную необходимость ("*we must always measure our interests*"; *it must respect the basic freedoms of its people*), и в значении предположения

с большой долей уверенности (*Obama “must have another rabbit to pull from his hat”*). Точно так же как *should*, *must* как лексическое и лексико-синтаксическое средство входит в состав равнозначных в функционально-синтаксическом плане предикативных синтагм.

Среди инвариантных характеристик использования модальных синтагм с *must* можно назвать следующие: маркированные формы категории вида и временной отнесенности отсутствуют; маркированная форма категории залога используется с *must* только как с лексическим средством (20 %) (*perseverance...must be matched by determination, their private ownership must now be called into question; This must be subject to; “It must be earned”; It must be cut*), причем частотность использования этой формы для *must* и *should* практически одинакова; с глаголом как лексико-синтаксическим средством не используются обстоятельственные и процессно-квалификативные сказуемые; частотность использования процессного (с *should* — 66 %, с *must* — 72 %) и квалификативного (с *should* — 7 %, с *must* — 8 %) сказуемого при лексическом способе и квалификативного сказуемого (с *should* — 30 %, с *must* — 20 %) при лексико-синтаксическом способе приблизительно совпадает.

Кроме этого, усматривается сходство между лексико-грамматическими характеристиками подлежащего. Субъектом действия как при лексическом, так и при лексико-синтаксическом способе могут быть имена собственные (*“Muammar Qaddafi ... must leave”*); личные местоимения (*they must also ensure that*); существительные, объединяющие какую-либо общность людей (*Government, which must go beyond continuing military supplies*); безличным *it*: *But this must be subject to three major caveats*. Лексико-семантические характеристики смыслового глагола в составе сказуемого совпадают — глагол имеет значение действия.

Компоненты модальных синтагм, как правило, расположены компактно.

Перечислив инвариантные характеристики синтагм, включающих *should* и *must*, перейдем к рассмотрению их вариативных признаков.

Во-первых, соотношение двух способов выражения модальности для *should* и *must* различно: если доля *should* как лексического средства составила 59 %, то доля *must* в этом качестве равна 90 %. Этот факт представляется любопытным, поскольку несмотря на то, что *must* является категоричным глаголом и в англоговорящих странах его принято употреблять только в исключительных случаях, когда требуется показать чрезвычайную необходимость, все же он является достаточно частотным в англоязычной прессе.

Среди **морфологических характеристик** различие между глаголами усматривается в реализации категории утверждения/отрицания. Так, если *should* в отрицательной форме зафиксирован только как лексическое средство, то *must* в этой форме вообще не зарегистрирован.

В характере **синтаксической связи между подлежащим и сказуемым** есть следующие особенности. *Should* как лексическое средство встречается в составе всех возможных типов сказуемого, в то время как *must* обнаружен только в процессных (72 % — “*we must always measure our interests*”; “*All those must know*”; “*What they must ultimately do for themselves*”; “*And so we must act*”; “*But we must also bear witness to the courage*”; “*We must tackle those challenges at home*”; “*it must respect those rights...*”; “*(We) must pick ourselves up, dust ourselves off*”; “*The American president must play where you have to select among*) сказуемых. Это свидетельствует о том, что для лексического способа наиболее характерен процессный характер предикативных синтагм. Как лексико-синтаксическое средство *should* встречается только в составе процессного и квалификативного сказуемого, тогда как *must* — в процессном (20 % — *the dream ... must surely also include the powerful shadow*) и объектном (20 % — *that Obama “must have another rabbit to pull from his hat”*). В случае объектного сказуемого также прослеживается квалификативный характер: идиоматическое выражение “*to have another rabbit to pull*” можно заменить “*to appear resourceful in achieving goals*”. обстоятельственное и процессно-квалификативное сказуемое не зарегистрировано с *must*.

По характеру коммуникативной установки *must* зарегистрирован только в повествовательных предложениях.

Итак, модальные синтагмы с *should* и *must* имеют как схожие, так и различные характеристики. Если оба глагола выступают как лексическое и лексико-синтаксическое средство, то доли этих способов при участии двух глаголов разнятся. В то же время для обоих глаголов наиболее характерно употребление в составе лексического способа выражения модальности. Морфологические характеристики глагола, лексико-семантические характеристики субъекта и предиката, структурно-синтаксическое построение модальных синтагм схожи у *should* и *must*. Однако типы связи между подлежащим и сказуемым в предложениях с каждым глаголом различаются. Так, для *should* как лексического средства характерно использование всех возможных типов сказуемого. *Must* был обнаружен только в предикативных структурах процессного типа. Лексико-синтаксический способ характеризуется одинаковым типом

сказуемого для *should* и *must* — процессным; в то же время с *should* зафиксировано квалификативное сказуемое, а с *must* — объектное практически в равных долях с процессным сказуемым. Это свидетельствует о характерных для лексико-синтаксического способа отношениях квалификации в составе сказуемого. Таким образом, модальные синтагмы лексико-синтаксического типа имеют определенные особенности характера синтаксических отношений.

Применение параметров анализа, названных выше, позволяет выявить инвариантные и вариативные признаки реализации разных глаголов. Это можно продемонстрировать на примере глагола *to have to*, который считается модальным, но имеет изменяемые временные формы и формы залога. Этот глагол имеет значение необходимости, вызванной извне. *To have to* может употребляться только в своем лексическом значении, поскольку этот глагол уже является «лексико-фразеологическим синонимом» модальных глаголов *must*, *should*. Именно в качестве лексического средства возможно сопоставление глаголов *must*, *should*, *to have to*.

Частотность использования *to have to* соотносится с *should* и *must* как 1:2. Для наглядности различия в морфологических характеристиках глаголов могут быть представлены в виде таблицы, где знак «-» означает отсутствие маркированных форм, выраженных в процентах.

Таблица 1.

**Частотность маркированных форм модальных глаголов
should, *must*, *to have to***

	Залог	Временная отнес.	Вид
Should	13	-	-
Must	20	-	-
To have to	14	-	-

Как видно из таблицы, сходство между модальными глаголами наблюдается в отношении всех параметров. У всех глаголов отсутствуют маркированные формы вида и временной отнесенности, а маркированная форма категории залога у всех глаголов имеет сопоставимую между собой частотность. Примером, где фигурирует маркированная форма временной отнесенности, может служить следующие высказывания: *Objectives that have to be reconciled; he had to be persuaded to do.*

По характеру синтаксических отношений между подлежащим и сказуемым *to have to* зарегистрирован в процессном сказуемом (*“the American side will have to cut its arms; presidents have to answer for*

the quality of their appointees), в квалификативном сказуемом (“*it has to be a magic trick*”; *The generals will have to be objective*) и в объектном сказуемом (“*the American side will have to cut its arms*”).

В целях наглядности результаты анализа частотности синтаксических отношений у разных глаголов можно представить в виде следующей таблицы, где число — выраженная в процентах частотность сказуемого.

Таблица 2.

**Частотность типов сказуемых с модальными глаголами
should, must, to have to**

	процессное	объектное	Квали- фикат.	процессно- квалификат.	Обстоя- тельств.
Should	66	7	7	3	3
Must	72	-	8	-	-
To have to	57	10	19	-	-

Как видим, основное сходство между всеми глаголами наблюдается в участии в процессном и квалификативном сказуемом, причём частотность этих сказуемых сопоставима.

To have to в основном фигурирует во Future Simple (*Also Australia will have to deal with demands*) и Future-in-the-Past (*the document would have to be examined for authenticity*). Однако в материале также зафиксированы примеры, где глагол используется в Present Simple: “*We have to start*”, *clever generation has to tell us about fathers and sons*; “*I have to say*”; *you have to select among about different types of cheese*. Это говорит о том, что в этих случаях использование to have to обосновано либо стилистикой написания текста, либо этот глагол используется еще в одном своем значении, а именно означает необходимость ввиду обстоятельств. Это значение не присуще глаголам must и should, поэтому нельзя сказать, что в этом случае to have to выступает в роли их эквивалента.

Отрицательных форм с to have to не было зарегистрировано, как не было их зарегистрировано с must. Лексико-семантические характеристики смыслового глагола в составе модальных синтагм одинаковы для should, must и to have to — смысловой глагол имеет значение действия. Зарегистрировано высказывание, где to have to используется в сочетании с глаголом, близким по значению к модальному: “*We are going to have to take a new approach*.”

В предложениях, где should, must и to have to фигурируют как лексическое средство, лексико-грамматические характеристики

субъекта совпадают. Подлежащее может быть выражено личным местоимением, именем существительным, безличным *it*.

По характеру коммуникативной установки *to have to* употребляется в 95 % повествовательных предложениях, а в 5 % этот глагол зарегистрирован в вопросительном предложении: *Did they really have to do that?* Как уже было отмечено выше, здесь, с одной стороны, модальный глагол выражает необходимость действия. С другой стороны, семантика модального сочетания приближается к той, которая характерна для лексико-синтаксического способа: автор этого высказывания ставит под сомнение необходимость действия субъекта.

Таким образом, применив при анализе глагольных модальных синтагм морфологические, лексико-синтаксические, лексико-грамматические, фонетические параметры анализа и рассмотрев синтаксические связи между субъектом и предикатом в предложениях, можно сделать вывод, что глаголы *should*, *must* и *to have to* обладают рядом инвариантных и вариативных характеристик. На наш взгляд, разграничение лексического и лексико-синтаксического способов при изучении модальных глаголов является целесообразным ввиду того, чтобы снять затруднения при различении функционирования глагола в своем лексическом значении или как средства, выражающего степень уверенности. Предложенная схема анализа модальных синтагм представляется перспективной для описания модальных глаголов в плане дифференциации их лексической и лексико-синтаксической реализации.

Список литературы:

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева, ред. коллегия Н.Д. Арутюнова и др. — М.: «Советская энциклопедия», 1990. — 685 с.
2. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: «Азбуковник», 1998.
3. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. — М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз-х, 1957. — 286 с.
4. Текстология английской научной речи / под ред. М.М. Глушко, Ю.А. Карулина. — Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 194 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык для специальных целей как объект функциональной стилистики / Межвузовский сборник научных статей. — Пермский ун-т, 1964. — 144 с.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИРРЕАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Каттаханова Дилноза Сабировна

*студент кафедры английской филологии и теории перевода,
Национальный университет Узбекистана имени М. Улугбека,
г. Коканд*

Арустамян Я.Ю.

*научный руководитель: канд. ф. наук, доцент, Национальный
университет Узбекистана имени М. Улугбека, г. Коканд*

Актуальность данной работы обусловлена всё возрастающей ролью английского языка в международном общении и связанной с этим необходимостью точного перевода всего спектра форм, выражающих ирреальность, каждая из которых имеет свои собственные оттенки значения.

Английский язык как никакой другой богат различными конструкциями, с помощью которых говорящий может выразить свое отношение к действию как к *ирреальному*. (Понятие ирреальности в данном случае напрямую соприкасается с понятиями желательности-нежелательности и очевидности-сомнительности).

Ирреальный — не существующий в действительности, воображаемый [4].

Unreal — not real; existing in the imagination only [5].

Отношение говорящего к действию в предложении может быть выражено тремя способами:

1. **Наклонением глагола**, которое представляет действие как реальное, сомнительное или противоречащее реальности.

2. Использованием **модальных глаголов**, которые представляют действие как необходимое или ненужное, возможное или невозможное, очевидное или сомнительное.

3. Использованием **наречий**, таких как *certainly*, *perhaps*, *probably*, *luckily*, *unfortunately* и т. д. Они выражают разную степень определенности или желательности с точки зрения говорящего.

Одним из главных способов выражения ирреальности является использование косвенных наклонений.

Сослагательное наклонение (*The Subjunctive Mood*) обозначает ирреальную ситуацию, т. е. такую, которая никогда не имела места в действительности [1]. Эта ситуация существует лишь в воображении человека и, тем самым, вне реального времени.

Сослагательное наклонение употребляется, во-первых, в составе условных предложений, причем как в его главной части, так и в зависимой. Если предложение относится к плану прошедшего, то сослагательное наклонение обозначает такое положение дел, про которое известно, что оно не существовало в действительности (такое условие называют *контрфактическим*). Например:

Если бы мы вчера встали рано, то пошли бы на рыбалку.

If we had got up early (yesterday), we would have gone fishing.

Если условное предложение относится к будущему, то сослагательное наклонение обозначает условие, которое, с точки зрения говорящего, едва ли будет реализовано (хотя в принципе его реализация возможна, т. е. оно не является контрфактическим):

Если бы мы завтра встали рано, то пошли бы на рыбалку.

If we got up early (tomorrow), we would go fishing.

Следует отметить, что в английском языке для обозначения таких ситуаций применяется не только условное наклонение, но и широкий спектр разнообразных конструкций, который имеет общее название — *формы выражающие ирреальность (Forms Expressing Unreality)*.

Существует 11 форм выражающих ирреальность [2]:

1. **чистая основа глагола** для всех лиц (остаток старого сослагательного наклонения), e. g. They proposed that he **borrow** the money from the bank.

2. **were** для всех лиц (также остаток старого сослагательного наклонения), e. g. I wish I **were** ten years younger.

3. форма **простого прошедшего** (the Past Indefinite),

e. g. He looked as if he **knew** about it.

4. форма **прошедшего совершенного** (the Past Perfect),

e. g. He looked as if he **had seen** a ghost.

5. **should** (для 1-ого лица, единственного и множественного числа) или **would** (для всех лиц) + **простой инфинитив**, e.g. If I had a garden I **should grow** tulips in it.

If I had a garden I **would grow** tulips in it.

6. **should** (для 1-ого лица, единственного и множественного числа) или **would** (для всех лиц) + **перфектный инфинитив**,

e. g. If it hadn't rained I **should have gone** for a walk.

If it hadn't rained I **would have gone** for a walk.

7. **should** (для всех лиц) + **простой инфинитив**,

e. g. I insist that he **should meet** us at the station.

8. **would** (для всех лиц) + **простой инфинитив**,

e. g. I wish he **wouldn't interrupt** me.

9. **may (might)** + **простой инфинитив**,

e. g. I'm telling you this so that you **may write** to your parents about it.

I told you that so that you **might write** to your parents about it.

10. **can (could) + простой инфинитив,**

e. g. I'm telling you this so that you **can write** to your parents about it.

I told you that so that you **could write** to your parents about it.

11. **were to (для всех лиц) + простой инфинитив,**

e. g. If he **were to discover** the truth he would never speak to us again.

В английском языке значение ирреальности/проблематичности может передаваться с помощью модальных глаголов **can, may, should, to be to, ought to.**

1. глагол **Can**

1. В значении «*Способность, умение*» (*Ability, Capability*) форма **could** может выражать ирреальность/проблематичность:

а. Форма **could** является формой прошедшего времени, если употребляется в контексте прошедшего времени. Она указывает только на возможность совершения действия в прошлом — вопрос о том, было ли действие совершено остается открытым:

He **could do** everything he wanted.

Он мог делать все, что хотел.

б. Форма **could** является формой сослагательного наклонения, если она употребляется в контексте настоящего времени, например:

We need your advice. **Could you come and see us** on Friday?

Нам нужен ваш совет. Могли бы вы прийти в пятницу?

Если за **could** следует простой инфинитив, то действие относится к настоящему или будущему (см. пример выше). Если же за **could** следует перфектный инфинитив, то это сочетание указывает, что данное действие могло бы произойти, но не произошло в прошлом:

Now I clearly see all the mistakes I made and **could have avoided.**

Теперь я ясно вижу все те ошибки, которые я совершил, и которых мог бы избежать.

2. В отрицательных предложениях форма **can** может выражать невероятность (**Improbability**):

She **can't be** really ill.

Не может быть, чтобы она действительно была больна.

3. В вопросительных предложениях форма **can** может выражать неуверенность или сомнение (**uncertainty, doubt**), например:

Can it be true?

Неужели это правда?

(Форма **could**, употребленная в этом значении делает высказывание более вежливым и мягким: *Could he really be ill?* — *Неужели он все-таки болен?*)

2. глагол **May**

Он может выражать ирреальность/проблематичность, выступая в значении **предположения, основанного на неуверенности** (*Supposition implying uncertainty*) — в утвердительных и отрицательных предложениях:

He **may be** at home.

Он может быть (возможно) дома.

He **may not be** at home.

Возможно (может быть), его нет дома.

В зависимости от того, к какому времени относится действие, выраженное смысловым глаголом, **may** может сочетаться с разными формами инфинитива аналогично глаголу **can**. Например:

It **may be rain** in the evening.

Вечером, возможно, пойдет дождь.

He **may be** ill.

Он, может быть, болен.

He **may not know** it.

Он, может быть, не знает этого.

3. глагол **To be**

Как модальный глагол употребляется в двух формах — **Present** и **Past Indefinite**, например:

We **are to start off** at dawn.

Мы отправляемся (должны отправиться) на рассвете.

We **were to start off** at dawn.

Мы должны были отправиться на рассвете.

4. глагол **Ought**

Если действие смыслового глагола, который следует за **ought**, относится к настоящему или будущему времени, оно выражается простым инфинитивом (см. примеры выше); если действие относится к прошлому, то оно выражается перфектным инфинитивом. В этом последнем случае **ought** в утвердительной форме в сочетании с перфектным инфинитивом выражает действие, которое, хотя оно было *желательно* в прошлом, не произошло, а **ought** в отрицательной форме с перфектным инфинитивом обозначает действие, которое произошло, хотя оно было *нежелательно*, например:

You **ought to have put** everything **off**.

Тебе следовало бы (надо было бы) все отложить (*но ты этого не сделал*).

Как языковые средства выражения ирреальности нас интересуют также **модальные и отрицательные наречия** [3].

1. модальные наречия — *certainly, of course, surely, really, indeed, perhaps, possibly, evidently, doubtfully, unsurely, uncertainly, impossibility* и др.;

2. отрицательные наречия — *never, nowhere, hardly, barely, scarcely, seldom, rarely*.

а. Модальные наречия выражают разную степень определенности со стороны говорящего: *impossibly (невозможно)* — *doubtfully (сомнительно)* — *unsurely (неопределенно)* — *perhaps (возможно)* — *surely (определенно)* — *certainly (несомненно)*

Например:

Surely no man would take up my profession if it were not that danger attracts him.

Определенно никто не выбрал бы мою профессию, если бы его не привлекала опасность.

Possibly the same enemy had done something to enrage it.

Возможно тот же враг сделал что-то, чтобы взбесить его (льва).

Следует отметить, что употребление наречий выражающих малую степень вероятности (*unsurely, impossibly, doubtfully*) ограничено. Значительно чаще для этой же цели употребляются однокоренные им прилагательные (*unsure, impossible, doubtful*). Например:

"Look here, Holmes, this is simply **impossible**".

«Послушайте, Холмс, это просто невозможно».

б. Отрицательные наречия, одни из которых выражают полное отрицание события (*never, nowhere*), а другие показывают, что оно практически не состоялось (*hardly, barely, scarcely, seldom, rarely*). Все они широко представлены в языке. Например:

I had read of you, but I **never** believed it.

Я читал про тебя, но никогда этому не верил.

I staggered to my feet and dragged myself along, **hardly** conscious of what I did.

Я зашатался на ногах и поплелся вперед, едва ли осознавая, что я делаю.

Кроме всего вышеперечисленного, значение ирреальности в английском языке может передаваться при помощи имен существительных, прилагательных и местоимений (неопределенных и отрицательных), а также устойчивых словосочетаний и фразеологических оборотов, употребляемых в их значении.

Существительные, относящие предложение к лексико-семантическому полю ирреальности:

unreality — нечто нереальное, ирреальность

nothing — ничто, небытие, нереальность

nonsense — вздор, ерунда, чепуха, бессмыслица

caulker — нечто невероятное

violent assumption — невероятное предположение.

Некоторые понятия, связанные с ирреальностью, образуют синонимические ряды, включающие огромное количество синонимов, которые различаются по стилистической окраске или оттенку значения. Например, «вздор»:

1. balderdash	21. piffle
2. blah	22. pop (от poppycock)
3. blether	23. poppycock
4. boloney	24. rats
5. bosh	25. rigmarole
6. bull	26. rot, tommy rot
7. fiddle-de-dee	27. rubbish
8. flim-flam	28. skittle
9. flummery	29. slosh
10. fudge	30. slush
11. gaff	31. tommy rot
12. hog-wash	32. tosh
13. humbug как int	33. trash
14. jiggery-pokery	34. tripe
15. junk	35. truck
16. kibosh	36. wind
17. kybosh	37. all my eye
18. moonshine	38. fiddle-de-dee
19. mush	39. fiddle-faddle
20. nonsense	40. fiddlesticks, fiddlestick

Прилагательные, относящиеся предложение к лексико-семантическому полю ирреальности:

«невероятный»:

1. impossible
2. fabulous
3. anecdotic
4. improbable
5. inconceivable
6. incredible
7. steep
8. tall
9. unbelievable
10. unconceivable
11. unlikely
12. unthinkable
13. beyond belief

Местоимения, относящие предложение к лексико-семантическому полю ирреальности:

Неопределенно-личные и отрицательные местоимения выражают различную степень неопределенности:

- a. some, any, no;
- б. somebody; anybody; nobody;
someone; anyone; no one;
something; anything; nothing;
- в. one; none

Подводя итоги, можно констатировать следующее: средства выражения ирреальности/проблематичности составляют существенный пласт английской грамматики. Действительно, как в разговорном, так и книжном стиле они представлены настолько широким спектром форм и значений, что возникает вопрос о причине этого многообразия. Резюмируя предшествовавшие рассуждения можно сказать, что эти средства служат для отграничения в человеческом сознании реального, объективного, воспринимаемого при помощи пяти чувств мира от мира ирреального, субъективного, существующего лишь в человеческом сознании. Так как последний включает в себя все человеческие помыслы и представления, то вполне логичным представляется то, что в языке ему соответствует такая обширная область средств для выражения.

Это отграничение очень важно, так как без него невозможной представляется всякая коммуникация между людьми. Несомненно, важно в точности понять соотнесенность действия с реальностью при рассмотрении текстов на каком-либо иностранном языке, так как вследствие различий в грамматике и синтаксисе неизбежно возникают трудности при восприятии и переводе этих текстов. Но еще более важно уметь идентифицировать ирреальность в процессе реального общения, так как без этого невозможно адекватное понимание речи собеседника.

Дальнейшее развитие эта тема получит в следующих работах.

Список литературы:

1. Барабаш Т.А. Грамматика английского языка. — М.: Высшая школа, 1983.
2. Крылова И.П., Крылова Е.В. Практическая грамматика английского языка: Учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. — М.: Че Ро, 1996.
3. Крылова И.П., Гордон Е.М. Грамматика современного английского языка: Учебник для ин-тов и фак-тов иностр. яз. — 7-е изд. — М.: Книжный дом «Университет», 2001.

4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/ Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999.
5. The Oxford Dictionary of the English language. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ КОМИЧЕСКОГО ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

Лобова Оксана Константиновна

соискатель, преподаватель ХНУ имени В.Н. Каразина, г. Харьков

Деятельностный подход в лингвистике значительно расширил сферу исследований и постулировал человека в качестве активного субъекта, генератора смыслов, что позволило изучать язык не только в его имманентных качествах, но и как инструмент, используемый коммуникантами для конструирования общих смыслов в дискурсе [6; 7]. Дискурс трактуется как сложная когнитивно-коммуникативная деятельность адресанта и адресата, представляющая собой процесс и результат; интерактивная деятельность, которая линейна по своей природе, т.к. целенаправленна и протекает в поликомпонентном контексте.

По параметру адресантно/адресатных отношений в лингвокультурном пространстве выделяют разнообразные типы институциональных дискурсов (Е.В. Бакумова [1], Г.П. Булова [2], М.В. Коновалова [3], Е.А. Костяшина [4], О.В. Кудоярова [5], О.Н. Паршина [8], Н.В. Сальникова [9], Л.Н. Шевырдяева [12]), среди которых дифференцируем комический институциональный дискурс (далее КИД), представляющий собой ограниченную институциональными рамками речемыслительную деятельность комической тональности, в совокупности лингвальных и экстралингвальных аспектов, базовой характеристикой которой является шутливость. Исследование комического в дискурсивном аспекте не является новым. В своей докторской диссертации «Шутка в современном коммуникативном пространстве Великобритании и США: текстуальный и дискурсивный аспекты» В.А. Самохина выделяет социальные типы дискурса, в которых адресант и адресат речевого жанра шутки принимают участие —

дружеское общение, разговор коллег, официальные ситуации общения коммуникантов с разным социальным статусом [10]. Однако профессиональный комизм в институте комедии все еще остается неисследованным.

Актуальность статьи обусловлена непосредственной связью проблематики, которая рассматривается с приоритетными направлениями современной антропоцентрической лингвистики, ориентированной на анализ дискурса, а также возрастающим интересом лингвистов к игровому потенциалу языка.

Объектом исследования является англоязычный КИД как продукт интенциональной лингвокреативной деятельности субъектов, а предметом — его функциональные особенности.

Материалом анализа послужили дискурсивные комические фрагменты, полученные методом сплошной выборки из видеозаписей и скриптов выступлений англоязычных стэндап-комиков конца XX-го начала XXI-го веков.

КИД представляет собой игровую форму комической коммуникации и по сфере функционирования относится к массиву профессиональных дискурсов. Характерными чертами данного типа дискурса являются: ненормативность, комическая тональность и игровой модус, регуляция поведения адресата на создание комического эффекта, а также динамичность. Общие коммуникативные критерии позволили выделить ряд конститутивных признаков КИД. На основании данных признаков определен его институциональный статус (участники — стэндап-комик и зритель; цель — рассмешить; хронотоп — театр комедии; речевой жанр — шутка; прецедентные тексты — заимствованы из религиозных произведений, текстов песен, художественной литературы; дискурсивные формулы — вступительные и заключительные трафаретные фразы). Главный речевой жанр КИД — шутка, комический эффект которой обусловлен мотивированной игровой реакцией адресата на несоответствие актуализированной информации определенным, устоявшимся в обществе нормам: онтологическим, валоративным и логико-понятийным, лингвальным [11]. Основные приемы создания комического эффекта в шутках стэндап-комиков (омонимия, персонификация, ирония, антиклаймакс, клаймакс, антономасия, амплификация, парадокс, паронимическая аттракция), представлены разнообразным спектром лексико-стилистических средств.

Базовыми жанрами КИД являются стэндап-комедия, ситком, скетч, гэг, клоунада. Одним из популярных жанров современного англоязычного лингвокультурного пространства признана стэндап-

комедия, которая имеет историческую связь со средневековыми профессиональными шутами, шоу водевилей и менестрелей. Диалогичность, тесный контакт стэндап-комика и зрителя, игровой характер комической коммуникации, сценарность и спонтанность — важные черты стэндап-комедии.

В англоязычном лингвокультурном пространстве КИД выполняет ряд функций. Функционирование КИД обусловлено социальной потребностью в институте комизма, который обеспечивает комическое общение. Его метафункция является сопутствующей, т. к. «аккомпанирует» другим функциям. Основная цель гедонистической метафункции КИД — развеселить, рассмешить зрителя, доставить ему эстетическое удовольствие.

Задача стэндап-комика — освободиться от социальных табу, регламентирующих поведение людей в обществе, покритиковать объект, показать нелепые, парадоксальные ситуации. Данные интенции актуализируются такими функциями: критической, обозревательной, аксиологической и функцией детабуизации.

Критическая функция реализуется через формирование у адресата негативного отношения к тематизированному шуткой событию, поступку, явлению в обществе. Референт шутки, как правило, подвергается негативной эстетической оценке и противоречит моральным, логическим, онтологическим нормам. Например:

1. *Адресант: I wouldn't give Satan a snowball's chance in hell against a woman's ego, man. He'd rule the Earth for a day. A week later we'd see Satan out cuttin' the lawn.*

Адресат: [laughter] [4].

Нарушение онтологических норм в шутке связано с выбором главного героя — Сатаны. Комизм создается с помощью приема антиклаймакса, т. к. выражения в шутке расположены в порядке ослабления эмоционального напряжения (ср. 1. *against a woman's ego*; 2. *he'd rule the Earth*; 3. *we'd see Satan out cuttin' the lawn*). Суть шутки состоит в том, что женщины наделены такой силой, что могут совладать с Сатаной, «приручить» его и заставить подрезать траву на лужайке.

Обозревательная функция базируется на выделении нелепых и абсурдных ситуаций, поступков людей. Герои шуток попадают в стереотипные ситуации, которые происходят в жизни практически каждого человека, однако комик представляет такие ситуации под комическим углом зрения, показывая алогизм действий людей. Ср.:

2. *Адресант: If a man smiles at you all the time he's probably selling something that doesn't work.*

Адресат: [laughter] [3].

Основу комизма составляет американская реалья (распространение бытовых товаров). Здесь наблюдается нарушение пресуппозиции: человек, распространяющий товары, улыбается потому, что ему необходимо продать товар, а не потому, что этот товар в нерабочем состоянии.

Аксиологическая функция материализуется посредством отражения системы ценностей (моральных/духовных/этических/эстетических), которые формируются в обществе. Объекты шуток должны не соответствовать принятым в обществе нормам, нивелировать их значение. В основном, темами шуток выступают вопросы религии, наркотиков, аборт, т. е. то, что актуально для общества в определенный отрезок времени. Например:

3. *Adpecam: I know what men want. Men want to be really, really close to someone who will leave them alone.*

Adpecam: [laughter] [1].

Комизм шуток основан на использовании стилистической фигуры речи — оксюморона, которая состоит в однородном синтаксическом соединении разнородных словосочетаний и получает игровую функцию при столкновении с несовместимыми понятиями. В контексте шутки *to be really, really close to someone u leave them alone* логически инконгруэнтные понятия и соединение их в рамках одного контекста комично.

В основе функции деабуизации лежит стремление субъекта освободиться от табу, регламентирующих поведение человека. Языковая объективация данной функции происходит с помощью использования лексем из табуированных тем и широкого употребления обсценной лексики. Примером может служить следующая шутка:

4. *Adpecam: Another woman's issue, prostitution. I do not understand why prostitution is illegal. Why should prostitution be illegal? Selling is legal, fucking is legal. Why isn't selling fucking legal?*

Adpecam: [laughter] [2].

Основой юмора в шутке является прием обратного параллелизма высказывания и создаваемый при этом эффект неожиданности (ср. *Why isn't selling fucking legal?*).

Проведенный анализ выявил частотность нарушения норм в шутках, репрезентирующих функции КИД: наиболее распространены (60 %) шулки, комический эффект которых основан на нарушении логико-понятийных норм, 30 % шуток базируются на девальвации валоративных норм и 10 % комических речевых жанров отображают несоблюдение норм на онтологическом уровне.

Перспективы дальнейших исследований состоят в анализе функций КИД в других жанрах профессионального комизма.

Список литературы:

1. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Бакумова Елена Владимировна. — Волгоград, 2002. — 200 с.
2. Бутова Г.П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания: автореф. дисс. на соискание уч. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Г.П. Бутова. — Ставрополь, 2008. — 44 с.
3. Коновалова М.В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / М.В. Коновалова. — Челябинск, 2008. — 25 с.
4. Костяшина Е.А. Дискурсивное взаимодействие в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е.А. Костяшина. — Томск, 2009. — 24 с.
5. Кудоярова О.В. Дискурсотворча роль теми у професійному конфліктному спілкуванні англословних медиків (на матеріалі персонажного мовлення): дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Кудоярова Ольга Вікторівна. — Харків, 2007. — 238 с.
6. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно-дискурсивної лінгвістики: [довідкове видання] / А.П. Мартинюк. — Харків: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. — 196 с.
7. Морозова О.І. Діяльнісний стиль мислення у лінгвістичних дослідженнях / О.І. Морозова // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. — 2008(6). — № 811. — С. 41—45.
8. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дисс. ... доктора филол. наук: 10.02.01 / Паршина Ольга Николаевна. — Саратов, 2005. — 325 с.
9. Сальникова Н.В. Национально-культурная риторика политического дискурса (на материале публичных выступлений Р. Рейгана и М. С. Горбачева): автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н.В. Сальникова. — Ставрополь, 2011. — 29 с.
10. Самохина В.А. Современная англоязычная шутка: [монография] / В.А. Самохина. — Х.: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2008. — 356 с.
11. Самохіна В.О. Жарт у сучасному комунікативному просторі Великої Британії та США: текстуальний та дискурсивний аспекти: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.04 / Самохіна Вікторія Опанасівна. — К., 2010. — 518 с.
12. Шевырдяева Л.Н. Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного суда США): автореф. дисс. На соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки» / Л.Н. Шевырдяева. — Москва, 2009. — 25 с.

13. Boosler E. [Electronic resource] / E. Boosler. — Access: [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://able2know.org/topic/46499-1>.
14. Carlin G. It's bad for you / G. Carlin. — 2005. — Access [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.podnapisi.net/george-carlin-it-s-bad-for-ya-2008-subtitles-p370378>.
15. Carlin G. [Electronic resource] / G. Carlin. — Access [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://thisiswhytucks.com/2011/04/11/the-book-of-george-57/>.
16. Hicks B. Arizona Bay [Electronic resource] / B. Hicks. — Access [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.billhicks.com/quotes.html>.

ОСОБЕННОСТИ ФОРТИЗАЦИИ КОНСОНАНТИЗМА В АНГЛИЦИЗМАХ И ГАЛЛИЦИЗМАХ В ТЕЛЕДИСКУРСЕ ГЕРМАНИИ

Монастырская Юлия Григорьевна

*аспирант Одесского национального университета
им. И.И. Мечникова, г. Одесса*

«Глобализирующийся мир» и «геоэкономический мир» — это новые понятия, уверенно вошедшие в последние десятилетия в лексикон современного человека в связи с распространением стандартов массовой культуры и расширением мирового рынка, особую роль в котором играют транснациональные корпорации. В поликультурном и мультилингвальном сообществе людей, объединённых глобализируемыми проблемами, язык выступает в качестве важного инструмента успешной жизнедеятельности современного человека. Поддержка языкового и культурного многообразия в обществе, а также развитие многоязычия отдельной личности с целью её успешного участия в межкультурном взаимодействии является главной «миссией» межкультурного образования [1, с. 6]. Силуокова А.А., Светозарова Н.Д. подчёркивают, что в период тесных языковых контактов и языковой интерференции как результата взаимодействия и сосуществования разных языков представляется интересным проследить, как функционируют заимствования из одного языка в другом языке, какие черты языка-реципиента они приобретают, чтобы в нём функционировать [9, с. 531—538].

Заимствования всегда вызывали большой интерес учёных, и этой теме посвящено множество научных трудов. Заимствованиям в немецком языке посвятили свои работы В.М. Жирмунский, П. Поленц, Д. Циммер, Ю. Лимбах, Х.М. Ханика и другие [2; 17; 23].

Экспансии прежде всего англо-американизмов и наличию галлицизмов, получающим распространение в языке в первую очередь через масс-медиа, наряду с такими факторами, как развитие информационных технологий и активизация межкультурных коммуникаций, способствует фактор социально-культурного порядка — идеализация американского образа жизни «*American Way of Life*», повышенный интерес к американской культуре, в том числе образованию, бизнес-среде [12, с. 443]. Знание английского языка считается в высшей степени престижным, новые культурологические подходы отражаются в школьных и вузовских программах, методике преподавания иностранных языков, публикациях специализированных лингвострановедческих словарей, учебников, направлениях научных исследований, активно пропагандируется в печатных СМИ, на радио и телевидении. Незнание английского языка в некоторых сферах вообще несовместимо со статусом профессии, например, программиста, веб-дизайнера.

Современный немецкий язык сегодня нередко называют «*Denglisch*» (Deutsch + Englisch) из-за быстрого проникновения и распространения в немецком языке английских лексических форм, которое, по мнению лингвистов не остановить, поэтому немецкий язык рискует в нём полностью раствориться [25]. В своей статье «*Wird die deutsche Sprache (von anderen Sprachen, vor allem Englisch) verdrängt?*» У. Аммон оценивает данную проблему как одну из самых актуальных и наболевших, обусловленных глобализацией и ставит вопрос о необходимости защиты немецкого языка со стороны государства [10].

Процесс заимствования зачастую происходит в связи с отсутствием соответствующего наименования в языке-реципиенте (*Nehmersprache*), с необходимостью обозначения понятий, новых для языка-реципиента и не имеющих в языке-доноре (*Gebersprache*) [27, с. 11]. Он рассматривается немецкими лингвистами в неразрывной связи с культурными и иными контактами двух разных языковых обществ и как часть и результат языковых контактов [12, с. 439]. Некоторые лингвисты указывают на престижность английского слова в некоторых ситуациях по сравнению с немецким языком. Л.П. Крысин называет такое явление «повышением в ранге»: слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке относится к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному и т.д. [1; 3; 10]. Таким образом, в качестве причин заимствований, частотных в языке

масс-медиа, современные лингвисты усматривают наряду с основаниями: терминология, «дань моде», экспрессивность новизны, эмоциональность высказывания, и такое очень важное основание как субъязыковая идентификация.

Система коммуникаций современного общества разветвлена и могущественна. Её влияние на сознание и мировоззрение «массового потребителя» современного масс-медийного продукта очень интенсивно и неоднозначно. Развитие коммуникационных теорий диктует необходимость углублённого изучения всей системы массовых коммуникаций, так как именно в массовой коммуникативной среде происходит формирование механизмов воздействия на общество в целом. А.В. Олянич предлагает понимать массовую коммуникацию как коммуникацию прагматическую, как процесс направленной передачи информации, жестко ориентированный на получение адекватного эффекта [6, с. 51].

Следуя теории М. Маклюэна о развитии технических средств массовой информации, современный период истории — «момент спутника» характеризуется замещением книжно-печатных языков общения радиотелевизионными и аудио-визуальными средствами массовой информации [18]. Это означает, что абстрактная форма восприятия мира, свойственная книжно-печатной продукции, уступает место возрождённым на новой основе принципам естественной коммуникации — звучащей речи.

Сущность массовой коммуникации ежедневно наблюдается нами в СМИ в виде зрительного образа, представленного диктором телевизионных новостей, информационно-познавательных передач и модератором ток-шоу, несущих определённую визуальную информацию своим внешним видом, манерой поведения и манерой презентации отобранного материала вербальными средствами.

Языковой обмен осуществляется в результате взаимодействия языков, что и является потенциальной причиной его разнообразия. Исследования немецких лингвистов сфокусированы на влиянии данного процесса на современный немецкий стандартный язык (*Standardsprache*) [10, с. 439], т. к. англицизмы составляют в нём основное ядро заимствованной лексики. Они находятся по существу на положении интернациональной лексики, поскольку употребляются во многих языках [3, с. 22]. Есть все основания предполагать, что электронные СМИ берут на себя функцию формирования языкового эталона на всех уровнях языка, включая, в первую очередь, произносительный уровень [5, с. 15]. Современная произносительная норма (*Standardausssprache*) носителей немецкого языка ушла, безусловно, далеко от первоначальной сценической нормы (*Bühnenaussprache, Hochlautung*), стала проще и демо-

кратичнее во многом благодаря техническому прогрессу [14, с. 108], в частности, благодаря микрофону нет необходимости в усилении голоса (*Kraftstimme*) и чрезмерной чёткости артикуляции (*präzise Artikulation*) [4, с. 152]. Диктор, звучащую речь которого можно считать произносительным стандартом, из существующих в языке вариантов отбирает те средства выражения, которые представляются ему более целесообразными для решения стоящих перед ним коммуникативных задач.

В Большом Словаре Иностранных Слов (*Großes Wörterbuch. Fremdwörter*) отмечается: «Иностранное слово (*Fremdwort*) — это слово из другого языка, которое употребляется в неизменной или лишь незначительно изменённой форме в языке-акцепторе. Непривычное звучание или отклоняющееся от правил написание, прежде всего, говорят о том, что слово может быть не немецкого происхождения» [15, с. 10; 14; 27]. В терминологической энциклопедии Е.О. Селиванова даёт следующее определение заимствованию: «Запозичения — процес уведення до певної мови морфем, слів або висловів іншої мови. З. є одним із способів поповнення словникового складу мови поряд із словотворенням і креацією» [8, с. 158].

В кодифицированной норме (*Standardausssprache*) иноязычные слова, попадая в язык, постепенно ассимилируются, приспособляются к звуковой системе немецкого языка, подчиняясь правилам немецкого словообразования и словоизменения, в той или иной степени утрачивая, таким образом, черты своего ненемецкого происхождения. Иноязычные лексемы заимствуются сначала в графической, а затем и в фонетической форме языка-донора, после чего их транслитерация и фонетическая транскрипция могут постепенно передаваться при помощи знаков языка-реципиента; в процессе усвоения происходит их приспособление к системе заимствующего языка, например *fr*Friseur — *de*Frisör, где произносительная сторона адаптирована к немецкой звуковой системе [fʁiz'ø:ʰ], а графическая сторона представлена в двух вариантах; и наоборот *Hardware*, имеющий несколько произносительных вариантов [ˈha:dʰe:ʰ], [h'a:ˣtvœ:ʰ], [ˈha:dwœə], [ˈha:ɣtveʰ], но единый способ написания.

В написании (возможно также в звучании или морфологии) англо-американизмы имеют характерные черты языка-донора, что и способствует тому, что они являются для носителя немецкого языка иностранными (*Lounge, Catwalk, Thriller*). Они включают в себя интернационализмы и экзотизмы [22, с. 192].

При рассмотрении звуковой стороны иностранных слов обращает на себя внимание неоднозначность ситуации относительно степени их адаптации к звуковой системе языка-реципиента [11, с. 170; 21, с. 228],

т. е. их онемечивания. У. Хиршфельд и Э. Шток понимают под онемечиванием (*Eindeutschung*) в плане орфоэпии адаптацию иноязычных произносительных признаков к немецкой артикуляционной базе. Степень онемечивания принято связывать с частотностью иноязычных лексических единиц в повседневной коммуникации [16, с. 333].

Функционирование любого достаточно широко распространённого языка обнаруживает тенденцию к формированию вариативных форм, в том числе и нормативных, на фонетическом уровне речь идёт о произносительном стандарте «*Standardaussprache, Standardvarietäten*» [13, с. 3]. Вариативность языковой системы, языковых единиц проявляется при реализации консонантизма в заимствованных словах как результат взаимодействия двух звуковых систем: языка-донора и языка-реципиента.

Таблица 1.

**Вариативность реализации консонантизма
в кодифицированной норме**

Wort	Gebersprache	GWdA (<i>Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache</i>) 1982	Duden 1990 (<i>Band 6/ Aussprachewörterbuch</i>)	Duden 2005 (<i>Band 6/ Aussprachewörterbuch</i>)	DAWB (<i>deutsches Aussprachewörterbuch</i>) 2010
Appartement	<i>fr.</i> apartə´mä	apartə´maŋ/ apartə´mä	fr. apartə´mä:	apartə´mä:	fr. apa*təm´ä:/ apa*tm´ä:
Balkon	<i>fr.</i> bal´kõ:	bal´kõŋ/ bal´ko:n	bal´kõŋ/ bal´kõ:/ bal´ko:n	bal´kõ:/ bal´kõŋ/ bal´ko:n	fr. balk´õŋ/ balk´õ:
Chance	<i>fr.</i> ʃã:s	ʃʌŋsə/ ʃã:sə	ʃã:sə/ ʃã:s/ ʃʌŋs(ə)	ʃã:sə/ ʃã:s/ ʃʌŋs(ə)	fr. ʃ´ʌŋsə/ ʃ´ʌŋs/ ʃ´ã:sə/ ʃ´ã:s
Sponsor	<i>engl.</i> ´spõn(t)sə	´spõnze	´ʃpõnze/ ´spõnze/ engl. ´spõnsə	ʃpõn´zo:ə/ ´ʃpõnze/ ´spõnze	ʃp´õnzõ:ə/ sp´õnzõ:ə / engl. sp´õnsə
Sandwich	<i>engl.</i> ´sænwɪdʒ	´zɛntvɪʃ	´zɛntvɪʃ	´zɛntvɪʃ	s´ɛntvɔɪʃ

Для представленных в таблице 1 иностранных слов характерно наличие нескольких произносительных вариантов, которые, по нашему мнению, указывают на различные степени онемечивания. Некоторые варианты имеют уже явные признаки онемечивания, например, при замене носовых гласных соответствующими ротовыми гласными в сочетании с заднеязычным носовым согласным (*Balkon*, *Appartement*), и при замене [sp] и [st] на [ʃp] и [ʃt] (*Star*, *Sponsor*).

Благодаря радио и телевидению звучащая речь доминирует в настоящее время в массовой коммуникации [26, с. 248—254]. Немецкое стандартное произношение (*Standardaussprache*, *Standardlautung*) представлено в настоящее время в теледискурсе: прежде всего при чтении новостей специально обученными дикторами-профессионалами, а также в речи модераторов-профессионалов в ток-шоу и интервью. Носителями современного немецкого произносительного стандарта выступают, таким образом, специально обученные дикторы и модераторы телевидения.

Таблица 2.

**Вариативность реализации консонантизма
в кодифицированной норме и речевой действительности**

Wort	Кодифицированная норма				Речевая действительность
	Gebersprache	GWdA (<i>Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache</i>) 1982	Duden 2005 (<i>Band 6/ Aussprachewörterbuch</i>)	DAWB (<i>deutsches Aussprachewörterbuch</i>) 2010	
Branche	<i>fr.</i> 'brā·ʃə	'branʃə/ 'brā·ʃə	'brā:ʃə	bʁ'anjə/ bʁ'ā:ʃə	bʁ'anjə / bʁ'ɔnjə / bʁ'ā:ʃə
Hardware	<i>engl.</i> 'hɔ:dweə	'ha:dü:ɐ	'ha:ɐtvɛɐ	h'a:'tvœ:ɐ	h'a:'tue:ɐ / h'a:'tvœ:ɐ
Thriller	<i>engl.</i> 'θɹɪlə	-	'θɹɪlə	θʁ'ɪlə	θɹ'ɪlə / θʁ'ɪlə / tʃ'ɪlə
Sweater	<i>engl.</i> 'swetə	-	'sve:tə / 'svɛtə	svœ'ɛtə	su'ɛtə / svœ'ɛtə

Сопоставительный анализ кодифицированной нормы и речевой действительности усугубляет неоднозначность ситуации наличием

противоречий в реализации консонантизма, которые проявляются в несоблюдении носителями немецкого произносительного стандарта — дикторами и модераторами общественно-правового телевидения Германии каналов DW-tv, ARD, ZDF — орфоэпических правил, представленных новейшим словарём произношения DAWB (*Deutsches Aussprachewörterbuch* 2010).

Характерной чертой немецкого консонантизма является противопоставление *Fortis* и *Lenis* (глухих — звонких шумных согласных), когда в конце слова и слога происходит тотальная фортизация (*Auslautverhärtung*), а также в начале слова и слога, и в результате коартикуляции — частичное оглушение, т. е. ассимиляция по оглушению.

Авторы нового немецкого словаря произношения, что в конце слова и слога вместо звонких щелевых и смычных согласных (*Lenis-Frikative und Plosive*) произносятся глухие согласные (*stimmlose Fortes*) [13, с. 101, 508]. Как в английской, так и во французской системах консонантизма отсутствует оглушение шумных согласных, поэтому характерное для немецкого консонантизма оглушение (*Entstimmlichung*) ярко проявляется в англицизмах и галлицизмах [19, с. 153, 155], например, в словах *Auckland* вместо [d] произносится [t], в словах *Toulouse* и *Jeans* в конце слова произносится не [z], а [s], и в словах *Engagement* и *Message* вместо [ʒ] и [dʒ] произносятся [ʃ] и [tʃ].

Одной из задач нашего исследования было выявление локализации оглушения звонких шумных согласных в слове на материале отобранных 3417 иностранных слов. Исследуя оглушение шумных согласных в немецкой кодифицированной норме (орфоэпические словари), незначительная вариативность оглушения согласных была зафиксирована только в середине слов, в большинстве случаев в результате коартикуляции в многосложных и сложно-составных словах.

Таблица 3.

Локализация оглушенных шумных согласных в слове
(кодифицированная норма)

Позиция в слове	GWdA	Duden 1990	Duden 2005	DAWB
Абсолютное начало	0%	0%	0%	0%
Середина (многосложные, сложносоставные)	96%	91%	96%	98%
Абсолютный конец	100%	100%	100%	100%

Согласно данным таблицы можно сделать следующие выводы:

1. В абсолютном конце слова наблюдается абсолютное (100%) единство между всеми словарями произношения — полное оглушение звонких шумных согласных;
2. В абсолютном начале слова оглушение звонких шумных согласных в кодифицированной норме не фиксируется;
3. В середине слова присутствуют несущественные (7%) противоречия между словарями.

Противоречия в реализации звонких шумных согласных внутри кодифицированной нормы наблюдается в середине слова в связи с тем, что:

1. не все лексические единицы (сложносоставные и новейшие иностранные слова), используемые в речевой действительности, зафиксированы в орфоэпических словарях, например *Update*, *Facebook*, *Gadget*, *Imagewandel*, *Loungebar*;
2. существуют разногласия в транскрипции чуждых немецкому консонантизму звуков [dʒ], [w], [ʒ], например, в словах *Hardware* и *Sandwich* английский полугласный /w/, не имеющий аналога в звуковой системе немецкого языка, передаётся как согласный [v], или гласный [ʏɛ].

Ведущие немецкие фонетисты Г. Майнхольд и Б. Рюс утверждают, что немецкий произносительный стандарт является не гомогенным, а в большей степени вариативным феноменом, где большому числу звуковых комплексов свойственно наличие различных фонетических форм (фоностилистических вариантов) [20, с. 289; 24, с. 234], в которых различают два основных стилистических уровня:

1. высокий фоностилистический уровень (*gehobene phonostilistische Ebene*), приближенный к орфограмме, например при декламации

классической лирики и который, по мнению Б. Рюс, практически не может быть реализован носителями немецкого языка.

2. высокий разговорный фоностилистический уровень (*phonostilistische Ebene des Gesprächs*), характерный для повседневной надрегиональной коммуникации, подходящий как для интерактивного доклада, так и для диалога.

Е. Селиванова предлагает новую модель дискурса, главным принципом организации которой служит диалогичность, опосредующая сложное взаимодействие модулей коммуникативной ситуации, её формирование, протекание и завершение [7, с. 402]. Речь дикторов и модераторов теледискурсе Германии представлена в большинстве случаев в прочтённой речи (*vorgelesene Sprache*), представляющей собой озвучивание письменного текста в выпусках новостей и информационно-познавательных программах, а также в устной интеракции (*memoriertes Sprechen*) в интервью и ток шоу.

На основе проведённого перцептивного анализа составлена сводная таблица, в которой зафиксирована локализация оглушения звонких шумных согласных в зависимости от положения в слове.

Таблица 4.

**Локализация оглушенных звонких шумных согласных в слове
(реальная норма)**

Позиция в слове	Прочтённая речь диктора	Речь модератора в устной интеракции
Абсолютное начало	77 %	92 %
Середина (многосложные, сложносоставные)	92 %	98 %
Абсолютный конец	98 %	100 %

На основании данных таблицы следует, что:

1. В абсолютном конце слова тотальное оглушение звонких шумных согласных реализуется в 98 % случаев в выпусках новостей и информационно-познавательных передачах (прочтённая речь), а так же на 100% в ток шоу и интервью (устная интеракция): d→t, g→k, b→p, z→s, v→f, dʒ→tʃ, ʒ→ʃ;

В середине слова также зафиксировано преимущественно частичное оглушение звонких шумных согласных, как в прочтённой речи, так и в устной интеракции (b→ b∞; v→ v∞; g→ g**; z→z₀, d→d∞);

2. Менее частотным является частичное оглушение звонких шумных согласных в начале слова. Вместо звонких [dʒ] или [ʒ] дикторы и модераторы реализуют частично или полностью онемеченный вариант данных фонем [d∞ʒ] или [ʒ*]: *Jeans, Job, Genie, Journal, Journalist*.

Необходимо отметить, что в устной интеракции количество оглушённых реализаций превышает количество реализаций в прочтённой речи (2—15 %).

Таблица 5.

Реализация звонких шумных согласных в кодифицированной норме и речевой действительности

Wort	Кодифицированная норма				Речевая действительность
	Gebersprache	GWdA (<i>Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache</i>) 1982	Duden 2005 (<i>Band 6/ Aussprachewörterbuch</i>)	DAWB (<i>deutsches Aussprachewörterbuch</i>) 2010	
Engagement	fr. ãgəzə'mã:	aŋgəzə'maŋ ãgəzə'mã:	ãgəzə'mã:	aŋgəzəm'aŋ engl. eŋg'e:tʃmənt fr. ãgəzəm'ã: ãgəfm'ã:	aŋgəfm'aŋ
Jeans	engl. dʒi:nz	dʒi:ns	dʒi:ns	engl. dʒi:ns	tʃi:ns
Journal	engl. 'dʒɜ:n(ə)l fr. ʒʊr'na:l	ʒʊr'na:l	ʒʊr'na:l engl. dʒə:nl	fr. ʒʊ'n'a:l engl. dʒ'œ:nl	fʊ'n'a:l
Lounge	engl. laundʒ	-	launtʃ	laʊntʃ	laʊntʃ

В таблице 5 представлены самые частотные иностранные слова, предметом исследования в которых было оглушение звонких шумных согласных в начале слова, в конце слога и слова в подготовленном чтении и подготовленном говорении. При сопоставлении реализации звонких согласных (Lenis) в ауслaute в кодифицированной и реальной нормах на материале выбранных нами методом сплошной выборки самых частотных англицизмов существенных разногласий между

кодифицированной и реальной нормами не обнаружено. В связи с характерной для немецкого языка фортизацией звонких шумных согласных, приведённая выше таблица показывает, что оглушение конца слова, слога и ассимиляция по оглушению являются закономерным признаком приспособления звуковой стороны иностранных слов к фонетической системе языка-реципиента, что, на наш взгляд, обусловлено синергетической парадигмой, в соответствии с которой продукты анализируются не изолировано, а лишь в связи с ситуацией, в которой они порождаются и интерпретируются.

Список литературы:

1. Гальскова Н.Д. Ценности современного мира глобализации и межкультурное образование как ценность // *Иностр. языки в школе*. — 2012. — № 1. — с. 3—11.
2. Жирмунский В.М. Иноязычные заимствования. История немецкого языка. — М., 1965. — с. 368—372.
3. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Просвещение, 1968. — 12 с.
4. Монастырская Ю.Г. Реализация фонемы [R] при онемечивании иностранных слов в языке СМИ / Ю.Г. Монастырская // *Науковий вісник Чернівецького університету*. — Чернівці: Чернівецький національний університет. — 2012. — В. 595—596. — с. 149—160.
5. Нерсесян Ж.С. О некоторых изменениях в произносительной норме немецкого языка // *Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы*. — М.: МГПУ, 2006. — с. 108—111.
6. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография. М.: Гнозис, 2007. — 407 с.
7. Селіванова О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке. Монографічне видання. Черкаси: Ю. Чабаненко, 2012. — 488 с.
8. Селіванова О. Сучасна лінгвістика. Термінологічна енциклопедія. Полтава: Довкілля-К. — 2006. — 716 с.
9. Силукова А.А., Светозарова Н.Д. Фонетическое освоение новейших английских заимствований немецким языком // *Лингвистическая полифония, сборник в честь юбилея пр. Р.К. Потаповой*. — М: Языки славянских культур, 2007. — с. 530—538.
10. Ammon U. Wird die deutsche Sprache (von anderen Sprachen, vor allem Englisch) verdrängt? // *Germanistik in der Ukraine*. — Kyjiw, 2011. — Jahresheft 6. — S. 55—62.
11. Bohusova Z. Einheiten fremder Herkunft im Duden-Aussprachewörterbuch — dargestellt am Beispiel des Slowakischen // *Deutsch als Fremdsprache*. — München/Berlin: Langenscheidt Verlag. — 2008. — Heft 3. — S. 170—177.

12. Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Ein internationales Handbuch. Halbband 1 / H.-J. Krumm, C. Fandrych, B. Hufeisen, C. Riemer. — Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG. — 1072 S.
13. Deutsches Aussprachewörterbuch / E.M. Krech, E. Stock, U. Hirschfeld, L.C. Anders. — Berlin/ New York: Walter de Gruyter, 2010. — 1076 S.
14. Großes Wörterbuch der deutschen Aussprache / Krech E.M. u.a. — Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. — 599 S.
15. Großes Wörterbuch. Fremdwörter. Köln: Buch und Zeit Verlagsgesellschaft mbH, 1996. — 448 S.
16. Hirschfeld U. Eindeutsche Aussprachekodifikation eingedeutschter russischer Namen und Wörter // Лингвистическая полифония, сборник в честь юбилея пр.Р.К. Потаповой. — М: Языки славянских культур, 2007. — с. 333—346.
17. Limbach J. Ausgewanderte Wörter. Ismaning: Hueber Verlag. — 2007.
18. McLuhan M. At the Moment of Sputnik the Planet Became a Global Theater in Which There Are No Spectators But Only Actors // Journal of Communication. — 1974. — № 24 (1). — P. 48—58.
19. Meinhold G., Stock E. Phonologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1982. — 256 S.
20. Meinhold G. Phonostilistische Ebenen in der deutschen Standardaussprache // Deutsch als Fremdsprache. — München/Berlin: Langenscheidt Verlag. — 1986. — Heft 5. — S. 288—293.
21. Meurer C. Anglizismen in DaF-Unterricht? Phänomen, Probleme und Möglichkeiten zur praktischen Erarbeitung // Deutsch als Fremdsprache. — München/Berlin: Langenscheidt Verlag. — 2008. — Heft 4. — S. 228—232.
22. Oguy O.D. Lexikologie der deutschen Sprache. Winnyts'a: Nowa knyha, 2003. — 416 S.
23. Polenz P. v. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. Band III. 19. und 20. Jahrhundert. Berlin/ New York: Walter de Gruyter, 1999. — S. 282.
24. Rues B. Varietät und Variation in der deutschen Sprache // Deutsch als Fremdsprache. — München/Berlin: Langenscheidt Verlag. — 2008. — Heft 4. — S. 232—237.
25. Sick B. Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod. Ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache. Köln: Verlag Kiepenhauer&Witsch; Hamburg: SPIEGEL ONLINE GmbH, 2004. — 251 S.
26. Verbitskaja T.D., Tschumakow A.N. Perzeptive Kompetenz in der performativen Linguistik // Записки з романо-германської філології. — Одеса: Фенікс, 2007. — В. 17. — с. 248—254.
27. Wahrig. Fremdwörterlexikon. — Gütersloh/München: Wissenmedia in der inmedia ONE GmbH, 2011. — 758 S.

ТИПОЛОГИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК В ГАРМОНИЧНОЙ СИТУАЦИИ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Овсиенко Леся Александровна

*преподаватель Черкасского национального университета,
г. Черкассы*

Обладание стратегиями и тактиками в процессе коммуникации — это свидетельство подготовленности говорящего и его компетентности, которые проявляются во время осуществления речевого акта. Правильный выбор стратегий и тактик — линий коммуникативного поведения в разных ситуациях общения, направленных на достижение поставленных целей, осуществляет ключевое влияние на успешность /безуспешность межличностной интеракции.

Под стратегией понимается некая общая инструкция для каждой конкретной ситуации интерпретации [5, с. 10]. В процессе межличностного общения стратегия может ответить на вопросы и дать возможность выбора правильных действий, как можно достигнуть коммуникативной цели. На сегодня единой классификации стратегий коммуникации так и не разработано. Наиболее распространенной принято считать классификацию коммуникативных стратегий Т. ван Дайка. Ученый разделяет их на когнитивные, контекстуальные, синтаксические, семантические, схематические, пропозициональные, стратегии локальной когерентности (связности), макростратегии, схематические и другие стратегии (стилистические, риторические, невербальные и т. д.). В зависимости от ситуации общения, лингвистических ресурсов, фоновых знаний говорящих, стратегии в области коммуникации можно разделить на собственно коммуникативные и стратегии содержания, в зависимости от условий коммуникации — конфликтные, кооперативные и манипулятивные [4, с. 156—173; 5, с. 41—67]. Компонентами коммуникативной стратегии являются:

1. общая установка, включающая выбор единой цели из всех возможных;
2. формирование стратегии — оценка ситуации;
3. вербализация — осуществление [7, с. 139].

Аксиологическая стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение определенной

иллокутивной цели через трансформацию ценностной модели мира адресата в желательном для говорящего направлении [2, с. 5]. В основе аксиологической стратегии лежат семантика и прагматика оценки, а оценочная речевая деятельность говорящих основана на их ценностных идеалах, манере поведения и ценностном восприятии картины мира. Таким образом, коммуникативной стратегии присуща выборка языковых средств и их адаптация к условиям речевого воздействия; она может быть реализована в частичных стратегиях когнитивного, семантического и риторического типов. Реализация аксиологических стратегий и тактик во время осуществления оценочной речевой деятельности в гармоничной ситуации межличностного общения, предопределенная в первую очередь намерениями коммуникантов дискурса, которые ставят перед собой определенную коммуникативную цель, а в процессе интеракции пытаются ее более выгодным образом для себя реализовать.

Для организации речевой интеракции в гармоничной ситуации общения важным остается правильная организация речевого взаимодействия и обязательное наличие намерений говорящих. Коммуниканты выбирают для себя тот тип коммуникативного поведения, который может способствовать решению поставленных перед ними задач. Чтобы планировать какие-либо речевые действия, говорящие должны иметь представление об обычных ситуациях общения, а также обладать хотя бы элементарным опытом анализа речевых действий. Помимо этих знаний, у коммуникантов обычно имеется и другая информация: убеждения, мнения и/или установки, относящиеся к подобным событиям, а прогноз речевого поведения осуществляется на основе мотивов и целей [6, с. 94]. Цели влияют на выбор языковых средств при построении высказывания (лексический уровень), на само построение фраз (синтаксический уровень), а также на направление речевой реализации замысла (стратегический уровень) [1, с. 8]. Именно от правильно избранных стратегий и тактик зависит успешность процесса коммуникации в гармоничной ситуации общения.

Тактике речевого общения присуще описание ключевых речевых действий, которые вводятся в дискурсивный контекст ради осуществления коммуникативного влияния на собеседника и достижение поставленной на определенном этапе межличностного общения цели.

Дискурсивная тактика является собой способ реализации стратегии, которая влияет на выбор им средств осуществления коммуникативных действий [3, с. 85]. Направленность разного рода тактик во время осуществления оценочной речевой деятельности

в процессе межличностного общения выстраивается у определенного рода стратегии, которые отличаются между собой в зависимости от ситуации. Коммуникативные тактики имеют динамический характер, чем обеспечивают оперативное реагирование на ситуацию и выполняют функцию способов осуществления стратегии вещания: они формируют диалогическое взаимодействие, чередуя оттенки разговора — оценку, радость, горе, сомнение и тому подобное [7, с. 156].

Эмпатия — ключевая коммуникативная стратегия. Гармоничность в ситуации межличностного общения способна проявляться только за счет наличия эмпатии (способности чувствовать и психологически понимать состояние своего собеседника), поскольку ее феномен проявляется гармонизирующей функцией в дискурсе. Оценка здесь как можно лучше дополняет эмпатию, осуществляя прямое влияние на собеседника ради достижения поставленной инициатором общения коммуникативной цели.

Эмпатия в контексте немецкоязычного художественного дискурса реализуется следующими аксиологическими тактиками:

1. тактикой психологического влияния (*Frau Hollmann*) [9, с. 105];
2. тактикой привлечения внимания к объекту оценки (*Das war schön, schöner als alles, was ich in den letzten Tagen erlebt habe*) [9, с. 105];
3. тактикой изменения темы в процессе общения (*Ja, sie ist sehr apart. Apart ist das Wort, das ich gesucht habe. Thea Hollmann ist das aparteste Wesen, dem ich je begegnen durfte*) [9, с. 105];
4. тактикой соблюдения принципа вежливости со стороны собеседника (*Sie sind ein Schwerenöter*) [9, с. 105].

Хотя векторные характеристики эмпатии как ключевой аксиологической стратегии дискурсивного контекста и отвечают схеме ведения разговора «Я↔Вы», все же является свидетельством дружеских отношений, когда в разговоре присутствующие такие положительно маркирующие признаки оценочной деятельности как доброжелательность, хорошее эмоциональное настроение и поддержание дружеских отношений.

Манипулятивная стратегия базируется в гармоничной ситуации общения на попытке манипулирования своим собеседником ради достижения поставленной коммуникативной цели. Так как гармоничная ситуация выделяется своей позитивностью, гармоничностью и согласованным сочетанием вежливости, хорошего тона и эмпатии, то нередко коммуниканты подвергаются манипулятивному влиянию со стороны своих собеседников.

Коммуникативное манипулирование заключается в первую очередь в сознательном нарушении адресантом общих постулатов общения, то есть, своими речевыми ходами он пытается достичь намеченных целей, поставив партнера по коммуникации в неудобное или проигрышное положение [7, с. 165]. Манипуляцию принято понимать как умышленное или скрытое побуждение другого человека к переживаниям определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, которые необходимы инициатору общения для достижения собственных целей. Оценка — это проявление речевой манипуляции, применяемой адресантом исключительно ради усиления влияния на адресата. Такой механизм лежит в основе манипуляций, построенных на умышленном нарушении норм общения и самого принципа коммуникативного сотрудничества, а также институциональных норм этикета

Манипулятивная стратегия реализуется в контексте межличностного общения такими тактиками:

1. тактикой соблюдения принципа вежливости и хорошего тона. Адресант дискурса как инициатор общения, войдя в доверие к девочке, предлагает ей отпраздновать ее день рождения в его большом доме, куда бы та смогла пригласить всех своих подруг. Договариваясь о встрече, адресант делает комплимент Яне (*Du bist ein besonders hübsches Mädchen, Janie. Und dazu intelligent und freundlich*) [8, с. 162]. Таким образом, адресант, применяя оценочную речевую деятельность пытается манипулировать собеседницей.

2. вхождение в доверие коммуниканта (*Wenn ich dir einen Gefallen tun kann, so ist mir das ein Vergnügen*) [8, с. 162];

3. установление дружеских отношений за счет поддержки адресата и объекта манипулирования (*Wir feiern den schönsten Geburtstag deines Lebens, Janie*) [8, с. 163];

4. принуждение доверчивого коммуниканта выполнять навязанные ему указания (тактика навязанных указаний) (*Ich denke, unser Plan sollte vorläufig unser Geheimnis bleiben. Ich könnte mir denken, dass deine Mum ärgerlich wird, wenn sie erfährt, dass du ganz ohne sie woanders eine Party feiern möchtest!*" ... " *Und du solltest auch mit deinen Freundinnen noch nicht darüber sprechen*", fuhr der Mann fort, "denn nachher wird das womöglich alles nichts, und dann stehst du blamiert da"...) [8, с. 162—163].

Таким образом манипулятору за счет четко данных указаний партнеру по коммуникации удается достичь поставленной перед собой цели — убедить девушку в определенное время прийти к его дому.

Следовательно, на основе анализа фактического материала, можно утверждать что гармоничной ситуации как и другим ситуациям общения присущ ряд стратегий и тактик, которые в каждом отдельном дискурсивном контексте немецкоязычного художественного диалогического дискурса реализуются по-разному. Эмпатия и манипулирование выступают в качестве ключевых признаков гармоничной ситуации общения и реализовываются в процессе осуществления оценочной речевой деятельности за счет интенционной направленности межличностной интеракции, мировоззрения и убеждений самих коммуникантов.

Список литературы:

1. Андреева В.Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа: Автореф. дис. канд. филол. наук. — Курск, 2009. — 22 с.
2. Бардина Н.Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка (на материалах политической риторики и социально-бытового общения): Автореф. дис. канд. филол. наук. — Иркутск, 2004. — 16 с.
3. Безугла Л.Р. Вербалізація імпліцитних смислів у німецькомовному діалогічному дискурсі. — Харків: ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2007. — 332 с.
4. Дейк ван Т.А. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. — М.: Прогресс, 1988. — Вып. 23. — с. 153—211.
5. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.
6. Иссерс О.С. Коммуникативный стратегии и тактики русской речи. — 5-е изд. — М.: Издательство ЛКИ, 2008. — 288 с.
7. Франко О.Б. Семантичні та прагматичні параметри спонукального дискурсу (на матеріалі німецькомовних художніх творів ХХ ст.): дис. ... канд. філол. наук. — К., 2008. — 229 с.
8. Link Ch. Das Echo der Schuld. — München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2009. — 542 S.
9. Seghers J. Die Braut im Schnee. — Hamburg: Rowohlt Verlag GmbH, 2005. — 479 S.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ХРОНОНИМИИ

Пелина Елена Вадимовна

*аспирант кафедры перевода и теоретической и прикладной
лингвистики Южноукраинский национальный
педагогический университет имени К.Д. Ушинского,
г. Одесса*

Иностранные имена собственные и наименования являются значительной частью словарного состава русского и других славянских языков. Это, в первую очередь, связано с тесными международными экономическими, политическими и социальными отношениями. Англоязычные онимы (имена собственные), в том числе хрононимы, составляют значительную часть лексики в общественной и культурной жизни. В процессе адаптации и интерпретации иноязычных названий важную роль играют переводчики, которым приходится решать проблему адекватного перевода иностранных названий согласно славянскому менталитету и картине мира.

При переводе иноязычных онимов отчетливо проявляется тенденция переводчика к нахождению эквивалентов в языке реципиента. Единой сформулированной системы правил перевода хрононимов не существует, поэтому большую роль в этом процессе играет традиция, основанная на религиозных, исторических и культурных аспектах языка, на который эти названия переводятся.

Актуальность исследования вызвана ростом интереса переводческой науки к воспроизведению англоязычных хрононимов в русском языке, а также недостаточной систематизацией наиболее оправданных способов перевода отдельных классов имен для организации на научном уровне. В области изучения и критического анализа теоретических вопросов перевода хрононимов накоплен незначительный опыт. Проблема осуществления перевода как имен вообще, так и хрононимов в частности, рассматривается в трудах И.В. Корунца, Д.И. Ермоловича, С.И. Влахова, С.П. Флорина и других переводоведов. Но в указанных научных работах вопрос перевода имен подается в общем ракурсе, не уделяя внимания специфике перевода более узких классов ономастики, таких как хрононимы, геортонимы и другие идеонимы [1; 2; 3].

Целью данной работы является исследование и упорядочение средств перевода хрононимов с английского языка на русский на современном этапе изучения германских языков.

Материалом исследования послужили учебники по истории Великобритании и США общим объемом 332 страницы. Методом сплошной выборки было выбрано 1000 английских названий исторических событий и периодов (хрононимов) и их соответствия в русском языке.

На основе проработанного теоретического и практического материала было определено, что хрононим — это разновидность онимов; собственное наименование отрезка времени, важного для человека тем, что в нем локализовано то или иное событие, которое характеризуется конкретными тенденциями. К хрононимии относятся названия исторических событий и периодов, праздников и памятных дат [4, с. 162; 5, с. 197].

Первая проблема, с которой сталкивается переводчик хрононимов с английского языка на русский, заключается в различии их фонетического строя. Вопрос о русскоязычном воссоздании английского хрононима должен опираться на адекватное воспроизведение онима с учетом норм русской орфоэпии, влияние которой не должно искажать восприятие, понимание и воспроизведение текста реципиентом.

Вторая проблема, письменное или графическое выражение названия, часто требует использования специальных графических символов или сложных письменных знаков в связи с недостаточным количеством букв-аналогов в латинице и кириллице, которые продемонстрированы в графических системах английского и русского языков соответственно.

Третья проблема заключается в оптимальном адекватном комбинировании средств транскодирования и калькирования при переводе англоязычных хрононимов на русский язык. Главным образом, при решении этой проблемы, необходимо уточнение информации, касающейся того или иного хрононима, в справочных материалах: энциклопедиях, справочниках, исторических атласах и учебниках.

В случае невозможности определения названия в справочных материалах переводчик использует универсальные средства передачи иноязычных названий, а именно: транслитерацию, транскрипцию, калькирование или их комбинацию для достижения наиболее адекватного перевода.

Каждое из средств, указанных выше, имеет как свои преимущества, так и недостатки. При транслитерации письменный вариант хрононима не искажается, но и не достигается цели адекватного перевода, а, следовательно, и адекватного понимания. То же касается и транскрипции в чистом виде, являющейся передачей звуков

англоязычного хрононима в системе письменности русского языка (напр., *Magna Carta* — *Магна Карта*) [2, с. 15].

Калькирование применяется в большей степени для перевода хрононимов отдельно или в сочетании с транслитерацией и транскрипцией. Это связано с тем фактом, что в состав названий исторических событий и периодов часто входят номинальные компоненты. Они, как правило, требуют перевода, а именно — воспроизведения не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части хрононима передаются соответствующими элементами языка перевода.

В отличие от транскрипции, калькирование не всегда является простой механической операцией перенесения исходной формы, часто приходится прибегать к некоторым трансформациям. В первую очередь это касается изменения падежных форм, аффиксов, количества и порядка слов в словосочетании и их морфологического или синтаксического статуса (напр. *Magna Carta* — *Великая хартия вольностей*) [3, с. 92—104].

Специфическим осложнением при использовании этого способа является необходимость развертывания или свертывания исходной структуры, т. е. добавление в нее дополнительных элементов или сокращения исходных элементов.

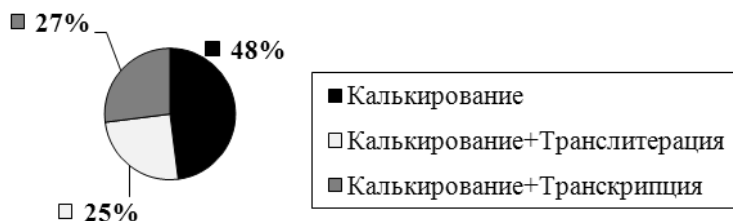
Калькированием, как правило, переводятся хрононимы, в состав которых не входят антропонимы, топонимы и другие имена собственные. В состав таких хрононимов, в свою очередь, входят номинальные элементы и лексические единицы, которые требуют дословного перевода: *the Ice Age* — *Ледниковый период* [6, с. 4], *the Peasants' Revolt* — *Крестьянское восстание* [6, с. 50], *the Quaker movement* — *Квакерское движение* [7, с. 9], *the meeting of the Knights of the Garter* — *встреча кавалеров ордена Подвязки* [6, с. 183].

Калькирование преимущественно комбинируется с транслитерацией и транскрипцией в тех случаях, когда хрононимы состоят не только из номинальных элементов, но и включают названия и имена городов, стран, рек, известных деятелей, с которыми связаны те или иные исторические события и отрезки времени. Соответственно, калькирование комбинируется с тем средством, которого требуют включенные в состав онимы: *the battle of Waterloo* — *битва при Ватерлоо* [6, с. 129], *the Boston Teaparty* — *Бостонское чаепитие* [7, с. 27] (калькирование + транслитерация); *the battle of Naseby* — *битва при Нейсби* [6, с. 91], *the Synod of Whitby* — *синод в Уитби* [6, с. 14], *the battle of Hastings* — *битва при Хастингсе* [6, с. 12] (калькирование + транскрипция).

Кроме транскрипции и транслитерации, в практике заимствования и перевода имен наблюдается еще один достаточно мало изученный принцип — принцип этимологического соответствия, или транспозиции. В одних случаях транспозиция применяется регулярно, в других — эпизодически; не последнюю роль в этом играют традиция и собственное отношение специалиста к переводу: *Whiskey Rebellion* — *Самогонный бунт* [6, с. 98], *the battle of Trafalgar* — *Трафальгарская битва* [6, с. 126], *King Arthur's Round Table* — *Круглый стол короля Артура* [6, с. 45].

В состав хрононимов, главным образом, входят топонимы (географические названия), антропонимы (имена людей) и номинальные компоненты (например, *age* — *возраст, эпоха, период*; *revolt* — *восстание, мятеж*; *battle* — *битва*; *invasion* — *нашествие, оккупация*; *movement* — *движение*; *revolution* — *революция, переворот*; *incident* — *инцидент, эпизод* и т. д.). Присутствие дополнительных компонентов в хрононимах усложняет задачу специалиста — максимально верно перевести название исторического события. Именно поэтому транскодирование или калькирование хрононима зависит не только от его типа и контекста, в котором он фигурирует, но и от компетентности, грамотности и фоновых знаний переводчика [1, с. 211]. «Для имени собственного основное — это соотнесенность с предметом», — пишет А.В. Суперанская, подсказывая, таким образом, с чего нужно начинать [5, с. 117].

В диаграмме (рис. 1) представлена частотность использования способов перевода хрононимов с английского языка на русский в изученных источниках по истории Великобритании и США.

Рисунок 1. Количественная характеристика использования способов перевода хрононимов с английского языка на русский

Из представленной диаграммы видно, что калькирование в чистом виде и его комбинирование с транслитерацией и транскрипцией используются при переводе названий исторических событий и периодов практически в равном соотношении. Калькирование (48 %

случаев) сравнивается с комбинированием (52 % случаев). В свою очередь комбинирование калькирования с транслитерацией (25 % случаев) почти совпадает с комбинированием калькирования с транскрипцией (27 % случаев).

Почти равное количество англоязычных хрононимов, переведенных на русский язык посредством калькирования и комбинированием калькирования с транслитерацией или транскрипцией показывает, что использование вышеуказанных способов напрямую зависит от состава названия исторического события. Неуместным при переводе хрононимов с английского языка на русский является использование транскрипции и транслитерации в чистом виде.

В результате исследования было выяснено, что вопрос об особенностях перевода хрононимов с английского языка на русский предстает необходимым для дальнейшего развития. Среди проанализированных названий исторических событий и периодов встречаются неоднозначные варианты, перевод которых не подчиняется общепринятым правилам, а руководствуется языковой и исторической традицией. В то же время, в определенной степени используется комбинирование вышеуказанных средств для достижения, в первую очередь, адекватности и целесообразности перевода.

Список литературы:

1. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. — М.: Международные отношения, 1980. — 350 с.
2. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. — М.: Р. Валент, 2001. — 200 с.
3. Корунець І.В. Теорія і практика перекладу (аспектний переклад): Підручник. — Вінниця: Нова Книга, 2001. — 448 с.
4. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. — М.: Наука, 1978. — 199 с.
5. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973. — 367 с.
6. McDowall D. An Illustrated History of Britain. — Harlow: Pearson Education Limited, 2009. — 188 p.
7. O'Callaghan D.B. An Illustrated History of the USA. — Harlow: Pearson Education Limited, 2009. — 144 p.

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАТЕГИИ ГРУППОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (КОММУНИКАТИВНЫЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ)

Сорокина Лина Евгеньевна

*асистент Восточноевропейского национального университета
имени Леси Украинки,
г. Луцк*

Постановка научной проблемы и ее значение. Современная коммуникативная лингвистика характеризуется возрастающим интересом исследователей к изучению потенциала языка как способа влияния, и, в частности его возможности выступать инструментом речевой манипуляции, как индивида, так и социума в целом. Кроме этого, в фокусе современных научных работ выступает человеческий фактор, то есть все индивидуальные особенности языковой личности, в том числе ее принадлежность к той или иной гендерной идентичности, что играет немаловажную роль в социальной, культурной и когнитивной ориентации человека. Таким образом, **целью** статьи является изучение манипулятивного потенциала коммуникативных стратегий и тактик с учетом гендерного фактора. Среди основных **задач** нашего исследования — анализ коммуникативных и гендерных аспектов манипулятивной стратегии групповой идентичности.

Стратегия групповой идентичности реализуется за счет использования двух противоположных тактик: инклюзивности (создания круга своих) [2; 3; 5] и дистанцирования (создания круга чужих) [2; 3; 4; 5]. Дуальная оппозиция такой манипулятивной стратегии на функциональном уровне состоит из двух компонентов: агональности [6] — круг чужих (борьба с противником) и интеграции — круг своих (объединение единомышленников). Потребность человека принадлежать к определенному сообществу эксплуатируется манипулятором таким образом, чтобы вызвать позитивное отношение к группе людей / человеку и негативное к противоположной группе / человеку. В соответствии с такой бинарной оппозицией выделяем две главные задачи манипулятивной стратегии групповой идентичности:

- формирование манипулятором позитивного эмоционального отношения к себе с целью создания образа друга, единомышленника (*тактика инклюзивности*);

- формирование манипулятором негативного эмоционального отношения к оппоненту с целью создания образа противника (*тактика дистанцирования*).

Суть тактики инклюзивности состоит в установлении контакта и доверительных отношений между манипулятором и адресатом с помощью образа доброжелателя, сторонника, друга. Моделирование такого образа предусматривает достижение целей:

1. создать впечатление общности взглядов, интересов, ценностей и т. д.;

2. сформировать собственный позитивный образ. К основным речевым средствам реализации тактики инклюзивности относим целенаправленный выбор высказываний, содержащих:

- инклюзивное местоимение *we*, а также местоимения, коррелирующие с ним (*our, us*);

- лексические единицы с семантикой общности (*together, all, each other, equally, as...as, same*);

- лексические единицы со значением групповой социальной принадлежности (*family, mother, friends, partner*);

- лексические единицы с семантикой взаимодействия и / или сотрудничества (*trust, help, share, believe*);

- разговорную или вульгарную лексику, в том числе, обращения, прозвища (*buncha, man, buddy*);

- лексические единицы, выражающие общность интересов, действий, мыслей, воспоминаний т. д. (иногда известных лишь адресату и адресанту).

В рамках нашего исследования важно проанализировать реализацию тактики инклюзивности с учетом гендерного фактора. Рассмотрим такой пример:

1. *'I mean if he knew, if anyone knew, I'd actually — well, you know...'* (a) 'Slept with the local MP! Who you met there! Great story, Boot.' *'Louise, I didn't actually say that I'd —'* (b) 'But you have, haven't you?' (c) 'Come on, you can't deceive me. Me of all people.' *'Louise, I—'* (d) 'Oh, for heaven's sake, what harm would it do?' *'Yes, I have. But look, that's very — well, you know. Between us.'* (e) 'What do you mean?' *The husky voice was harsher suddenly, indignant.* (f) 'I hope you don't think I'm going to tell anyone. We're friends, I thought. Best friends. For ever and ever. Amen.' *'I'm sorry. I guess I'm just feeling vulnerable. And guilty all round. Including now about Gabriel.'* *'You shouldn't be.'* (g) 'Are you going down this weekend? To see him?' *'I don't know. It depends on Gideon's foot, Tom, all sorts of things. But I probably won't be able to resist.'* (h) 'Very sexy?'

'Yes, very sexy,' said Octavia, laughing. 'Bye Louise.' (i) *'Bye, darling Boot. And try to remember, I love you'* (Vincenzi, AC, 293).

Манипулятор (Луиза) использует тактику инклюзивности, которая включает лексическую единицу со значением групповой принадлежности *friends*, усиливая ее превосходной степень сравнения прилагательного *best*; инклюзивное местоимение *we* и детское прозвище *Boot*. Важную роль играет тактика прерывания (a, d), личностный характер вопросов (a, b, h), а также чувство вины, которое она вызывает у адресата (c, e, f). Такой манипулятивный подход дает возможность Луизе одновременно получить необходимую информацию (b, g), а также сократить коммуникативную дистанцию между собой и Октавией.

Заметим, что в гомогенных группах женщинам, в отличие от мужчин, характерно употребление эмотивных интенсификаторов (*darling, I love you, great*). Мужчины для создания «круга своих» применяют разговорную, иногда даже вульгарную лексику (*hell, mouth shut, buddy, guys*). По мнению украинского лингвиста Ф.С. Бацевича ругательные (обценные) выражения сигнализируют о том, что говорящий является «своим» для остальных участников общения. Отсутствие таких слов иногда воспринимается как прагматический сигнал присутствия «чужого» участника коммуникации или такого, который сознательно дистанцируется от атмосферы общения [1, с. 105]. Кроме того, такое речевое поведение можно объяснить с помощью теории скрытого престижа (*covert prestige*) разговорной речи, которую, как правило, используют именно мужчины [7, с. 115].

В гетерогенных группах женщины, в отличие от мужчин, практически не применяют инклюзивное местоимение и лексику со значением общности и групповой социальной принадлежности (*all, together, family*). Отметим, что первые активно употребляют лексические единицы для обозначения взаимодействия и / или сотрудничества, а также языковые единицы для обозначения общности интересов, как правило, относительно работы.

Тактика дистанцирования лежит в основе категории «чуждости», которая в речи проявляется при выражении вербальной агрессии [5, с. 214]. Реализация тактики предусматривает осознанный выбор языковых единиц, направленных на приуменьшение интеллектуальных, моральных, профессиональных, физических качеств противника, создавая тем самым негативное отношение адресата. Важную роль в применении тактики дистанцирования играет противопоставление себя противнику, отстраненность от его взглядов, решений, действий. Моделирование такого образа направлено

на актуализацию в тексте «круга чужих» и его семантического наполнения согласно с глобальной прагматической установкой манипулятора. Согласно со смысловой структурой тактики выделяем такие средства ее вербализации:

- местоимение дистанцирования *they*, а также местоимения, коррелирующие с ними (*their, them*);
- лексические единицы, с семантикой недоверия и / или осуждения по отношению к адресату (*hurt, cheat, dump, unfair, insult, ignore*);
- лексические единицы, содержащие экспрессивно-оценочный негативный элемент (*bad, awful, waste*);
- вульгарную лексику (*hell, f***, bastard*).

Подчеркнем, что в нашем корпусе примеров тактика дистанцирования реализуется только параллельно с тактикой инклюзивности. Так, например, в фрагменте диалогического дискурса (2) бывший полицейский Кин проводит собственное расследование убийства напарника. Для этого он незаконно проникает в дом подозреваемого, где его задерживают двое незнакомых полицейских. Чтобы решить возникшую проблему Кин применяет манипулятивную стратегию групповой идентичности, используя обе тактики. Для того чтобы очертить «круга своих» он использует лексику групповой социальной принадлежности (*cop, partner*), разговорные обращения (*man, kid*). Когда эта тактика не срабатывает, манипулятор применяет тактику дистанцирования для осуществления влияния на молодого полицейского, а предыдущую тактику направляет на старшего полицейского. Созданию «круга чужих» способствует употребление лексических единиц для обозначения недоверия и непрямого осуждения адресата (e, f), вульгарной лексики (*Shove it up your ass, kid*). Подчеркнем, что в данном случае лексема *kid* дистанцирует опытных полицейских от молодого неопытного Хела. Проанализировав пример, мы пришли к выводу, что речевая манипуляция оказалась неудачной, так как лексема *kid*, которая в тактике инклюзивности должна была сократить коммуникативную дистанцию между Кином и молодым полицейским, наоборот, увеличила ее. Кроме этого, ни информативная тактика детализации (a, b, c, d), ни бинарная оппозиция эксперта и новичка (e) не способствовала созданию образа настоящего добропорядочного полицейского.

2. (a) 'You remember the cop got killed a little while back? Down in Meriwether County? Booby-trapped house?' 'Yeah, I heard about it.' (b) 'Well, I'm his partner.' 'So?' (c) 'So, there's a connection with this place.' 'What kind of connection?' (d) 'The guy who owned the house had a box

here.' The younger cop, Hal, interrupted. 'I don't much care what it's connected to. You're breaking and entering, pal, and if you're a cop, well, that makes it all the worse. You're under arrest. You have the right to remain silent —' (e) 'Jesus Christ, man,' Mickey said. 'You're not arresting another cop, are you? Don't you know anything? How long you been on the job?' 'What's that got to do with anything?' Hal said, reddening. 'Listen, Hal, let's be sure we're doing the right thing here. The guy's a cop, after all.' 'Bullshit,' Hal said. 'I don't buy that shit at all. He's in here where he shouldn't be, and that's it as far as I'm concerned' Keane felt the situation slipping away from him. He turned to the older cop. (f) 'Listen, Bob, you've been on the force awhile, right? You know that no cop would ever bust another cop. Now talk some sense to this kid.' (...) He snapped handcuffs onto Keane's wrists. 'You have the right to remain silent; you have the right to—' (g) 'Shove it up your ass, kid,' Keane said. 'I know the drill' (Woods, GR, 230).

Обратим внимание, что процент реализации тактики дистанцирования в гетерогенных группах очень низок по сравнению с другими манипулятивными тактиками (срав. М—Ж: 0,2 %; Ж—М: 1,1 %). Мужчины для создания «круга чужих» применяют экспрессивно-оценочный негативный элемент, женщины, кроме, уже указанной экспрессивно-оценочной негативной лексики, как правило, выражают недоверие и / или осуждение по отношению к адресату по поводу работы или личной жизни.

В гомогенных группах и мужчинам, и женщинам характерно употребление экспрессивно-оценочного негативного элемента, а также выражение недоверия и / или осуждения по отношению к адресату. Но если у мужчин поводом для такого речевого поведения служат профессиональные интересы, то представители противоположного пола выбирают личные отношения как мишень для реализации тактики дистанцирования. В отличие от женщин, представители сильного пола для создания «круга чужих» активно используют разговорную лексику и вульгаризмы.

Список литературы:

1. Бацевич Ф.С. Нариси з лінгвістичної прагматики. Львів: ПАІС, 2010. —336 с.
2. Дмитрук О.В. Маніпулятивні стратегії в сучасній англомовній комунікації (на матеріалі текстів друкованих та Інтернет-видань 2000—2005 рр.): автореф. дис. на здобуття наук ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови». — К., 2006. —19 с.
3. Иссерс О.С. Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий // Вестник Омского университета. 1999. — Вып. 1. — С. 74—79.

4. Молодыхенко Е.Н. Создание образа врага как персуазивная стратегия американского политического дискурса: когнитивный и лингво-прагматический анализ (на материале публичных речей политических деятелей 1960—2008 гг.): автореф. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки». Спб., 2010. — 24 с.
5. Самарина И.В. Прагмалингвистическое исследование речевой деятельности политиков по коммуникативным стратегиям «создания круга своих» и «создания круга чужих» // Вестник СамГУ. — Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та. 2006. — № 8 (48). — С. 214—219.
6. Шейгал Е.И. Антогональность в коммуникации: структура понятия // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2009. — № 34 (172). — С. 145—148.
7. Coates J. Women, Men and Language. — L.: Longman, 1993. — 247 p.
8. Woods GR: Woods S. Grass Roots. N.Y.: Avon Books, 1991. — 489 p.
9. Vincenzi AC: Vincenzi P. Almost a Crime. L.: Orion, 2000. — 627 p.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АВТОРИТАРНОГО ДИСКУРСА

Швецова Владислава Евгеньевна

преподаватель кафедры перевода теоретической и прикладной лингвистики Южноукраинского государственного университета имени К.Д. Ушинского, г. Одесса

Значительный интерес современной лингвистики к проблемам дискурсивного анализа, роли антропоцентризма в коммуникативных процессах обусловил выбор темы настоящего исследования. Многоплановое изучение комплексного характера дискурса с точки зрения особенностей вербальной и невербальной в коммуникации привело к тесному взаимодействию лингвистики со многими другими антрополого-ориентированными дисциплинами, такими как философия, психология, аксиология, социология, политология. Такие тесные контакты привели к активному использованию терминологии и методов исследования других научных дисциплин в лингвистике, что и объясняет изменения в понятии дискурса, который на современном этапе рассматривается как коммуникативное взаимодействие психологической, социальной и культурной составляющих.

Антропологизация научной парадигмы дискурса, интерес современной филологической науки к авторитарности процесса коммуни-

кации, попытка типологизации языковых личностей обусловили актуальность настоящей работы.

Цель исследования проведение комплексного анализа лингвистических особенностей авторитарного судебного дискурса. Цель работы обусловила следующие задачи: исследовать основные лексико-грамматические и интонационные маркеры авторитарного судебного дискурса; выявить основные стратегии коммуникантов в авторитарном судебном дискурсе; определить влияние авторитарной личности на партнеров по коммуникации.

Материал исследования составили английские фильмы, интернет-сайты.

Невзирая на большое количество определений дискурса и подходов к его анализу, условно их можно разделить на два основных типа:

1. отождествление понятия дискурса и текста,
2. учет экстралингвистических составляющих: коммуникативной ситуации, социо-культурных и психологических особенностей коммуникации. В настоящей работе придерживается последняя трактовка понятия дискурса.

Следует заметить, что в данном исследовании анализируется не просто судебный дискурс, а авторитарный судебный дискурс, что выдвигает в качестве необходимого условия корректности проведения анализ рассмотрения определения авторитарности, т. е. господства одной личности, требующей безусловного подчинения от окружающих. При этом авторитарное лицо использует жесткий, волевой стиль осуществления власти. Отметим, что при авторитарной коммуникации используются статусные преимущества авторитарной личности, что зачастую приводит к конфликтным ситуациям.

Понятия авторитарности, авторитарной личности, авторитарного дискурса выступают объектом исследования нескольких научных дисциплин: лингвистики, конфликтологии, политологии, психологии, социологии. Авторитарность существует в двух формах: эксплицитной и имплицитной. Эксплицитная форма авторитарного коммуникативного поведения в судебном дискурсе выражается в категоричности, грубости, ироничности, эгоцентричности, эмоциональности. Имплицитная авторитарность актуализуется в манипулятивных стратегиях, формальной вежливости, молчании. Прагматический эффект в данном случае достигается за счет авторитарного давления [4, с. 161—167].

Исходя из вышеизложенного авторитарный дискурс можно определить как целеустремленное коммуникативное действие, иллюкативную целью которого является психологическое давление адресанта

на партнеров по коммуникации. Учитывая тот факт, что авторитарный дискурс всегда направлен на достижение определенных целей, большое значение приобретают намерения авторитарных коммуникантов. Авторитарные намерения могут быть направленными как на смену психо-физиологического состояния партнера по коммуникации (эмоционального состояния или ментальных представлений адресата), так и на осуществление им определенных действий (молчание, сокрытие информации, передача ложной информации, невыполнение адресатом определенного задания) [1, с. 80]

Авторитарные личности избирают разные коммуникативные стратегии для достижения своих целей: доминирование, манипулирование. Целью авторитарного доминирования является заставить адресата выполнить нежелательные для него действия. В данном случае адресант может использовать разнообразные тактики: запугивание, приказ, обвинение, угроза. Авторитарное манипулирование — это один из типов психологического влияния, вызывающего к возникновению у другого человека намерений, не совпадающих с его интересами. Здесь широко применяются коммуникативные стратегии шантажа, недосказанности и приведения ложной информации.

Анализ языкового материала позволил выделить языковые средства, которые указывают на авторитарность говорящего и которыми авторитарные коммуниканты пользуются с целью осуществления авторитарного давления, усиления категоричности. При этом вербальные маркеры, указывающие авторитарность общения, могут считаться коммуникативной нормой в сфере судебного дискурса. К таким формам общения в авторитарном судебном дискурсе на уровне синтаксиса относятся, в первую очередь, директивные реплики, выражающие акциональное намерение говорящего, эллиптические предложения. В данном типе авторитарного дискурса отсутствие сложных конструкций усиливает категоричность высказываний и подчеркивает доминирование авторитарной личности в достижении прагматической цели коммуникации — заставить партнера поступить так, как хочет адресант [5, с. 24—27].

Анализ материала исследования показал, что наиболее распространенными лексическими маркерами авторитарного дискурса, являются следующие классы лексем, употребляемые говорящим:

- эксплицитные средства выражения категоричности и негативного отношения к адресату (прилагательные с отрицательной коннотацией или негативным модально-оценочным значением, что подчеркивает доминирование оценки говорящим собственной позиции над мнением партнера по коммуникации);

- обращения (побуждающие адресата к восприятию информации);
- местоимения первого лица единственного числа I (создающие эффект эгоцентрированности высказываний);
- модальные глаголы со значением облигаторности;
- вульгаризмы, (оскорбительное содержание которых усиливает категоричность высказывания);
- профессиональная терминология (осложняющая восприятие смысла адресатом и указывающая на энциклопедическое доминирование адресанта).

Рассматривая проблему лексико-синтаксических средств выражения авторитарности в судебном дискурсе, нельзя не остановиться на вопросе прагматических маркеров авторитарного дискурса. Типичным в данном случае является актуализация таких речевых актов, как директивы, менасивы, категорические констативы, инвективы, деклинативы и определенные разновидности интеррогативов [3, с. 59—63]. Причем сочетание менасивов и инвективов, употребленных относительно партнера по коммуникации, усиливает авторитарный эффект высказывания:

‘Curse you, you little filthy vermin!’ he hissed. ‘Untie your legs? I’ll untie every string in your bodies. Do you think I can’t search you to the bones? Search you! I’ll cut you both to quivering shreds!’ (Tolkien)

Как уже было сказано директивы выступают прагматическим маркером авторитарного дискурса в профессиональной судебной коммуникации. И хотя для английского языка в целом более характерным является употребление вопросительных предложений даже для высказывания приказа, использование повелительных предложений или эксплицитных перформативных предложений характерно для англоязычного авторитарного судебного дискурса и не является нарушением нормативности речи.

Интеррогативы в виде коротких вопросов-уточнений маркируют авторитарность дискурса: иллюкутивная цель таких вопросов — смутить партнера по коммуникации, довести до него самого нелогичность его мыслей или нелепость его убеждений. Этот авторитарный прием позволяет поставить партнера по коммуникации в слабую позицию и выполнять доминирующую роль:

“I think I understand.”

“Do you?”

“Well, yes, damnit! And I don’t want to steal anyone’s land! I want to see that the Indians live better lives—”

“Better than what?”

“Than what they lead now! I want to improve their living conditions—”

“Oh, and what are those conditions?”

“Well...”

“You don’t know a thing about it!”(Graham)

Интонационные средства выступают одним из важнейших факторов усиления прагматики авторитарного дискурса. К дистинктивным маркерам авторитарной интонации следует отнести следующее: вариативность тонального компонента, использование фразового ударения (логического, эмоционального), изменение громкости речи, замедление или ускорение темпа реализации фразы с учетом длительности пауз и их смысловой нагруженности (психологические, сонтаксические, хезитационные и т. п.), применение тембральных характеристик речи. Особо следует отметить взаимодействие разнообразных параметров речевого сигнала при актуализации модально-оценочных коннотативных значений функционально-семантического поля убеждения в речи участников судебного дискурса.

Очевидно, что статус личности позволяет ей осуществлять авторитарное поведение и оказывать давление на партнеров по коммуникации, причем наблюдаются и случаи злоупотребления статусом авторитарной личностью. VADER: Calrissian, take the princess and the Wookiee to my ship.

LANDO: You said they'd be left in the city under my supervision.

VADER: I am altering the deal. Pray I don't alter it any further (Star Wars. The Empire Strikes Back).

Одним из важных экстралингвистических факторов судебного дискурса является языковая культура коммуникантов, зависящая от целого ряда причин — воспитания, образования, социальной принадлежности и многих других [2, с. 3]. Как показал материал исследования англоязычные носители языка в основном придерживаются речевых норм и выбирают указанные в работе лексические, грамматические и интонационные средства актуализации авторитарного влияния. При этом как языковые личности авторитарные индивидуумы создают конфликтную, эгоцентричную коммуникативную ситуацию. Авторитарные личности тяготеют к использованию директивности, доминируют в коммуникативной ситуации.

В работе установлены некоторые критерии авторитарного судебного дискурса: иллюкутивная цель речевого акта адресата; его высокий социальный статус; нарушение принципов вежливости при коммуникации.

Список литературы:

1. Ажам М. Искусство говорить публично / М. Ажам; пер. с фр.; СПб., 1990. — С. 80.
2. Бондаренко П.С. Судебная речь: лекции по специальному курсу для студентов юридического факультета университета / П.С. Бондаренко. — Львов, 1972. — С. 3.
3. Киселев Я.С. Речевая культура судебных прений / Я.С. Киселев // Правоведение. — 1976. — № 4. — С. 59—63.
4. Крючкова П.Г. Авторитарный дискурс в разных моделях взаимоотношений (на материале современного английского языка)// Языковые и концептуальные картины мира: Сб. научных работ — К.: Логос, 1999. — С. 161—167.
5. Судебная речь с точки зрения функциональной стилистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск одиннадцатый. — Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2009. — С. 24—27

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНО-ИНТЕРАКЦИОННОГО АСПЕКТА РЕАЛИЗАЦИИ КОНТАКТООУСТАНОВЛЕНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Шпак Елена Владиславовна

*соискатель, ст. преподаватель Харьковского национального
университета имени В.Н. Каразина, г. Харьков*

Проблемы дискурсологии принадлежат к наиболее актуальным в современной лингвистике. Дискурсивная парадигма, акцентируя связи речевой деятельности с социальными и ситуативными факторами, психофизическим состоянием коммуникантов и т. п., устанавливает новые исследовательские ориентиры в изучении языковедческих объектов, в частности в анализе инициальных (ИВ) и завершающих высказываний (ЗВ).

Изучение функциональных характеристик ИВ/ЗВ на данном этапе работы требует концентрации внимания на особенностях организации и взаимодействия когнитивного и вербального планов в построении социальной интеракции на фазе установления/завершения контакта. Цель этой статьи — выявление особенностей

структурно-интеракционного аспекта дискурсивных реализаций контактоустановления в разных типах англоязычного институционального дискурса (ИД), а именно, в деловом (ДД), политическом (ПД) и военном (ВД).

Представленное исследование основывается на понятиях и методиках конверсационного анализа, который изучает диалог в соответствии с его функционально-структурной организацией, и считает его минимальными единицами акт, ход и обмен. Анализ речевой интеракции в динамике требует использования такой оперативной единицы, как «дискурсивный акт». Репрезентируя себя посредством высказывания, эта минимальная единица диалогического континуума определяется на основании позиции относительно предыдущих и последующих единиц и характеризуется своей функцией в структуре диалогической интеракции (“...act is a unit in discourse and is characterized according to its function in discourse”) [5, с. 34].

Типы актов включают: главный акт (*head-act*), как обязательный компонент, выступающий носителем функции всего хода, до-главный (*pre-head act*) и после-главный (*post-head act*) акты — факультативные и дополнительные относительно исполнения функции хода. Иерархически высшая единица — ход, являясь наименьшей единицей диалогического дискурса, состоящей из одного или больше актов, может быть инициальной (*initiating move*) и респонсивной (*responding move*). Инициальный ход — проспективный, так как создает определенные ожидания и отражает системность диалога. Респонсивный ход является ретроспективным, таким, что может демонстрировать реакции принятия (структурное предвидение, поддержка хода, соответствие ожиданиям), выжидательности (*temporization*) (гипотетическое предвидение) или неприятия коммуникативной инициативы (структурное несоответствие ожиданиям) [6, с. 273]. К примеру, если ответное приветствие (“*return greeting*”) со стороны адресата или его невербальная замена (“*to smile hello*”) отсутствуют, ситуация привлекает к себе внимание [6, с. 12; 4].

Анализ материала позволил разработать следующую классификацию:

1. **единичные ИВ** — свернутая конструкция, в которой языковая объективация смысла контактоустановления состоит из одного инициального высказывания — главного акта — и представляет собой быстрое начало диалога. Такая конфигурация реализована такими типами ИВ, как ИВ-1 (общекультурные стереотипные этикетные формулы); ИВ-2 (групповые стереотипные

этикетные); ИВ-3 (нестереотипные полифункциональные нетематизированные высказывания, предворяющие введение темы); ИВ-4 (тематизированные, для которых функция установления контакта есть периферийной) [3, с. 125]. Приведенный ниже пример из политического дискурса иллюстрирует минимальную конфигурацию:

- у ПД: **ИВ-1:** (адвокат Колфакс устанавливает контакт с сенатором Адамом Ворнером):

The door opened wider and Adam stepped into the room. “**Good evening, Senator Warner**” [9, p. 311].

- **соединения однотипных и разнотипных ИВ** — главный акт не единственный в ходе, поскольку в реализации контактоустановления может соединяться с дополнительным (и) в функциональном плане до-главным(и) и после-главным(и) актом/актами, например:

- у ДД: **ИВ-1+ИВ-1:** (секретарь приветствует начальницу, вошедшую в офис):

Miranda walks in.

Andy: Good morning, Miranda! Nice to meet you [10].

Дублирование или повтор высказывания в иконическом или частично модифицированном виде исполняет усилительную роль [2, с. 201].

Развернутая форма контактоустановления может быть представлена разными комбинациями инициальных высказываний 1—3 типов, например:

- у ВД: **ИВ-3+ИВ-2+ИВ-3:** (лейтенант Хон, занятый расшифровкой секретных документов, устанавливает контакт с полковником):

Hon picked up the telephone and dialed the number. “Colonel Huff? Sir! This is Lieutenant Hon. I have several “magic” messages that I believe should be brought to the Supreme Commander’s attention” [7, p. 340].

Функция установления контакта реализована посредством конфигурации инициальных высказываний, которые предворяют введение темы «Информация особой секретности».

Минимальная/Нулевая конфигурация характеризуется отсутствием вербальных действий ИВ-1-3 типа, и представлена ИВ-4 и НВК (*non-verbal surrogate*), например:

- у ДД: (посетитель кафе жестом подзывает официанта):

He waved to the barman. “Ham sandwiches for me, this being Ireland.” He gave the barman the order [8, p. 68].

2. **расширенные** (функция контактоустановления реализована высказыванием или конфигурацией инициальных высказываний, представляющих собой целый репликовый ход), например:

- у ВД: (капитан обращается к рядовому):

"**Good afternoon, Moore. How are you today?**" the Captain asked [7, p. 54].

- **нерасширенные (часть репликового хода), например:**

- у ПД: (помощник премьер-министра устанавливает

контакт с подчиненным):

Ferguson thought and called Hannah Bernstein. "Bernstein? It's me," Ferguson said. "And what a tale I have to tell. Long Ireland has turned out to be the modern equivalent of a Greek tragedy..." [8, p. 277].

Функция контактоустановления реализована конфигурацией ИВ-3, предваряющих введение темы «политическая ситуация в Ирландии».

Исследование специфики качественных характеристик хода в реализациях контактоустановления свидетельствует о присутствии таких интеракционных моделей, как:

3. **ограниченные репликой**, например:

- у ПД: (кандидат в сенаторы, знакомясь на улице с избирателями, устанавливает контакт с прохожим, несущим на руках ребенка и не имеющим желания останавливаться):

Bill McKay: Hi. I'm Bill McKay. I'm running for the U.S. Senate. It's a cute kid [11].

- **реализованные в рамках обмена**, например:

- у ВД: (ответственный за самолет, капрал Флорентино, пришел на летное поле с проверкой и обращается к пилоту, лейтенанту Дану):

The plane chief was there. They exchanged salutes...

"Good morning, Sir," Lieutenant Dunn said.

"Good morning. Everything shipshape?" [7, p. 15].

Приведенный пример иллюстрирует реализацию контактоустановления в инициальном и респонсивном ходах, где последний демонстрирует реакцию поддержки коммуникативной инициативы собеседника.

На основании того, что общение строится в соответствии с речевыми нормами, основанных на правилах передачи/принятия хода (далеко не каждое высказывание можно поместить после какого-нибудь другого высказывания [1, с. 175]), особое значение приобретает изучение функции, которую выполняет высказывание в разворачивании диалога, поэтому выделяем:

4. **унисонные интеракции**, основанные на речевых нормах, предполагающих знания коммуникантами правил передачи/принятия хода и коммуникативной поддержки, например:

- у ВД: (офицер вступает в контакт с сержантом):

The Marine Aviator Lieutenant Colonel walked up to him. "Good afternoon, Sergeant," he said. Moore straightened and saluted. "Good afternoon, Sir!" [7, p. 341].

- **диссонансные интеракции**, где инициальный и респонсивный ходы выполняют разную функцию: адресат не поддерживает коммуникативную инициативу адресанта, перебивая или развивая собственную инициативу при помощи респонсивных высказываний, которые реализуют другую функцию; или реакция-молчание адресата есть коммуникативно-значимым, например:

- у ДД: (секретарь приветствует начальницу, входящую в офис, однако та делает вид, что не замечает ее):

Miranda walks in.

Andy: Good morning, Miranda. Nice to see you.

In response, Miranda simply drops he coat in front of Andy and without a glance at her walks into her office [10].

Чаще всего отсутствие этикетных высказываний на этапе контактоустановления противоречит норме установления контакта и воспринимается как проявление недоброжелательности и конфронтации.

- у ВД, например: (придя в госпиталь с целью выяснить обстоятельства боя, руководитель полетов устанавливает контакт с раненым пилотом, не испытывающим желания общаться):

"How do you feel, Dunn?" the tour guide from the Atlanta Zoo asked, pulling up a folding metal chair to the side of Lieutenant Dunn's bed. "Well enough to talk to me?"

What if I said "no"?

"Yes, Sir" [7, p. 22].

Приведенная интеракция из военного дискурса достаточно показательна для такого упорядоченного и ритуализованого типа ИД, поскольку, несмотря на свое нежелание общаться, адресат демонстрирует реакцию принятия хода и поддержки коммуникативной инициативы адресанта.

Изложенное дает основание полагать, что единицы структурно-интеракционной организации фазы контактоустановления имеют специфические особенности и стандартные характеристики, систематизация которых указывает на когерентность и осознанность разговора, а также позволяет описать способы, которые индивид использует в построении диалогической структуры. Приходим

также к выводу о том, что структурно-интеракционные средства в дискурсивных реализациях контактоустановления охватывают такие, что соответствуют/ не соответствуют нормам общения.

Перспективой работы является исследование структурно-интеракционного аспекта реализации завершения контакта в англоязычном институциональном дискурсе.

Список литературы:

1. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с.
2. Фролова І.Є. Стратегія конфронтації в англomовному дискурсі: Монографія. — Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. — 344 с.
3. Шпак О.В. Варіювання мовленнєвих характеристик ініціальних висловлювань в інституційному дискурсі // Четвертий міжнародний науковий форум. Сучасна англїстика: Традиції сьогодення. Перспективи. Тези доповідей / За ред. В.О. Самохіної. — Х.: Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна, 2011. — 123-125 с.
4. Schegloff E., Sacks H. Opening up closings // *Semiotica*. — 1973. — № 7/4. — P. 286—327.
5. Sinclair J.M. and Coulthard M. *Towards an Analysis of Discourse*. — L.: Oxford University Press, 1975. — 163 p.
6. Tsui, Ami B.M. *English Conversation*. — Oxford: Oxford University Press, 1995. — 298 p.
7. Griffin W.E.B. *Battleground*. — New York: G.P. Putnam's Sons, 1991. — 414 p.
8. Higgins J. *The White House Connection*. — New York: Penguin Putnam Inc., 1999. — 323 p.
9. Sheldon S. *Rage of Angels*. — London: Pan Books Ltd., 1980. — 384 p.
10. *Devil Wears Prado* — [Електронний ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.awesomefilm.com>.
11. *The Candidate* — [Електронний ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.awesomefilm.com>.

3.10. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

СУКЦЕССИВНЫЙ АНАЛИЗ РИТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТА А.С. ПУШКИНА

Краснова Юлия Сергеевна

*старший преподаватель
Оренбургского государственного университета,
г. Оренбург*

Проблематика вопросов организации пространства текста в целом чрезвычайно актуальна и является объектом внимания многих исследователей, поскольку экспрессивно-окрашенная лексика является важнейшим компонентом семантической и стилистической системы языка. К.И. Белоусовым был разработан метод сукцессивного анализа, позволяющий рассмотреть количественное распределение риторических фигур в пространстве текста. Метод сукцессивного анализа текста [2, с. 45] опирается на постулат о единстве формообразования текста и объектов природы и искусства, в основе которого лежат психолингвистические исследования [4; 5; 6; 7]. Нами был изучен указанный метод и применен для анализа распределения риторических фигур в риторическом пространстве текста А.С. Пушкина.

В стихотворении «*Зимнее утро*» (длина анализируемого текста составляет 121 графическое слово) из рассматриваемых нами риторических фигур присутствуют: метонимия, эпитет, метафора, синонимия, гипербола, антитеза, перифраз, риторическое восклицание, риторический вопрос, сравнение. Доминирующее место по показателям встречаемости в тексте составляют: эпитет (24 графических слова), метафора (19) и метонимия (12), далее следуют риторическое восклицание (8), риторический вопрос (8), сравнение (4), анафора (4), гипербола (3), антитеза (2), синонимия (2). На основании данных сукцессивного анализа нами было выявлено, что исследуемые средства выразительности распределяются в пространстве стихотворного текста неравномерным образом, наибольшую плотность текстовая ткань имеет в местах расположения метафор. Так, например наибольшая степень локализации риторических фигур была отмечена нами в интервале от 0,15 до 0,2, которому соответствует следующий текстовый отрывок:

**Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Звездою севера явись!**

Вечор,

В данном фрагменте текстового пространства обнаруживаются следующие риторические фигуры: метафора (выделена в тексте жирным шрифтом), метонимия, эпитет, перифраз, риторическое восклицание. Метафора обладает большой информативностью и характеризуется наглядностью, красочностью, конкретностью. Эмоциональный компонент, входящий в состав метафорических выражений подчеркивает романтическое (идеальное) начало пушкинской лирики. Присутствие в анализируемом интервале риторического восклицания (*навстречу северной Авроры/ Звездою севера явись!*) указывает на экспрессивное напряжение соответствующее сильной позиции в тексте, усиливая прагматический потенциал речи, ее воздействие на восприятие читателя. Эпитет (*северной*) способствует созданию в метафоре большей конкретности, придавая наряду с другими риторическими средствами более зримое представление о субъекте лирического произведения

В интервале от 0,45 до 0,5 представленным следующим текстовым фрагментом

Под голубыми небесами
Великолепными **коврами**
Блестя на солнце, **снег лежит**;
Прозрачный лес...!

риторическое пространство имеет достаточно плотную структуру, ввиду концентрации наряду с метафорой таких риторических фигур как эпитет (*голубыми, великолепными, прозрачный*), и гиперболы (*великолепными*).

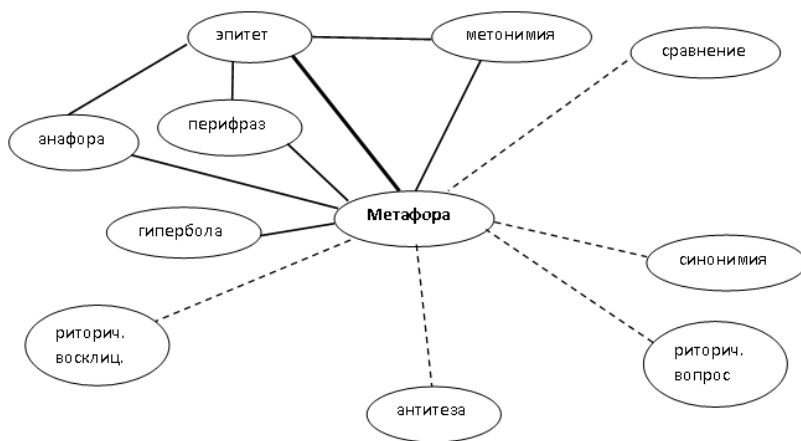
В стихотворении «Ночь» (51 графическое слово) центральной риторической фигурой является метафора, локализирующаяся в интервалах 0,2;0,25;0,35;0,45;0,5;0,55;0,6 и занимающая первое место по частотности (15 графических слов) среди других выразительных средств.

Близ ложа моего **печальная свеча**
Горит; мои **стихи, сливаясь и журча**
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.

В данном случае представлены сильные эмоционально-чувственные проявления, которые автор выражает при помощи развернутой метафоры, вовлекая в мир человеческих чувств и взаимоотношений читателя. Как уже было сказано выше, другие

риторические средства в анализируемом тексте представлены слабо, по степени встречаемости значительно уступают метафоре и не влияют существенно на композиционный рисунок стиха. Так, нами было зафиксировано 6 случаев употребления метонимии, 6 эпизодов использования автором эпитета, 3 примера гиперболы, 2 анафора.

На следующем этапе, на основании совместной встречаемости тропов и фигур в проанализированном корпусе текстов, применяя систему Семограф нами было реконструировано риторическое пространство текста А.С. Пушкина.

Рисунок 1. Риторическое пространство текста А.С. Пушкина

На рисунке 1 видно, что риторическое пространство текста А.С. Пушкина представляет собой структурированную систему взаимосвязанных средств выразительности, в которой метафора выступает в качестве композиционно-смыслового центра организующего вокруг себя другие экспрессивные средства. В риторическом пространстве текста А.С. Пушкина метафора наибольшим образом связана с эпитетом, который почти всегда входит в состав метафорических выражений, например: обитель *дальнюю* трудов и чистых нег; *прозрачный* лес; *простом* углу и т. д. Для анализируемого текстового пространства характерно рассмотрение эпитета не как атрибута, характеризующего явления окружающего мира, а как продукта абстрактной мыслительной деятельности человека, часть развернутого метафорического выражения, где анализируемое средство обладает оценочными или эмоционально-экспрессивными коннотациями и выполняет художественно-

эстетическую функцию. Эпитет занимает далеко не последнее место, в качестве художественного определения реалии, эпитет представляет собой «качественную доминанту художественного текста» [1, с. 210] и входя в состав метафорического выражения способствует организации риторического пространства текста, акцентируя на себе внимание читателя.

Анафорические конструкции, которые ввиду специфики поэтического текста, построенного по принципу повтора, способны «влиять на само построение, организацию стиха» [8, с. 5] занимают ведущее место в создании связности риторического пространства текста А.С. Пушкина, Например:

*Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков
или:*

*Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег*

Гипербола, являющаяся частью метафорического выражения несет в себе ярко выраженную прагматическую функцию, ввиду способности выражать смысл не тождественный реальности, Например: *великолепными* коврами; или *суеверно* им *дивился* посетитель

Особенностью риторического пространства текста А.С. Пушкина является доминантное положение метафоры, это обстоятельство дает нам основания полагать, что исследуемая риторическая фигура обладает способностью локализовывать вокруг себя другие средства выразительности, создавая насыщенную информационную структуру способную воздействовать на реципиента.

Список литературы:

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика [Текст] / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. — 2-е изд. — М.: Флинта; Наука, 2004. — 496 с.
2. Белоусов К.И. Заглавие текста как категория филологической рефлексии / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф. — Челябинск: Изд-во РЕКПОЛ, 2008. — Т. 3 — с. 43—47.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь/ Л.С. Выготский. — М.: Лабиринт, 1999. — 352 с.
4. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации: монография / Н.И. Жинкин. — М.: Политиздат, 1982. — 250 с.

5. Жинкин Н.И. Язык — речь — творчество (Избранные труды) / Н.И. Жинкин. — Издательство «Лабиринт», М., 1998. — 368 с.
6. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику: Курс лекций / Л.В. Сахарный. — Л.: Наука, 1989. — 184 с.
7. Суодене Э.Г. Анафора в лирике М.И. Цветаевой (стилистический аспект): автореферат дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1990 — 23 с.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЕ МИРА КАЗАХОВ

Молдагали Бакытгул

*магистр филологии, Инновационный Евразийский университет,
г. Павлодар*

Понятия пространства и времени раскрывают характер концептуализации нашими предками окружающих объектов. Наряду с этим в казахской картине мира в этом плане представляет интерес соотношение окружающей среды и явлений природы с различными факторами повседневной жизни. Например, *ет асым (пісірім) / время готовки мяса, Сүт пісірім уақыт / время варки молока, шай қайнатым уақыт арасында (ішінде) / во время кипячения чая, бие сауымдай уақыт / время доения кобыл, Азан оқып болғаннан кейін / после призыва к утренней молитвы, азанда / во время чтения утреннего призыва к молитве, ел жатқан уақытта / в то время, когда народ отошел ко сну, әрбір өткен минут сүрленген жылдай болып/каждая минута как год, күн шыққанша / до восхода, тун батып\после заката, ымырт жабылғанша / пока не скроются сумерки, сәске кезінде / поздним утром, бір күні бие ағытар уақытта / в день прекращения дойки коблы и т. д.*

Пространство юрты можно поделить на следующие пространственные зоны:

1. *Есік / дверь,*
2. *Үй / дом, ауыз үй / кухня,*
3. *Төр үй / гостиная,*
4. *Төргі үйдің оң жағы әрі сол жағы / правая и левая стороны гостиной,*
5. *Пеш маңы / пространство у очага.*

С одной стороны, эти зоны не определяют само понятие пространства, но характеризуют пространственно восприятие казахов. К примеру, наш народ никогда не усаживает гостя в левой или правой половине гостиной. Любой гость, будь это даже молодой человек, обязательно должен быть усажен на почетное место — торь. Также о девушке, еще не вышедшей, замуж говорят: «Сидящая по правую сторону». Таким образом указанное пространственное значение по отношению к незамужней девушке является диагностической категорией. Описание «сидящая по правую сторону» является вечной пространственной символической формулой.

Приходя в гости казахи усаживают молодых девушек на почетное место, так как согласно народной мудрости: «девушка обладает удачей сорока обозов». Если девушка сядет на почетное место, то удача освятит это место. «Девушка может навлечь сорок неудач» — если девушку усадить у порога, эти неудачи останутся в этом доме. «Девушка обладает горячей как огонь любовью», если она получит почетное место, то эта любовь поселится в этом доме. «В девушке сидят сорок чертей», если ее усадить у порога, то черти облюбуют порог этого дома. Таким образом наш народ, сохранивший культурной традиции, проявляет свое трепетное отношение к девушкам.

А. Тойшанулы категоризует бытовое пространство казахов следующим образом: «промежуточная межа», «входное пространство», «выходное пространство». Здесь «правая сторона дома выступает как священное пространство в котором происходят традиционные переходные процессы. В этой части юрты появляются на свет младенцы, проводится обряд бракосочетания, провожают в последний путь усопших. Именно здесь проводятся важные сакральные обряды народа [2, с. 138].

Категория «время» у казахов ассоциируется так же, как и у всех народов, с процессами прихода человека в мир и прохождения им всего жизненного пути и тем самым отражает особенности пути развития народа. Изучение категории «время» с позиции этнолингвистики дает возможность выявить национальную самобытность, обычаи и традиции, этнографические значимости, а также этимологические и семантические особенности. В языковой картины мира казахов например, у каждой вещи в этом мире есть начало и конец. Но человек никогда не знает о том сроке, который ему определен на земле. Время — понятие абстрактное. Но оно также является первопричиной возникновения ощущений человека, его стремления строить отношения в этом мире. Время быстротечно, оно необратимо. У каждого народа своё представление о временных циклах завершенность

имеет свои особенности. Так, время — срок, час, время жизни, следуя далее, обитель народа, сфера существования, история, связь веры и сердца. Быстротечность времени, стремление правильно использовать отпущенное время жизни, умение ценить золотую пору жизни декларируется в народной мудрости: *«уақыт — білгенге қазына, білмегенге — быламық»* «время — знающему ценность, несведущему — болтушка» и *«Ерте тұрған әйелдің бір ісі артық, ерте тұрған еркектің ырысы артық»* «Женица, встающая рано делает на одно дело больше, мужчина — получает дополнительное богатство». Народная мудрость учит ценить время, использовать его рационально. Умеющий ценить время достигает благоденствия. Все это находит отражение в языковых единицах культурах.

У кочевых народов, проводивших лето на летовках, зиму на зимовках, осень на осенних пастбищах, в бесконечных кочевках сложились свои представления о времени, которая нашли отражение в языке. В те времена языковые номинации *секунда, минута, час, день, месяц, год*, не имели современного значения и время концептуализировалось именованиями частей человеческого тела либо другими этимологическими единицами. В частности понятие *секунда* определялось следующим образом: *Қас қағым, көзді ашып жұмғанда, қас пен көздің арасында / Время когда успеваешь только мгнуть глазом, время, которое находится между ресницами и бровями человека* и т. д. Минута определялась как *«сүт пісірім» / «время кипячения молока»*, также различаются такие временные отрезки, как *«ет пісірім / «время варки мяса»; ет қайнатым / время закипания мяса; ет асым / время готовки мяса; ас пісірім / время приготовления пищи»*, *«шай қайнатым / время кипячения чая*. Все перечисленные выражения давно перешли в разряд фразеологических единиц и объективируют определенные временные отрезки.

Пространственно-временные циклы нашли широкое отражение в лексической и фразеологической картинах мира Ср.: *Күн / день (тәулік / сутки); жеті күн / семь дней (апта / неделя); Ай / месяц (30 күн / 30 дней); мезгіл / период или тоқсан / сезон (көктем / весна, жаз / лето, күз / осень, қыс / зима, жазғытұры / летнее время, жаз тоқсан / летний сезон, күз тоқсан / осенний период, қыс тоқсан / зимний период); Жыл / год (365 күн / 365 дней); ғасыр / век (100 жыл / 100 лет; жарты ғасыр / полвека — 50 жыл / 50 лет, ширек ғасыр / четверть века — 25 жыл / 25 лет); эра / эра (1000 жыл немесе заман / 1000 лет или эпоха, дәуір / эпоха и т. д.)* — Такие именование времени составляют богатый установившийся слованный запас нашего языка. Мы четко можем проследить отражение в казахском языке

соотношения пространства и времени на основе анализа отбора языкового материала, который сохранился в древних памятниках письменности и устного народного творчества, мифологических произведениях, произведениях акынов и жырау.

В представлении народа мы находим следующие линии концептуализации времени: *секунды* — көзді ашып жұмғанша / время мигания ресницами, пока закроешь и откроешь глаза, қас қағымда / время хлопания ресницами, кірпік қаққанша / время мигания, эп-сәтте / в ту же секунду, лезде / мгновенно, сап етті / резко, сын берді / мелькнуло, жалп етті / сверкнуло, жалт-жұлт етті / мелькнуло-блеснуло и т. д.

Отметим фразеологизмы: «Заманақыр болды, жер тақыр болды / эпоха утасла, земля обеднела», «қилы-қилы заман болар, қарағай басын шортан шалар/ наступят плохие времена» они отражают оценку народом определенных эпох, периодов жизни, в частности время нападений врага на родные степи, время голода, время процветания народа и т. д.

Богатая и самобытная палитра отражения в языке пространство-временных понятий свидетельствует об тесной взаимосвязи культуры и языка каждого народа. В языковой картине мира казахов, проживающих на территории Китая и Монголии, существует такая категоризация дней недели: первые пять дней недели (понедельник, вторник, среда, четверг, пятница) — рабочие дни, шестой день недели (суббота) — половина рабочего дня (жарты азат), седьмой день недели (воскресенье) — полный выходной день (бүтін азат). Поэтому для них привычно именовать дни недели по счету: первый, второй, третий, четвертый, пятый, шестой, седьмой. То же самое и касается и дней месяца.

Например:

«Күлтегін қой жылы, он екінші күні өлді / Культегин умер двенадцатого дня года овцы.

Тогызыншы айдың жиырма жетісінде жерледік / Похоронили двадцать седьмого дня девятого месяца.

... жазба тасын мешін жылы, жетінші айдың / памятник установлен седьмого месяца года обезьяны.

Жиырма жетісінде тегіс аяқтадық / закончили двадцать седьмого» [1, с. 21].

Дни недели назывались: бүгін / сегодня (дүйсенбі / понедельник), ертең / завтра (сейсенбі / вторник), бүрсігүні / послезавтра (сәрсенбі / среда), арғы күні / после послезавтра (бейсенбі / четверг), ауыр күн / тяжелый день (жұма / пятница), ақырғы күн / последний день (сенбі / суббота), азына / убывание (жексенбі / воскресенье).

Наши предки соизмеряли свою жизнь с природными явлениями, изменениями погодных и климатических условий, соотносили себя как неделимую часть природы. Они верили в силу всемогущего создателя, который предопределяет судьбы народов, и это нашло отражение в языке народа и его мифологических памятниках.

Список литературы:

1. Күлтегін. Тонькөк. (жобаның авт. М. Кемел). — Астана: «Аударма», 2002. — 96 бет.
2. Тойшанұлы А. Түрік-моңғол мифологиясы. — Алматы: «Баспалар үйі» АҚ. 2009. — 190 бет.

В. ФОН ГУМБОЛЬДТ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИНГВИСТИКА

Садыков Абдуазим Садыкович

*канд. фил. наук, доцент Узбекского государственного
университета мировых языков, г. Ташкент*

Хожиева Зарина Бахтияровна

*стажер-исследователь-соискатель Узбекского государственного
университета мировых языков, г. Ташкент*

Современная лингвистика представляет собой продукт длительного и довольно противоречивого развития лингвистического знания. И многие ее проблемы могут быть лучше поняты в историческом аспекте, при обращении к далекому или близкому прошлому науки о языке, ибо история языкознания является не только хронологией фактов, а отражает динамику выражения научных мыслей.

Обращение к главным положениям философии языка В. фон Гумбольдта, является неотъемлемой частью теоретического языкознания, так как идеи великого ученого плодотворно влияют на последующее развитие не только лингвистики, но и гуманитарного знания в целом.

Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835) был одним из крупнейших лингвистов-теоретиков в мировой науке. По поводу его роли в языкознании В.А. Звегинцев писал: «Выдвинув оригиналь-

ную концепцию природы языка и подняв ряд фундаментальных проблем, которые и в настоящее время находятся в центре оживленных дискуссий, он, подобно непокоренной горной вершине, возвышается над теми высотами, которых удалось достичь другим исследователям» [4]. В.П. Даниленко совершенно обоснованно заявляет, что все дороги в современной лингвистике ведут к В. фон Гумбольдту, причем другие голоса его не только не заглушают, но, напротив, делают еще значительнее [1, с. 7].

Действительно, несмотря на то, что ученый жил и творил на рубеже XVIII—XIX веков, актуальность его работ не вызывает сомнения. Огромный научный потенциал теоретического наследия Вильгельма фон Гумбольдта заставляет снова и снова обращаться к этому имени. Его работы по лингвистике, истории, философии содержат вопросы, ответы на которые стремятся найти представители современных гуманитарных наук.

Основоположник общего языкознания, В. Гумбольдт одним из первых в истории языкознания обосновал системный характер языка. Ученый настаивал на том, что «для того чтобы человек мог понять хотя бы одно единственное слово, как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех связях должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый отдельный его элемент проявляет себя лишь как часть целого... Человек есть человек только благодаря языку» [2, с. 307].

Это положение получило многообразную интерпретацию у исследователей наших дней, которые придают изучению языка всеобъемлющее антропологическое значение.

Также В. Гумбольдт, был первым среди лингвистов, который сознательно положил в основу своей концепции языковой принцип деятельности. В своей работе «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» Гумбольдт выдвигает тезис: «По своей действительной сущности язык есть нечто постоянное и вместе с тем в каждый данный момент переходящее. Язык есть не продукт деятельности (Ergon), а деятельность (Energeia)» [2, с. 70]. Он подчеркивает, что истинное определение языка как энергией может быть только генетическим. «Язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» — пишет Гумбольдт [2]. Форма языка при этом рассматривается как нечто «постоянное и единообразное в этой деятельности духа». «Генезисная дефиниция» (применяемая как к энергии, так и к форме) — это не определения языка как эргона, то есть в состоянии статики,

а рассмотрение его в действии, выявляющее одновременно и сущность языка. Понимаемая подобным образом форма языка не является «плодом научной абстракции»; она имеет «реальное бытие» не в «языках вообще», а в отдельных языках». Поле и граница действия энергий измеряются масштабом объема конкретного языка.

В. Гумбольдт рассматривает язык в широком контексте:

1. Язык (языки);
2. Человек, народ, племя, человечество;
3. Мир, природа, предметная действительность;
4. Мысль, мышление, мировидение;
5. Дух, национальный дух;
6. Цивилизация, культура, этнос;
7. Деятельность, действие, сила.

При этом ученый подчеркивает, что связующим звеном между этими элементами служит категория деятельности. Определение языка как деятельности у В. Гумбольдта самым тесным и неразрывным образом переплеталось с подчеркиванием творческого характера языка. Источником творческой силы языка, по Гумбольдту, является неразрывная связь языка и мышления.

Связь языка и мышления настолько безусловна, что «язык есть обязательная предпосылка мышления и в условиях полной изоляции человека» [2, с. 76]. Необходимая взаимообусловленность и взаимовлияние языка и мышления являются тем фактором, который делает человека человеком, отличая его от остальной природы. Природный звук, по Гумбольдту, завершает лишь «чувство», мыслям же необходим язык: «хотя чувство везде сопровождает даже самого образованного человека, он тщательно отличает свой экспрессивный крик от языка. Если он настолько взволнован, что не может даже и подумать отделить предмет от самого себя даже в представлении, у него вырывается природный звук; в противоположном случае он говорит и только повышает тон по мере роста своего аффекта» [2, с. 302].

Данное положение получило разнообразную интерпретацию у лингвистов в XX веке, областью исследования которых стала ментальная проблематика.

Другая центральная проблема лингвистической концепции В. фон Гумбольдта — это учение о тождестве «духа народа» и его языка. В понимании В. Гумбольдта, теория должна базироваться на понятии творческой деятельности, свойственной человеку, воплощающейся в языке и реализующейся силой мысли неоднородным образом в общественных образованиях — народах — и присущим им свойствам, что ныне можно соотнести с национальным характером. Язык

представляет собой создание нации, но в то же время, он ею руководит, формируя и определяя национальный характер. Для говорящей на нем нации язык становится «органом постижения мира, возникновения и формирования идей, импульсом для развития духовной деятельности человечества» [3, с. 369]. В. фон Гумбольдт признает «дух народа» причиной языкового разнообразия, а также утверждает, что язык развивается по законам духа: «...язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо тождественное». Язык же есть способ видеть мир, (мировидение). «Язык — это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [2, с. 304]. Следовательно, различные языки, по своей сути, по своему влиянию на познание и на чувства являются в действительности различными мировидениями [3, с. 370].

Таким образом, говорить на языке, согласно В. фон Гумбольдту, это не просто рассказывать, это передавать то, как ты видишь мир. Обращаясь к человеку, мы тем самым обращаемся к его образу мира, связанному языком. «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы. Лишь в этих пределах, допускающих широкие расхождения, люди сходятся между собой в понимании одного и того же слова» [2, с. 165].

Необходимо отметить, что эта идея положила начало целому направлению в современном языкознании. Считая язык проявлением «национального духа», Гумбольдт стремится показать, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают действительность и действуют в ней. Следовательно, «картина мира» («образ мира») зависит от особенностей языка, что и определяет характер мыслительной деятельности человека.

Итак, Вильгельм фон Гумбольдт занимает в науке о языке совершенно особое место. Выдвинув оригинальную концепцию природы языка и подняв ряд фундаментальных проблем, ученый обогатил лингвистику XIX и XX веков, а также, без преувеличения можно сказать, что лингвофилософская концепция В. фон Гумбольдта представляет сокровищницу глубоких и плодотворных идей, остающихся актуальными и на современном этапе развития науки.

Список литературы:

1. Даниленко В.П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство.— М., 2010. — 216 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — 396 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. — М.: Прогресс. 1985. — 452 с.
4. Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/zveginsev-84.htm#1> (дата обращения 08.12.2012).

СПЕЦИФИКА И СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Щербинина Елена Михайловна

*ассистент каф. второго иностранного языка факультета
Романо-германской филологии Белгородского Государственного
Университета, г. Белгород*

Человек, будучи по своей природе существом социальным, не может жить вне связи с другими людьми: он должен советоваться, делиться идеями, чувствами, мыслями, сопереживать, искать понимания и т. д. Началом связи с другими людьми является общение (или коммуникация), реализующееся посредством речи через коммуникативные акты. Коммуникативные акты связаны с личностью говорящего и личностью слушающего через язык и его адекватное понимание обеими сторонами. Акты речи связаны также с практикой предыдущих поколений, говоривших на том же языке, и с опытом человечества, говорившего на родных языках. Выдвигая коммуникативную функцию языка в качестве его базовой функции, Г.В. Кольшанский отмечает, что «язык, являющийся формой существования мыслительной деятельности человека, охватывает собой все сферы индивидуальной и общественной жизни человека и является составной частью человеческой природы и теоретической деятельности как индивидуума, так и социума» [4, с. 8]

Акты общения составлены как из известных и сходных единиц, так и из новых и неоднородных по структуре и семантике. Но все множество актов общения группируется по сходству и различию единиц, их составляющих. Большие группы актов общения, связанные культурной исторической преемственностью и функционирующими в определенном

социуме определенное время, называют языками. Общественный характер трудовой деятельности человека и необходимость коллективного знания обусловили появление специфических форм взаимодействия людей: общение, обмен мыслями, сведениями, идеями и пр. все это непременно ведет к аккумуляции знания о внешнем мире внутри человека, как единицы этого мира. Основными составляющими коммуникативной деятельности являются: язык, речь, речевая деятельность, которые реализуются в речевых актах, что в совокупности и есть лингвистика общения. Лингвистика общения является собой язык в действии, в центре которого стоит общающаяся личность, реализующая свою познавательную-коммуникативную деятельность, результатом которой является текст. Совокупность всего многообразия характеристик ситуации, в которой находится текст, и составляет среду его существования. Кроме того, на правильность восприятия текста влияет также необходимый общий фонд знаний конкретной личности, вступающей в акт коммуникации. Подобную личность, выражающую вербально или письменно свои мысли, принято называть языковой личностью. Языковая личность реализует себя, прежде всего, в создании речевых произведений — дискурсов. При этом структура дискурса выступает отражением особенностей языковой личности, и в том числе — её коммуникативной компетенции.

Дискурс — это своеобразное единство, которое с помощью лингвистических вербальных средств представляет действительность. Это — «речь, погруженная в жизнь» [1, с. 137]. Наше внутреннее представление реальности имеет некоторое сходство с реальностью внешней, но когда мы абстрагируем и преобразуем полученную информацию, мы делаем это в свете нашего эмпирического опыта, формирующего так называемую базу данных.

Дискурс — это сложное образование, имеющее три измерения: участники коммуникации, ситуация общения и сам текст. Поэтому при построении типологии дискурса необходимо учитывать то, что ведущим среди этих трех измерений, по нашему мнению, является категория участников общения, т. к. именно они являются создателями текста, который не всегда может соответствовать ситуации общения.

Изучение лингвистического механизма, влияющего на концептуальное представление знаний из базы данных — это одна из важных проблем современной когнитивной лингвистики. Под воздействием установок, допущений и принципов когнитивной науки в лингвистике формируется новый подход к изучению языка. Этот подход направлен непосредственно на выяснение взаимосвязей и взаимодействий между языком и познавательными, мыслительными процессами.

Лингвистика общения являет собой язык в действии, в центре которого стоит общающаяся личность, реализующая свою познавательно-коммуникативную деятельность, результатом которой является текст. Совокупность всего многообразия характеристик ситуации, в которой находится текст, и составляет среду его существования. Текст, находящийся в ситуации реального общения, являет собой дискурс. Социолингвистический анализ дискурса предполагает обращение к стандартным жанрам определенных типов дискурса. К числу таких типов относятся: политический, рекламный, педагогический, научный, медицинский и другие разновидности общения, закрепленные в их жанровом многообразии в соответствии со сложившейся в обществе системой норм поведения в определенных сферах деятельности.

На первом уровне классификации типов дискурса выделяется личный и институциональный дискурс. Участники личного дискурса проявляют качества своей личности, не опираясь на устоявшиеся нормы, в то время как институциональный дискурс требует от участников общения клишированного типа, проходящего в соответствии с нормами данного социума в общественных институтах.

Следующий уровень классификации предполагает дальнейшее уточнение и конкретизацию указанных двух типов дискурса. Личностный дискурс в зависимости от цели общения можно подразделить на художественный (самовыражение говорящего) и обиходный (удовлетворение практических потребностей говорящего) [2, с. 87]. Реализация обоих типов дискурса происходит в различных коммуникативных ситуациях.

Для определения типов институционального дискурса необходимо учитывать цель коммуникации. В нашем исследовании это обмен информацией в среде специалистов, а именно — сельскохозяйственный дискурс, касающийся сферы мясопереработки. Таким образом, представляется возможным выделить, применительно к современному социуму: политический, административный, юридический, военный, педагогический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный и др. виды дискурса [3, с. 190]. Что касается нашего исследования, мы рассматриваем сельскохозяйственный дискурс в его проявлении в области мясопереработки.

В каждом из перечисленных выше видов институционального дискурса реализуются свои, отличные от других коммуникативные ситуации. С точки зрения структуры рассматриваемый тип дискурса можно охарактеризовать следующим образом: общетехническая лексика как аспект данного типа дискурса характеризуется высокой когнитивной значимостью. В сельскохозяйственном дискурсе выде-

ляется общенаучная, общетехническая, профильная и узкоспециальная терминология, в совокупности образующая когнитивно-вербальную основу данной научно-профессиональной коммуникации. В нашем случае также имеет место возникновение новых терминов, обозначающих предметы, возникающие вследствие нововведений в технологию переработки мясной продукции: die Benervung (жилкование), das Abspitzen (набрызгивание), das Abschnitten (жиловка).

По нашим наблюдениям, в дискурсе мясопереработки общетехнических терминов, относящихся к пищевой сфере, сравнительно немного: der Bauch (грудинка), der Nacken (шейка), das Auslösen (обвалка), кроме того, они, употребляясь в данном контексте, принимают более узконаправленное значение, обозначая уже не названия блюд, а части туши, на которые происходит разделка: das Nackensteak (стейк из шейки), der Fettkuchen (шквара), der Holzfäller (стейк из лопатки) и т. п.

Узкоспециальная терминология как понятийно-когнитивная основа дискурса сферы мясопереработки отличается деривационным и семиотическим своеобразием. Вслед за большинством ученых — термиологов узкоспециальную терминологию мы определяем как специальную лексику, которая функционирует только в одной-двух когнитивных сферах, имеет иноязычное происхождение, четкую дефиницию и не имеет синонимов [5, с. 85]. Рассматриваемые нами термины в целом обладают отмеченными понятийно-функциональными и семантико-деривационными признаками, характеризуясь наличием четких дефиниций, однозначностью в пределах сельскохозяйственного дискурса, системностью, деривационной заданностью. Таким образом, лексическая основа исследуемого нами типа дискурса представляет собой особый пласт языка, функционирующий в определенной профессиональной среде, достаточно адаптированный под данную среду и однозначно понимаемый участниками профессионального взаимодействия.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Наука, 2000. — с. 136—137.
2. Борботько В.Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): дисс докт.филол.наук. — Краснодар, 1998. — 250 с.
3. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сборник научных трудов. — Волгоград: Перемена, 1998. — с. 185—187.
4. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. — М.: КомКнига, 2006. — 128 с.
5. Краткий словарь иностранных слов. Под общей редакцией Л.С. Сергеева, Н.П. Браило. М., 1985. — 376 с.

3.11. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ХАРАКТЕР СИНОНИМИЧЕСКОГО ИЗЛУЧЕНИЯ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ KÄYDÄ, MENNÄ И TULLA)

Кучер Игорь Анатольевич

преподаватель

*Киевского национального лингвистического университета,
г. Киев*

Современная лексическая семантика открывает новые аспекты в изучении системных отношений между лексическими единицами в разных языках.

Развитие полисемантности слов с синонимическим значением в пределах одного языка приводит к появлению у них одинаковых новых значений. Такое параллельное развитие значений в финском языкознании получило название *синонимического излучения* [4, с. 47]. Одновременно с появлением новых лексических значений расширяется область применения слова, увеличивается потенциальная возможность сочетания его с другими словами [3, с. 120]. Для того чтобы слово выразило новое понятие, оно должно вступить в новые отношения с лексико-семантическими вариантами. Именно эти отношения обуславливают специфику и структуру нового лексико-семантического значения [2, с. 10]. В финском языкознании для обозначения членов предложения, которые влияют на лексическое значение предиката, встречается термин *рамка предиката* [5, с. 165]. Проследим процесс изменения рамки предиката на примере глаголов движения, которые в своем семантическом развитии не только обобщали все больше и больше видов движения, но и включили в свою семантику более абстрактно-отвлеченные значения.

Со сменой лексического значения финского глагола *käydä* — *ходить* изменяется свобода его реализации: свободное значение стает фразеологически или конструктивно связанным, конструктивная

обусловленность переходит во фразеологическую и, наоборот, одна конструктивная обусловленность сменяется на другую, а фразеологическая связанность с одним словом уступает место связанности с другим словом. Так, от свободных значений финского глагола *käydä* образовалось конструктивно обусловленное значение «случаться, происходить», которое реализуется только в безличной форме с наречием способа действия: *jos hyvin käy, olemme aamulla perillä* — букв. *если все пойдет хорошо, будем утром на месте*.

С изменением лексического значения глагола *käydä* изменяется также и его валентность и категория переходности, а также полнота его грамматической парадигмы. Так, непереходный глагол *käydä* со значением «посетить какое-то место / какие-то места» (*kävin saunassa* — букв. *я сходил в баню*) при добавлении семы 'завершенность действия' становится переходным глаголом со значением «обойти / пройти определенное место / места»: *hän on käynyt kaikki kaupat* — букв. *он обошел все магазины*. Глагол *käydä* в значении «дуть (о ветре)» имеет неполную грамматическую парадигму и реализует данное значение только в форме третьего лица: *kaduilla käy pureva viima* — букв. *на улице дует пронизывающий ветер*. Соответственно, и валентность глагола уменьшается до единицы, то есть до субъектной валентности.

Исследование случаев реализации лексических значений глагола *käydä* показывает, что субъект и объект действия почти всегда находятся в тесной связи с лексическим значением, выражаемым предикатом. Это накладывает на них определенное ограничение. Любое существительное не может стать субъектом или объектом определенного предиката, не приводя к потере логической содержательности предложения или изменению значения предиката. Так, если в предложении *Ei käy työ niin kuin ennen* — букв. *Не идет работа как раньше* заменить субъект *työ* — *работа* на *kello* — *часы*, то изменится и лексическое значение предиката: с «происходить, прибегать, идти (о действии, процесс)» на «работать, функционировать, идти (о механизмах, машины)». А если в этом предложении в роли субъекта использовать, например, существительное *talo* — *дом*, то предложение в целом и предикат в частности потеряют свой смысл. Соответственно, сфера субъекта и объекта практически любого предиката ограничивается определенным кругом понятий. Этот круг может быть очень широким, как, например, в случае с группой значений «происходить, прибегать, идти (о действии, процессе)», так и очень ограниченным: «вступать в силу» (реализуется со словом *voima* — *сила* в форме иллатива единственного числа: *käydä voimaan*),

где в качестве субъекта может быть только слово, обозначающее разновидность законодательного акта.

Тем не менее, лексическое значение «стать каким-то / чем-то / кем-то» (реализуется с существительным в форме транслатива) показывает, что существуют значения, при которых ни субъект, ни объект не влияют на лексическое значение, выражаемое предикатом. Объектная валентность у предиката с этим значением вообще отсутствует, поскольку глагол с таким значением является непереходным, а в роли субъекта может быть любое понятие, поскольку предикат выражает абстрактный и обобщенный процесс.

Таким образом, природа процесса или действия, выражаемого предикатом, зависит не только от самого предиката, а и от других лексических единиц в предложении, с которыми связан предикат.

Рассмотрим процесс синонимического излучения на примере трех основных глаголов движения: *käydä* — основное значение «ходить, идти, посещать», *mennä* — осн. знач. «идти, пойти, поехать» и *tulla* — осн. знач. «приходить, приезжать». Все три глагола входят как в число наиболее употребляемых, так и в число наиболее полисемантических в финском языке. В своем основном значении все три глагола являются синонимичными и обозначают движение без акцентуации значения способа движения, важно лишь направление движения. Семантика данных глаголов как раз и отличается направлением: *käydä* обозначает движение туда и обратно, *mennä* — движение от агенса и *tulla* — движение к агенсу. Многие производные значения этих трех глаголов движения также являются синонимическими, что и есть результатом синонимического излучения. В таблице 1 сравниваются некоторые синонимические производные значения упомянутых трех глаголов.

Интересно, что оппозиция направления движения у параллельных производных значений рассматриваемых глаголов уже не реализуется и эти значения становятся значительно более близкими друг другу по своей семантике. Глаголы можно даже в большинстве случаев поменять местами без изменений в семантике предложения. Это касается всех приведенных в таблице 1 значений, кроме значения 3.

Таблица 1.

Соотношение некоторых производных лексических значений глаголов *käydä*, *mennä* и *tulla*

№	глагол значение	<i>käydä</i>	<i>mennä</i>	<i>tulla</i>
1	«идти, наступать (про время)»	<i>Aika käy eteenpäin.</i> — <i>Время идет вперед.</i>	<i>Aika menee nopeasti.</i> — <i>Время идет быстро.</i>	<i>Tuli talvi.</i> — <i>Наступила зима.</i>
2	«попадать»	<i>Luoti kävi maaliin.</i> — <i>Пуля попала в цель.</i>	<i>Roska meni silmään.</i> — <i>Соринка попала в глаз.</i>	<i>Öljyä tuli veteen.</i> — <i>Нефть попала в воду.</i>
3	«идти, случаться, происходить»	<i>Minulle kävi samoin.</i> — <i>Со мной случилось то же самое.</i>	<i>Minulla kaikki menee hyvin.</i> — <i>У меня все идет хорошо.</i>	<i>Mikä sinulle tuli?</i> — <i>Что с тобой случилось?</i>
4	«становиться кем-то/чем-то/каким-то»	<i>Asia käy ymmärrettäväksi.</i> — <i>Дело становится понятным.</i>	<i>Hän meni kalpeaksi</i> — <i>Он побледнел (стал бледным).</i>	<i>Hän tuli taiteilijaksi.</i> — <i>Он стал художником.</i>
5	«идти, пролегать (про путь)»	<i>Tie kävi metsän kautta.</i> — <i>Дорога шла лесом.</i>	<i>Pitkin rantaan menee polku.</i> — <i>Вдоль берега проходит тропинка.</i>	—
6	«годиться, подходить»	<i>Avain käy lukkoon.</i> — <i>Ключ подходит к замку.</i>	<i>Talo vielä menisi korjattuna.</i> — <i>Дом еще подошел бы, если бы его отремонтировали.</i>	—
7	«продаваться»	<i>Käy hyvin kaupaksi.</i> — <i>Хорошо продается.</i>	<i>Menee hyvin kaupaksi.</i> — <i>Хорошо продается.</i>	<i>Tulee hyvin kaupaksi.</i> — <i>Хорошо продается.</i>

Как видно из таблицы 1, вместе с параллельным развитием значений часто происходит и параллельное развитие сочетаемости лексемы. Например, у всех приведенных значений одинаковая валентность:

- значение 1 — валентность 1,
- значение 2 — валентность 2,
- значение 3 — валентность 2,
- значение 4 — валентность 2,

- значение 5 — валентность 2,
- значение 6 — валентность 1,
- значение 7 — валентность 2.

У всех значений таблицы 1 одинаковая лексическая и конструктивная связанность:

- значение 1 — лексическая связанность с существительным в значении времени или временного отрезка,
- значение 2 — конструктивная связанность с существительным в форме иллатива,
- значение 3 — валентность 2,
- значение 4 — конструктивная связанность с существительным в форме транслатива,
- значение 5 — лексическая связанность с существительным в значении пути,
- значение 6 — свободное,
- значение 7 — лексическая связанность с существительным *kauppa* — *торговля* в форме транслатива.

Однако лишь у глагола *käydä* произошло образование переходных значений, например, *käydä ruokalista läpi* — *просмотреть меню*. У глаголов *tennä* и *tulla* имеются лишь непереходные значения, а это свидетельствует о том, что синонимическое излучение не распространилось на категорию переходности рассматриваемых глаголов.

В разных языках слова, совпадающие по своим основным значениям, очень часто не совпадают по своим производным значениям [4, с. 48]. То есть, в разных языках развитие семантики слов идет своим путем, что обусловлено как лингвистическими, так и внелингвистическими факторами. Следовательно, синонимическое излучение действует только в рамках одного языка и обычно не распространяется на синонимические лексемы других языков.

Таким образом, природа процесса или действия, выражаемого предикатом, зависит не только от самого предиката, а и от других лексических единиц предложения, с которыми связан предикат. Именно контекст дает возможность участнику коммуникативного акта понять, какое именно значение полисемантической единицы имеется в виду. Появление нового лексического значения часто меняет взаимосвязь лексической единицы с окружающими ее лексемами, а также влияет на семантическое развитие близких по значению лексем благодаря процессу синонимического излучения. Такое параллельное семантическое развитие лексем, в свою очередь, приводит к параллельному изменению сочетаемости предиката с другими членами предложения.

Список литературы:

1. Большой финско-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. — 816 с.
2. Звегинцев В.А. семасиология. М.: Наука, 1957. — 232 с.
3. Муравицкая М.П. Некоторые вопросы полисемии. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1964. — 32 с.
4. Kangasniemi H. Sana, merkitys, maailma. Katsaus leksikaalisen semantiikan perusteisiin. Helsinki: Finn Lectura, 1997. — 113 s.
5. Leino P. Polysemia — kielen moniselitteisyys. // Kieli 7. Suomen kielen kognitiivista kielioppia 1. — Helsinki: Department of Finnish, University of Helsinki, 1993. — 211 s.

ХАОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ КАУЗАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Лемииш Наталья Евгеньевна

*докторант Киевского национального лингвистического университета,
г. Киев*

Язык — это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому начиная с XIX в. (Я. Гримм, В. Гумбольдт, А.А. Потебня) и по сей день проблема взаимосвязи, взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в языкознании. Будучи опосредующим звеном между человеком и окружающим его миром, язык находится в неотъемлемой связи с действительностью.

Культура каждого исторического периода своеобразна, индивидуальна, каждой культуре соответствует определенный тип мышления вообще, научного в частности. В таких условиях говорить о научной истине и объективности исследований достаточно сложно, тем более что современное научное знание погружается теперь уже не в контекст культуры, обладающей своими уникальными особенностями, а в контекст «повседневности» — сиюминутных бесконечно разнообразных и постоянно меняющихся обстоятельств. Освобождение от индивидуальности в конце XX века явилось знаком слияния научного знания с социальным контекстом [2, с. 257].

Согласно замечанию Л.А. Марковой, в классической науке каждая следующая во времени теория включала в себя все ценное,

что содержала в себе предыдущая. В целом же, новое знание всегда признавалось более совершенным, точным, более адекватно отражающим окружающий мир, поскольку новая теория объясняла все те факты, которые могла объяснить и предыдущая теория, но плюс к этому она решала и трудности, которые были не под силу ее предшественнице [2, с. 255].

В центре нашего исследования находится экспликация каузального комплекса в разноструктурных языках (английского, нидерландского, испанского, французского, украинского, русского), прежде всего это обусловлено универсальностью категории каузальности, которую он выражает, а также тем фактом, что установление каузальных отношений служит основным способом организации ментальных процессов человека. К тому же к концу прошлого столетия такие понятия как время, пространство, *причинность* (= каузальность), наряду с истинностью и объективностью, существенно трансформировались в интерпретациях науки, а, следовательно, являются актуальными для изучения.

Цель нашей работы состоит в установлении средств выражения каузальных микроструктур на глубинном и поверхностном уровне в разных языках, однако это невозможно без ознакомления с основными лингвофилософскими идеями современности. Таким образом, главная задача на данный момент заключается в описании хаологического подхода и целесообразности его применения при изучении каузального комплекса.

Несмотря на то, что конец XX ст. стал началом эпохи постпостструктурализма с идеологической основой постпостмодернизма, для которых характерна виртуальная реальность / квазиреальность, в рамках данной статьи особое внимание мы хотели бы уделить именно хаологическому подходу (направлению постструктурализма), поскольку, по нашему мнению, он ещё не исчерпал своего потенциала, в частности касательно каузальных отношений.

Изначально понятие *хаоса* применялось в физике, однако с начала 80-х годов XX ст. было транспонировано в гуманитарные науки и стало использоваться в синергетических исследованиях общества, культуры, сознания, дискурса, языка и т. д. Под *хаосом* понимают динамическое естественное состояние физического, социального, культурного, ментального и т. п. окружения, которое противостоит порядку. Последний занимает второстепенную позицию и является производным по отношению к первому. Введение понятия *хаос* в лингвистические исследования даёт возможность изучать язык и его дискурсивные продукты в сложных отношениях различных внешних и внутренних детерминант, углубляет представление

о взаимодействии лингвальной аналогии и аномалии, об эволюции языка, языковых изменениях, детализирует знания о коммуникативных процессах, связи языка и сознания [4, с. 781]. Считается, что именно *хаос* может структурировать мир. Появление *хаологии* (франц. *chaologif.*, англ. *chaology*, нем. *Chaologie*) в конце прошлого века ознаменовало новый этап развития теоретической мысли постструктурализма. По мнению Е.А. Селивановой, основными теоретиками *хаологии* в сфере гуманитарных наук являются Жорж Баландьё, Жиль Делёз, Жан Бодрийяр, др. Рассмотрим идеи вышеупомянутых учёных с точки зрения их соотносённости с предметом нашего исследования.

Итак, Ж. Баландьё подчеркивает, что *хаология* не является «апологией беспорядка», это — особая наука, которая предлагает другую его репрезентацию. Будучи представителем новейшей генерации постмодернистов, он, в первую очередь, ищет закономерности наличного хаоса, чтобы выяснить, может ли из него родиться какая-либо организация, а и из порядка возникнуть что-то новое. По мнению Баландьё, современная наука в условиях «сомнительной реальности» изучает лишь «игру возможностей», и отводит важное место энтропии и беспорядку, при этом её аргументация становится всё более ограниченной. Аналитик Баландьё основными терминами современности считает *движение* (определяющееся *деконструктивизмом* и *симуляцией*) и *неуверенность*.

В любом обществе на сложившееся положение, согласно Ж. Баландьё, возможна реакция таких типов:

1. установление тоталитарного порядка (тотальный);
2. поиск и установление религиозного характера в сознании человека (личностный);
3. признание «порядка через движение» и осознание необходимости регулярного обновления жизни в условиях постоянных изменений (прагматический).

Такой подход даёт подтверждение непостижимости истины: существует лишь переход от одной истины к другой, при этом люди не порождают ни истинного, ни ложного — есть только то, что есть. Понять истину как единую возможно было бы при твёрдом порядке, но постоянные изменения и беспорядок делают ее неизбежно «плюралистичной» [3].

В применении к каузальному комплексу идеи Ж. Баландьё говорят о том, что не всякая причина может быть истинной, и никакое следствие не будет иметь одной единственной постоянной причины.

Для Ж. Делёза очень важна идея двойной причинности / каузальности (наличие реальных причин и квази-причин). Рассмат-

ривая события, которые лежат на поверхности, он замечает, что, на первый взгляд, они расположены хаотически, беспорядочно, и проблема характера их взаимодействия, возможности / невозможности причинных отношений между ними стоит достаточно остро. Ж. Делёз полагает, что события-эффекты на поверхности обладают автономией, которая задается, во-первых, их отличием от причины, а во-вторых, их связью с квази-причиной. Квази-причину события-смысла учёный разъясняет через парадоксальный элемент и нонсенс.

Между смыслом и нонсенсом существует некоторое специфическое отношение, которое не совпадает с отношением между истиной и ложью, это определенного типа внутренняя связь, некий способ их соприсутствия, и этим, по словам Ж. Делёза, задается вся логика смысла [2, с. 280]. Нонсенс противоположен отсутствию смысла, а не самому смыслу. «Смысл принадлежит поверхностному эффекту, он неотделим от поверхности, он не принадлежит высоте или глубине. Поверхность — вот его измерение. Это не означает, однако, что смыслу недостает глубины или высоты. Скорее наоборот, высоте и глубине недостает поверхности, смысла, и они обладают им только благодаря «эффекту», предполагающему смысл» [2, с. 281]. Ж. Делёз подчёркивает, что глубина действует необычным образом: «посредством своей способности организовывать поверхности и сворачиваться внутри поверхностей» [1, с. 29]. Глубину или бездну он называет еще *хаосом*, для которого характерно «не столько отсутствие определенностей, сколько бесконечная скорость их возникновения и исчезновения <...>. Хаос — это не инертно-стационарное состояние, не случайная смесь. Хаос хаотизирует, растворяет всякую консистенцию в бесконечности» [1, с. 30]. Извлекая хаос на поверхность, Ж. Делёз стремится логически ее упорядочить. Его философия ориентирована не от множественного к единому, а от бесосновной глубины к индивидуальному. Отсюда возможность говорить о плюрализме постмодернистской философии данного учёного.

Применительно к изучению каузального комплекса, безусловно, важно выделение Ж. Делёзом наличия реальных и квази-причин. Выделение же способности глубины организовывать поверхности говорит о том, что изучение средств экспликации каузального комплекса более рационально начинать с глубинных структур, при этом поверхности в разных языках могут очень отличаться.

В заключение кратко рассмотрим несколько идей Ж. Бодрийяра. В целом, он считал, что значение практически самореференциально, т. е. объекты, изображения объектов, слова и знаки находятся

в «паутине» значения; понять значение одного объекта можно только в отношении к значению других объектов. Он ввёл понятие *гиперреальности*, основой которой является *симуляция*, а единицами, соответственно, — *симулякры*. Последние представляют собой знаки, которые не являются самождественными, а отсылают к чему-то другому. Ж. Бодрийяр также развил учение о трёх порядках симулякров: копии, функциональные аналоги и собственно симулякры. Выделение симулякров в очередной раз подтверждает необходимость учитывать самые разные (хаотичные и даже абсурдные) варианты значений лексических / грамматических / концептуальных / интертекстуальных единиц при изучении каузальных отношений, поскольку ограниченность в привлечении фактического материала неизбежно приведёт к необъективности результатов исследования.

Хаологический подход, таким образом, сводит к минимуму вероятность пренебрежения и как следствие упущения из анализа фактических данных при отборе иллюстраций для обработки. Таким образом, мы считаем его целесообразным для применения к нашему исследованию. В перспективе планируется представить практические наработки для подтверждения рассмотренных данной статье теоретических положений.

Список литературы:

1. Делёз Ж. Логика смысла. — М. — Екатеринбург, 1998. — с. 29—31.
2. Маркова Л.А. Наука и логика смысла Ж. Делёза // Философия науки, 2000. — Вып. 6. — с. 254—281.
3. Постмодернизм. Словарь терминов [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.russo.com.ua/postmodernizm_slovar_terminov/page/haologiya.148/ (дата обращения 07.12.2012).
4. Селіванова О.О. Лінгвістична енциклопедія. — Полтава: Довкілля-К, 2010. — с. 781.

СИМВОЛ В КОГНИВНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Пащикова Надежда Игоревна

*канд. филол. наук, доцент Киевского национального
лингвистического университета, г. Киев*

Семантическое поле культуры представляет собой сложные иерархические системы знаков, часто не элементарные, а многоуровневые [4, с. 260]. В качестве примера элементарной системы знаков материальной культуры Н.Б. Мечковская приводит систему ордеров колонн древней Греции, примером многоуровневой системы могут служить локальные комплексы традиционной народной одежды, состоящие из верхнего, поясного, нательной одежды, обуви, головных уборов, украшений, аксессуаров и т. д.

Знаки материальной культуры носят социально-дифференциальный характер, в чем проявляется их индексальность. Это создает семантическое почву для возникновения паремий, как, например, украинское «*видно пана по халявах*». Благодаря этой же функции материальных знаков этнической культуры головные уборы украинского казачества указывали на статус в военной иерархии: конусообразные шапки носили реестровые, в форме берета — выборные, особые головные уборы отличали компанейских, запорожских, черноморских казаков, старшина носила шапки с разрезом на околыше, только гетманы имели право на шапку-султанку [1, с. 43]. Традиционный украинский женский головной убор выполнял функции социального, возрастного, семейного, ритуального индекса, указывая на принадлежность девочке, девушке на выданье, невесте, женщине, имеющей определенное количество детей, вдове; специальный головной убор готовили на смерть, на похороны, на свадьбу для свекрови, свахи и т. д. В контексте народных традиций и обрядов (по смежности со своими первоначальными функциями) эти материальные знаки становятся символами: *венки с лентами* — символом девичества, *платок* — замужества. Подобным образом *кожух* превращается в символ здоровья, богатства, плодородия в контексте свадебного обряда. Цвет традиционной женской поясной одежды украинок — *запаски* или *плахты* — и рисунок на ней представляли собой сложную знаковую семантическую структуру, противопоставляющую функциональные значения: на будни — на праздник — на похороны, девичья — женская — старушечья и т. д. В обобщенном смысле в контексте украинской исторической среды

гетманской эпохи *серяк* и *свитка* были символом украинского крестьянства, *жупан* — дворянства, *кармазин* — казацкой верхушки.

Понятия *культурный знак* и *символ* диффузны и взаимопроникающи, и это условие касается знаков любого языка, вербального или невербального. Знак превращается в символ благодаря конвенции [4, с. 164]. Символ приобретает определенное значение только в конкретном контексте.

Отметим, что понятия *знак* и *символ* различались еще в древнегреческой философии, о чем свидетельствует сохранившийся до наших дней диалог Платона «Кратил» [5, с. 614—679].

В современной украинской этнокультурологии термины *знак* и *символ*, к сожалению, еще не всегда четко разграничиваются.

В идеале любая система знаков стремится к однозначности. Как отмечал Г. Шухардт: «Идеал всемирного языка заключается в том, чтобы каждое слово имело только одно значение, а каждая вещь — единственное обозначение <...>. Достижению ясности в наибольшей степени могло бы способствовать сопоставление многозначных слов с вещами, которые имеют много наименований» [8, с. 202]. Однако в этнокультурной реальности каждый знак является многозначным, и только конкретный контекст может порождать его единственное ситуативное значение. Вследствие постоянного включения знака в сложную и меняющуюся систему парадигматических, синтагматических и прагматических (контекстуальных) отношений преобладание в нем того или иного репрезентационного аспекта зависит от конкретной ситуации, окружения, в котором выступает знак [9, с. 1433].

Семиотическая специфичность символа состоит именно в многозначности, что обуславливает его неисчерпаемость, способность трактоваться в каждой ситуации и каждым интерпретатором по-своему.

Основным постулатом современной культурологии является признание символического характера культуры. Теорию символической организации культуры впервые обосновал О. Шпенглер в труде «Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории», утверждая, что в основе всех этнических культур лежат своеобразные прасимволы [7].

Символ как культурно-философский знак детально исследовал А.Ф. Лосев, сформулировав его определение как многомерной единицы: «Символ есть функция действительности, способная включать в себя бесконечный ряд членов, вступающих в бесконечно разнообразные структурные объединения. Символ есть смысл действительности. Символ есть интерпретация действительности. Символ

есть сигнификации действительности. Символ есть преобразование действительности. Символ строится как вечная смена и творчество» [2, с. 214—215].

Э. Сепир выделял две постоянные характеристики символов:

1. «каждая символика предполагает существование значений, которые не могут быть непосредственно выведены из контекста,
2. символ выражает сгусток энергии, т. е. его истинная значимость непропорционально больше, чем на первый взгляд тривиальное значение, выраженное его формой как таковой» [6, с. 205].

Итак, символ определяется как многозначный конвенциональный социально-культурный знак, содержание которого представляет идею или образ, постигается интуитивно и не может быть выражено однозначно раз и навсегда адекватно вербальным способом. Двойственная природа символа проявляется в том, что он одновременно выступает и как инвариантная сущность относительно исторических изменений, и как смысловое образование, трансформируемое под влиянием культурного контекста. По этому поводу Ю. Лотман писал: «Смысловые потенции символа всегда шире их конкретной реализаций: связи, в которые вступает символ с тем или иным семиотическим окружением в силу своего выражения, не исчерпывают всех его смысловых валентностей. Это и создает тот смысловой резерв, с помощью которого символ может вступать в неожиданные связи, изменяя свою сущность и деформируя непредвиденным образом текстовое окружение» [3, с. 149—150].

В когнитивной лингвокультурологии символ трактуется как носитель культурной информации. Как отмечает Ю. Лотман, «символ культуры — это содержание, которое служит планом выражения для другого, более ценного в культурном отношении содержания» [3, с. 147]. Символы культуры имеют архетипную природу и являются специфическими элементами кодирования культурного пространства [4, с. 97; 99]. Символы имеют выраженный национальный характер, ярким примером чего может служить украинская традиция подавать нежелательным гостям тывку в качестве невербального символа отказа.

Подытоживая, приведем еще одну формулировку Ю. Лотмана, согласно которой символ является «конденсатором всех принципов знаковости и одновременно выводит за пределы знаковости. Он является посредником между различными сферами семиозиса, а также между семиотической и внесемиотической реальностью. В равной степени он является посредником между синхронией текста и памятью культуры» [3, с. 160].

Одной из важнейших функций символа, кроме имманентной многозначности, является функция аккумуляции и трансляции культурной памяти. Символ не принадлежит к одному синхроническому срезу культуры, а пронизывает ее насквозь. Базовый набор культурных символов обеспечивает сохранение культурной идентичности. Если символ теряет бесконечность смысловой перспективы, он погибает, теряется культурная перспектива. Однако возможна переинтерпретации культурных символов (как, например, произошло с украинским мифологическим образом *берегини*), что несет в себе определенную опасность декультуризации.

Исходя из общепризнанного тезиса о символическом характере культуры, следует признать, что знак в культурном контексте становится символом. Символам присущи такие разносторонние характеристики, как образность и мотивированность, комплексность содержания и многозначность, расплывчатость границ значения, национально-культурная специфичность, универсальность в отдельно взятой культуре и кросс-культурность, встроенность в миф и архетип. Мотивированность означает, что связь между обозначаемым и обозначением в структуре символа имеет произвольный характер. Символ по происхождению является иконическим знаком, т. е. его десигнат и денотат имеют сходные черты. Иконический знак подобен обозначаемому, соответственно символ — это условность, которая не исключает сходства, а предлагает различные варианты мотивации. Мотивированность символа осуществляется на основе принципа аналогии, так же как при образовании метафоры и метонимии. Метафора базируется на иконических знаках, а метонимия — на индексальных. Благодаря этому символ (предметный, вещевой, словесный, обрядовый) выступает неисчерпаемой когнитивной формой культуры.

Список литературы:

1. Білан М.С., Стельмашук Г.Г. Український стрій. / М.С. Білан, Г.Г. Стельмашук. — Львів: Фенікс, 2000. — 327 с.
2. Лосев А.Ф. Дерзание духа / Алексей Федорович Лосев. — М.: Изд-во политич. лит., 1989. — 368 с.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Юрий Михайлович Лотман. — М., 1999. — 464 с.
4. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. Курс лекций. / Нина Борисовна Мечковская. — М.: Academia, 2008. — 432 с.
5. Платон. Апология Сократа. Критон, Ион, Протагор / под ред. А.Ф. Лосева и др. — М.: Мысль, 1999. — 863 с.

6. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии [пер. с англ., ред. и предисл. А.Е. Кибрика] // Эдвард Сепир — М.: Прогресс, 2001. — 654 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории / Освальд Шпенглер — М.: Мысль, 1998. — Т. 1, 2.
8. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию [пер. с нем. А.С. Бобович] // Гуго Шухардт. — М.: Эдиториал УРСС, 2010. — 295 с.
9. Sebeok Th. Iconicity / Thomas Sebeok // Modern language notes. — 1976. — V. 91. — № 6. — P. 1427—1456.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТОВ И СТИЛИСТИКИ РУССКОГО, АНГЛИЙСКОГО И МАРИЙСКОГО ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Семенова Елена Юрьевна

*студент 3 курса, факультет иностранных языков
Марийского государственного университета,
г. Йошкар-Ола*

Останкова Татьяна Петровна

*научный руководитель, канд. филологических наук,
доцент Марийского государственного университета,
г. Йошкар-Ола*

Древнейшая ступень в развитии словесного искусства не может быть изучена с помощью археологических памятников, в отличие от искусства изобразительного и отчасти хореографического (о последнем дают представление изображения магических «плясок» в наскальной живописи). О словесном искусстве на ранней стадии приходится судить на основании живого фольклора народностей, сохранивших этнографически пережиточные формы культуры.

Основной вопрос нашего исследования — есть ли в детском фольклоре, который создавался на трех неродственных языках, какие-либо общие черты, можно ли выделить некие универсальные черты, характерные для всех трех языков или детский фольклор каждого народа — это нечто уникальное, не имеющее аналогов в других языках. Мы предполагаем, что в детском фольклоре должны присутствовать некоторые сходные для всех народов и языков черты, которые, возможно, были характерны для речи людей на этапе ее формирования. Это **гипотеза** нашего исследования.

Предметом данного исследования является детский фольклор трех неродственных языков: русского, английского, марийского.

Цель данной работы — провести сравнительный анализ произведений детского фольклора в русском, английском и марийском языках и выявить схожесть/несхожесть на различных уровнях языковой системы (фонетика, морфология, лексика, грамматика).

Задачи исследования:

1. Изучить литературу по данному вопросу;
2. Собрать и проанализировать фактический материал;
3. Выделить определенные закономерности в сравниваемом материале (или отсутствие таких закономерностей).

В переводе с английского языка термин «фольклор» обозначает «народная мудрость», впервые он был введен в 1846 г. английским ученым

У. Дж. Томсом. В современной науке нет единства в трактовке понятия «фольклор». Поначалу этот термин охватывал всю духовную, а иногда и материальную культуру народа. С XX в. термин начал использоваться и в более узком, более конкретном значении: словесное народное творчество. Древнейшие виды словесного искусства возникли в процессе формирования человеческой речи в эпоху верхнего палеолита. «Словесное творчество в древности было тесно связано с трудовой деятельностью человека и отражало религиозные, мифические, исторические представления, а также зачатки научных знаний» [1, с. 47].

Но существует и другая точка зрения на появлении фольклора. Е.М. Мелетинский считает, что «отрыв от самих процессов труда, был совершенно необходимой предпосылкой развития искусства как творческой деятельности, отражающей и одновременно преобразующей действительность» [5, с. 39]. То есть, творчество возникло не в процессе труда, а в процессе осознания человеком действительности, в процессе осуществления магических ритуалов, религиозных действий, которые в ту эпоху были способом познания окружающего мира. Сначала было слово...

В процессе развития общества возникли различные виды и формы устного словесного творчества. В ходе истории некоторые жанры претерпевали существенные изменения, исчезали, появлялись новые. Только от XVIII века и позже известны подлинные тексты народной поэзии. Очень немного записей сохранилось с XVII века. В древнейший период у большинства народов бытовали родовые предания, трудовые и обрядовые песни, заговоры. Позже возникают волшебные, бытовые сказки, сказки о животных, догосударственные

(архаические) формы эпоса. В период формирования государственности сложился классический героический эпос, затем возникли исторические песни, баллады. Еще позже сформировались внеобрядовая лирическая песня, романс, частушка и другие малые лирические жанры, и, наконец, рабочий фольклор (революционные песни, устные рассказы и т. д.).

Несмотря на яркую национальную окраску фольклорных текстов, многие мотивы, образы и даже сюжеты у разных народов сходны. Так сравнительное изучение сюжетов европейского фольклора привело ученых к выводу, что около двух третей сюжетов сказок каждого народа имеют параллели в сказках других национальностей.

Для народов с единым историческим прошлым и говорящих на родственных языках (например, индоевропейская группа) подобное сходство можно объяснить общим происхождением. Это сходство генетическое. Похожие черты в фольклоре народов, относящихся к разным языковым семьям, но издавна контактирующих друг с другом (например, русские и финны) объясняются заимствованием. Но и в фольклоре народов, живущих на разных континентах и, вероятно, никогда не общавшихся, существуют сходные темы, сюжеты, персонажи. Такое сходство называется типологическим. На одинаковой стадии развития складываются похожие верования и обряды, формы семейной и общественной жизни. А, следовательно, совпадают и идеалы, и конфликты.

В данной работе мы проанализировали детский фольклор, который создавался на трех неродственных языках: русском, английском, марийском.

Знакомство с фольклором начинается с самых первых дней жизни. «Как явление детский фольклор обратил на себя внимание еще в XIX веке, причем чаще всего обозначался как «детская песня». Под названием «Детские песни» издан П.А. Бессоновым первый отдельный сборник детского фольклора» [7, с. 20]. Примерно в это же время в Англии издаётся сборник «Сказки Матушки Гусыни» (“Mother Goose Rhymes”) [10, с. 176—639].

Детский фольклор разнообразен по жанрам и источникам появления. Различают три разновидности детского фольклора: фольклор, созданный взрослыми для детей, фольклор, созданный детьми, и фольклор, взятый детьми из репертуара взрослых. Нами был проведен сопоставительный анализ жанров и видов детского фольклора, который показал, что и в русском, и в английском языках существуют все три группы фольклора, но жанровый состав отличается (см. таблицы 1, 2, 3).

Таблица 1.

Фольклор, созданный взрослыми для детей

	Английский язык	Русский язык	Марийский язык
Колыбельные песни	+	+	+
Пестушки	+	+	+
Потешки	+	+	+
Прибаутки	+	+	+
Небылицы	+	+	+
Скороговорки	+	+	+
Сечки	-	+	-
Игры	+	+	+

Таблица 2.

Фольклор, созданный детьми

	Английский язык	Русский язык	Марийский язык
Считалки	+	+	+
Дразнилки	+	+	+
Страшилки	-	+	+
Садистские стишки	+	+	+
Переделки-пародии	+	+	+

Таблица 3.

Фольклор, взятый детьми из репертуара взрослых

	Английский язык	Русский язык	Марийский язык
Заклички и приговорки	+	+	+
Сказки	+	+	+
Загадки	+	+	+
Былины	+	+	+
Анекдоты	-	+	+
Частушки	-	+	+

В английском языке отсутствуют некоторые жанры, характерные для русского фольклора, хотя, возможно, они просто не вошли в те сборники фольклора, которые мы изучали или они не выделяются исследователями. Жанровое разнообразие марийского фольклора практически совпадает с русским, но, скорее всего, это результат заимствования некоторых жанров, характерных для русского фольклора (анекдоты, частушки, переделки-пародии).

Целью данной работы являлся сопоставительный анализ произведений детского фольклора в трех неродственных языках с точки зрения сюжетов и стилистики. Мы предположили, что в детском фольклоре трех неродственных народов должны присутствовать некоторые сходные черты, которые, возможно, были характерны для речи людей на этапе ее формирования. Из всех жанров детского фольклора были отобраны наиболее древние формы: пестушки, загадки и колыбельные песни.

Фольклор анализировался на нескольких уровнях языковой системы.

При фонетическом анализе были выявлены следующие особенности: во всех трех языках наблюдается преобладание двустопного размера стиха; в русском языке это преимущественно ямб, в английском и марийском языках нельзя выделить какой-то один тип стихосложения. Наиболее четкая структура организации стиха наблюдается в колыбельных песнях, что объясняется, вероятно, воздействием музыкальной основы. Во всех трех языках и в пестушках, и в колыбельных используется преимущественно мужская и неточная рифмы.

В отличие от русского и марийского, английское стихосложение, развившееся из англосаксонского, построенного, как и во всех германских языках, на тонической основе, допускает гораздо большее количество метрико-ритмических вариаций. То, что в русском и марийском стихах прозвучало бы резким нарушением принятых стиховых норм, для стиха английского в порядке вещей. Например, наличие в стопе лишнего слога или слогов — гиперметрия: *The bough rocks the bird (now)* (в скобках лишний слог).

Также встречаются примеры липометрии — нехватки в стопе нужного слога или слогов:

Your house is on fire, Your children (-) all gone (в скобках помечено место, где по схеме должен был находиться недостающий ударный слог).

Частое и законное явление в английской поэзии — ипостас ямба хореем:

Shoe a little mare But let the little colt. В русском и марийском стихосложении это редкое явление.

Во всех трех языках преобладает парная рифмовка. В загадках в русском и марийском языках также используется мужская и неточная рифмы. В английском языке основная масса загадок представлена не в стихотворной форме, а в форме вопроса.

На морфологическом уровне выявлены следующие закономерности: по количественному составу среди частей речи преобладают существительные, в том числе звукоподражания и слова из специфической детской речи. Были проанализированы тексты пестушек, колыбельных песен и загадок во всех трех языках. В каждом жанре случайным образом было отобрано 10 текстов, но, к сожалению, английских колыбельных песен было проанализировано всего 3. Результаты анализа представлены в таблицах 4, 5, 6. Заметно преобладание существительных.

Таблица 4.

Морфологические особенности пестушек в трех языках

	Сущ.	Глаг.	Союз	Предл.	Нареч.	Мест.	Прил.	Част.	Ар- тиклъ
Русский язык	90 43,7 %	3 20,9 %	7 3,4 %	21 10,2 %	6 2,9 %	20 9,7 %	7 3,4 %	12 5,8 %	-
Английский язык	59 30,7 %	34 17,7 %	10 5,3 %	12 6,3 %	25 13,1 %	20 10,4 %	14 7,3 %	3 1,6 %	14 7,3 %
Марийский язык	78 44,1 %	38 21,5 %	4 2,3 %	-	16 9,0 %	2 1,1 %	25 14,1 %	10 5,6 %	-

Всего слов: русский язык — 206; английский язык — 192; марийский язык — 177.

Таблица 5.

Морфологические особенности колыбельных песен в трех языках

	Сущ.	Глаг.	Нареч.	Прил.	Мест.	Предл.	Союз	Част.	Ар- тиклъ	Дееп.
Русский язык	101 39,3 %	71 27,6 %	1 0,4 %	14 5,4 %	21 8,8 %	34 13,2 %	9 3,5 %	6 2,3 %	-	-
Английский язык	71 26,5 %	71 26,5 %	12 4,5 %	17 6,3 %	21 7,8 %	2 0,7 %	12 4,5 %	7 2,6 %	28 10,4 %	-
Марийский язык	62 45,6 %	47 34,6 %	3 2,2 %	14 10,3 %	5 3,7 %	-	1 0,7 %	2 1,5 %	-	2 1,5 %

Всего слов: русский язык — 257; английский язык — 268; марийский язык — 136.

Таблица 6.

Морфологические особенности заклчек в трех языках

	Сущ.	Глаг.	Прил.	Предл.	Союз	Межд.	Част.	Мест.	Ар-тикуль	Нареч.
Русский язык	73 48,0 %	36 23,7 %	11 7,2 %	19 12,5 %	-	-	1 0,7 %	9 5,9 %	-	3 2,0 %
Английский язык	23 26,2 %	14 15,9 %	8 9,0 %	3 3,4 %	12 13,6 %	-	1 1,1 %	13 14,8 %	5 5,7 %	3 3,4 %
Марийский язык	74 36,6 %	53 26,2 %	12 5,9 %	-	5 2,5 %	47 23,3 %	3 1,5 %	-	-	7 3,5 %

Всего слов: русский язык — 152; английский язык — 88; марийский язык — 202.

Таблица 7.

Морфологические особенности загадок в трех языках

	Сущ.	Глаг.	Нареч.	Прил.	Мест.	Предл.	Союз	Част.	Артикуль	Числ.	Межд.
Русский язык	32 34,0 %	17 18,1 %	-	7 7,4 %	6 6,4 %	12 12,8 %	0 10,6 %	9 9,6 %	-	-	-
Марийский язык	28 45,9 %	6 9,8 %	4 6,6 %	10 16,4 %	1 1,6 %	-	2 3,3 %	2 3,3 %	-	4 6,6 %	4 6,6 %
Английский язык	13 18,1 %	15 20,8 %	5 6,9 %	8 11,1 %	4 5,6 %	8 11,1 %	15 20,8 %	-	3 4,2 %	1 1,4 %	-

Всего слов: русский язык — 94; английский язык — 72; марийский язык — 61.

Это абсолютное преобладание существительных и значительное количество глаголов объясняются, вероятно, аналогичным соотношением частей речи на начальном этапе формирования человеческой речи.

Анализируя тексты загадок, мы выявили следующие морфологические особенности: частое употребление междометий, создающих

зрительный образ, в марийских текстах, и отсутствие их в русском и английском языках.

Кызыр-козыр Орина, Ыртыш-юртыш Тарля. (Товар ден шанчаш) Перевод: Неуклюжая Арина, Попрыгунья Дарья. (Топор и щепки)

При анализе текстов с точки зрения использования тропов и стилистических фигур следует отметить, что в пестушках наблюдается отсутствие большого количества эпитетов и метафор. Художественный эффект достигается за счет параллельных конструкций и повторов:

Русский язык: А в ножки ходунушки,

А в ручки хватунушки,

А в роток говорок,

А в головку разумок...

Английский язык: Tickle ye, tickle ye in the hand.

If you cry, you are a baby.

If you laugh, you are a man.

If you dance, you are a lady.

В данных отрывках используется синтаксическая анафора, а также такие фигуры и звуковые средства, как многосоюзие — союз «а», «if» аллитерация — -шк -, -жк-, ассонанс — звуки -у- и -о-.

В пестушках встречаются примеры градации: Ячень, ячень,

На тебе кукиш,

Купи себе топорик,

Сруби себе головку,

Как маковку.

Анализируя тексты загадок, мы выявили следующие особенности: в марийском, русском и английском языках наблюдается большое количество метафорических загадок:

Марийский язык: Ик лудо кок вуян. (Шуша)

Перевод: У утенка два носенка. (Челнок)

Русский язык: Протянулся мост на семь верст,

А в конце моста — золотая верста. (Неделя)

Английский язык: What is it that we often return but never borrow?
(Thanks)

Перевод: Что это: мы часто возвращаем, но никогда не занимаем?
(Спасибо)

Также существует большая группа загадок-антитез во всех трех языках.

Марийский язык: Удыр огыл — муралеш, Имне огыл — куралеш.
(Трактор) Перевод: Не девица — поет, Не лошадь — пашет.

Русский язык: Без рук, без ног, А ворота отворяет, И нас погоняет. (Ветер)

Английский язык: What is always in bed but never sleeps? (A river)

Перевод: Что всегда находится в кровати, но никогда не спит. (Река)

В марийском языке имеется много загадок, построенных на звукоподражании, в русском и английском их едва ли можно встретить. Такие загадки обычно не поддаются переводу на другие языки:

Сапан йыван, Сапан йыван, Ондрей микита, Тнапий! Тнапий!
(Паровоз тарванымаш — трогается паровоз)

Редкой, но яркой формой построения загадок в марийском языке является метафорический диалог, в русском и английском таких примеров не отмечено. В таких загадках немало народного юмора:

— Кагыр-мугыр, мом кутет? Перевод: — Криво-косо, чего стоишь?

— Казам шекланем. (Пече) — Коз стерегу. (Изгородь)

В марийских и русских загадках встречается и особый прием — палилогия, где в начале каждой последующей строки повторяется заключительное слово из предыдущей строки, в английском такого явления не наблюдается.

Марийский язык:

Тумо, тумо умбалне шоло, Шоло умбалне писте, Писте умбалне куэ.

(Тер) Перевод: Дуб, на дубе вяз, На вязе липа, На липе березка. (Сани)

В английском языке загадки, в основном, представлены в форме вопроса:

What is black and white and pink all over? (An embarrassed zebra)

Перевод: Что всегда белое, черное и розовое? (Смущенная зебра)

Такие формы загадок есть также в русском и марийском языках:

Русский язык: На какой вопрос нельзя ответить? (Ты спишь?)

Марийский язык: Мо деч посна киндым пышташ ок лий?
(Ком деч посна)

Перевод: Без чего нельзя испечь хлеб? (Без корки)

При анализе колыбельных песен с точки зрения использования изобразительно-выразительных средств, мы определили, что для них характерно обилие определений-эпитетов:

Марийский язык: изием падыраш — малюсенькая крошка.

Русский язык: маленький мой.

Английский язык: little baby — крохотный малыш.

В марийских и русских колыбельных песнях принято создавать образ какого-либо страшного или мифического существа, которым запугивают ребенка:

Марийский язык: Момо толеш, Ко турышто мала, Тудым нынгая.

Эквивалент на русском языке: ...Придет серенький волчок, Тебя схватит за бочок, И утащит во лесок.

В английском же это редкое явление.

В текстах всех трех языков используются такие тропы и стилистические фигуры, как сравнение, олицетворение, анафора, инверсия, параллельные конструкции.

В результате анализа трех жанров детского фольклора в трёх неродственных языках мы пришли к следующим выводам: существует несомненное сходство в форме и стилистике проанализированных жанров детского фольклора. Данное сходство не может быть случайным: оно может быть объяснено тем, что некоторые формы фольклора сохранили те черты, которые были характерны для речи человека на начальном этапе её формирования.

Для подтверждения нашей гипотезы недостаточно результатов анализа только трех жанров фольклора, но определенные тенденции были выявлены. Необходимо проверить наши предположения о сходстве в стилистике и сюжетах фольклора на материале дразнилок и на материале современного детского фольклора — страшилок, садистских стишков и т. п.

Список литературы:

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики/ Под ред. Э.В. Померанцевой. — М.: 1958. — с. 47—69.
2. Азадовский М.К. Статьи о литературе, о фольклоре. — М.: «Госполитиздат», 1960. — 546 с.
3. Васильев В.М. Марий мутер. — М.: 1928. — 348 с.
4. Капица О.И. Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение, собирание, обзор материалов. — Л.: «Прибой», 1928.
5. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре. В сборнике «Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания»/ Под ред. П.А. Гринцер. — М.: «Наследие», 1994. — с. 39—104.
6. Панкеев И.А. Обычаи и традиции русского народа. — М.: 1999, с. 77—135.
7. Петухова А.Н. Детский фольклор народа мари. — Й.-О.: 2006. — 158 с.
8. Рогов В.В. Метрика и ритмика. В еженедельном журнале «Русский язык». — М.: № 31, 2001.
9. Чуковский К.И. Собрание сочинений в 15 т. Т. 2: — От двух до пяти. — М.: «Терра — Книжный клуб», 2001. — 363 с.
10. Mother Goose Rhymes/ Стихи Матушки Гусыни, сборник, сост. Демурова Н.М. — М.: 1988. — с. 176—639.

**КРЕОЛЬСКИЕ ЯЗЫКИ
В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ АВСТРАЛИЙСКОГО КРИОЛА)**

Шастина Елена Владимировна

*ассистент Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток*

Глобализация в современном мире оказывает огромное влияние на национальные культуры, вызывая множество изменений даже в самых традиционных культурных представлениях, которые когда-то казались основополагающими и незыблемыми. Столкновение новых культурных стандартов западного образца и традиционных национальных ценностей порождает противоречия в мировоззрении и самовосприятии национальных культур. Таким образом, проблема кризиса национальной идентичности представляется более чем актуальной.

Процессы глобализации неразрывно связаны с явлением культурной стандартизации или культурной унификации. Как отмечает С.В. Кортунов, «При помощи сверхсовременных информационных технологий... глобализация раз и навсегда взламывает ... барьеры между различными культурами, вовлекает их в водоворот всемирной конкуренции. В этом водовороте выживают лишь те культуры, которые оказываются способными к адаптации к стремительно меняющемуся миру, при этом не теряя своей самобытности» [2]. Однако, вопрос о том, как не потерять национально-культурную самобытность, остается проблематичным.

Существует много мнений относительно определения критериев национальной идентичности, но авторы сходятся в том, что одним из главных способов выражения национальной идентичности, безусловно, является язык. Однако, процесс глобализации сопровождается не только культурной, но и языковой унификацией. В современном мире английский язык по праву считается одним из инструментов глобализации. Повсеместное распространение английского языка привело, с одной стороны, к подавлению местных языков в его пользу. Такая ситуация не может не вызывать беспокойство, поскольку с течением времени местный язык может оказаться вытесненным полностью. С другой стороны, в результате тесного контакта английского языка с местным языком той или иной территории

появляются пиджины, многие из которых развиваются в дальнейшем в новые языки — креольские.

Креольские языки существовали во все эпохи, однако XX век стал свидетелем их необыкновенного подъема и расцвета. В настоящее время в мире насчитывается более шестидесяти креольских языков, имеющих около 30 миллионов носителей. По нашему мнению, одна из важнейших причин значимости креольских языков в современном мире обусловлена их ролью в решении проблемы кризиса национальной идентичности. Чтобы рассмотреть связь креольских языков с данной проблемой, обратимся к культурно-языковой ситуации коренного населения Австралии.

Индиженное население, согласно Австралийскому бюро статистики, составляет 517 200 человек (2006 г), то есть всего 2,5 % от общего населения страны. При этом Северная Территория является штатом с максимальным числом коренных жителей относительно белого населения — 32 % (по сравнению с 4 % и менее в других штатах) [3]. Таким образом, статистические данные ясно показывают, что аборигены давно стали национальным меньшинством на собственной территории. Более того, их образ жизни после европейского заселения коренным образом отличается от традиционного, и проблема сохранения культурного наследия стоит очень остро.

Что касается языковой ситуации, согласно исследованиям университета Лакаля, количество еще существующих в Австралии индиженных языков составляет около 260, из которых, вероятно, реально используются от 150 до 200. И только около десятка языков имеют более тысячи носителей [9]. 95 % аборигенов в силу ряда причин активно используют английский язык, что приводит к постепенному вымиранию коренных языков Австралии. В таких условиях ни один из аборигенских языков уже не может претендовать на роль маркера индиженной идентичности. Однако, на Северной Территории появился новый язык, быстро набирающий силу и распространяющийся среди индиженного населения — австралийский криол. Название языка происходит от самого слова «креол», написанного согласно орфографии креольского языка, распространенного на Северной Территории [10, с. 155].

Австралийский криол появился в 1870 годах как пиджин Северной Территории, который служил в качестве *lingua franca* для ранних британских поселенцев и местных аборигенов. Английский стал языком-суперстратом, а индиженные языки — языками-субстратами. Однако пиджин является языком весьма ограниченного использования, и для его креолизации необходим ряд благоприятных

условий, которые сложились в христианской миссии Ропер Ривер в 1909 г, когда в миссии собрались около 200 аборигенов из восьми племен. Каждое племя имело собственный язык, поэтому общение между аборигенами из разных племен было затруднено. Так появилась необходимость в *lingua franca*, и, кроме того, существовала необходимость взаимодействовать с работниками миссии, которые не стремились изучать местные языки и поощряли использование английского [5, с. 147—148]. Так произошла креолизация пиджина и появился австралийский криол – новый креольский язык, который аборигены стали все активнее и активнее использовать для контактов внутри индигенной среды [5, с. 149].

В течение многих лет криол считался примитивной формой английского языка, и не имел статуса полноправного языка. Лишь в 2007 г после завершения перевода Библии на криол этот язык был признан официально [7]. В настоящее время на криоле говорят более 30 000 человек на территории северной и северо-западной Австралии, что уже количественно делает данный язык основным для коренного населения, учитывая приведенную выше статистику. На криоле проводится обучение в школах Северной Территории, издаются газеты и ведется радиовещание; составлен электронный криоло-английский словарь; язык продвигается рядом сайтов в Интернете. Как отмечает Дж. Хадсон, знание криола считается признаком принадлежности к коренному сообществу [6, с. 16].

Почему же криол, не являясь по своей природе индигенным языком, получил такое признание среди коренного населения Австралии? Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим подробнее австралийский криол.

Поскольку английский язык является языком-лексификатором, основная часть лексического состава криола имеет английское происхождение. Главным образом, это слова общей семантики, претерпевшие некоторые изменения в произношении и написании (*taim* (*time*), *binana* (*banana*), *eksadint* (*accident*), *Meriken* (*American*), *binnga* (*finger*), *cleba* (*clever*)). Однако вокабуляром аборигенского происхождения обслуживаются наиболее значимые сферы жизни, среди которых можно выделить следующие:

1. родственные отношения (*abijaja* mother's father; *banji* in-law or person of that category, *gaggag* mother's mother; etc);
2. социальная принадлежность (*munanga* European; *mijj* European woman; *lubra* Aboriginal woman; etc);
3. растительные и животные виды (*doldol* cucumber; *jinma* shark; *kumirr* blackberry; etc);

4. природные и созданные человеком предметы (*gilgai* surface water; *lama* shovel-nosed spear; *iliman* shield; etc);
5. вкусы, чувства, характеристики (*jenyu* sour; *ngatju* generous; *maiamaya* mad; etc);
6. части тела (*burlburl* lungs; *murnda* muscle; *ngarlmarr* armpit; etc);
7. здоровье (*gululu* upset stomach; *purduga* kind of bush medicine; *kuyiya* plant used to treat diarrhoea);
8. ритуалы и верования (*jandi* ceremony; *fans* dream that a dog has; *waral* spirit) [8].

Также, к единицам аборигенского происхождения, как правило, относятся междометия как способ выражения чувств и эмоций (*mainmak* interj. good; *gaja* interj. ah! (expresses surprise or disbelief) etc) [8].

Даже лексика, заимствованная из английского, приобретает новое, преобразованное значение при взаимодействии с индигенной картиной мира носителей криола, их культурой и традициями. Рассмотрим несколько примеров, демонстрирующих закрепление в криоле культурно-значимой для аборигенов информации.

Одним из примеров, показывающих изменение значения под воздействием культуры аборигенов, является криольская лексема *bisnis* (от английского *business*). Значение данной лексемы было трансформировано в соответствии с индигенными культурными традициями. Для аборигенов, чья жизнь выстроена в согласии с определенными религиозными ритуалами, нет более важного дела, чем проведение племенного обряда, вследствие чего преобразованное значение лексемы *bisnis* — '*tribal ceremony*' (племенная церемония) [8].

Отражение влияния духовной культуры аборигенов на криол можно также проследить на примере другого заимствования из английского — лексемы *kantri* (от англ. country). Лексема *kantri* означает не просто некую землю или территорию: *kantri* n country, place, land (also means the essence or quality of the substance, pertaining to) (страна, место, земля (также означает сущность или качество материи/реальности, с которой вы связаны)) [8]. На значение лексемы повлияло особое отношение аборигенов к земле, имеющее ярко выраженный религиозный характер. «Скорее земля владела своими обитателями, а не наоборот. Ведь именно она служила обиталищем духов предков, заложивших начало начал; земля воспринималась как нечто вверенное свыше на попечение племени, а не для практического использования. Отсюда прочная привязанность к своей земле, которую аборигены никогда не покидали. Говоря «моя страна», они имели в виду не только районы своего обитания и охоты, но и местообитание духов своего племени» [1]. Подтверждение особой связи аборигена с землей мы теперь можем увидеть в криоле.

Как мы видим, лексемы для обозначения особо значимых для аборигенов понятий были заимствованы не из английского, а из индигенных языков, и многие английские заимствования отразили мировосприятие аборигенов, благодаря чему в австралийском криоле закрепились информация, культурно значимая для коренного населения. По нашему мнению, именно вследствие этого криол постепенно стал языком национальной идентичности для индигенного населения Австралии в условиях абсолютного доминирования английского.

Ситуация, когда креольский язык становится языком национальной идентичности, не является уникальной. Подобные примеры становятся все более распространенными, возможно, в связи с общим подъемом креольских языков и признания их статуса как «полноправных» языков в XX веке. Так, например, на Гаити креольский язык является официальным, наравне с французским. Более того, местные жители настаивают, что именно креольский язык следует считать истинно национальным языком Гаити [4].

Таким образом, в ситуации вытеснения исконных языков креольские языки, фиксируя значимую культурную информацию, могут стать для коренных народов одним из способов сохранения культурной самобытности, помогая им тем самым найти выход из кризиса национальной идентичности.

Список литературы:

1. Гиббс Р. Аборигены Австралии// На суше и на море. Научно-художественный географический сборник. Издательство «Мысль», 1985 — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.bibliotekar.ru/Na-sushe/index.htm> (дата обращения 20.06.2012).
2. Кортунов С.В. Глобализация. — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: new.hse.ru/sites/infospace/podrazd/facul/facul.../Глобализация.doc (дата обращения 13.07.2012).
3. Australian Statistics — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.abs.gov.au/ausstats/abs@.nsf/bb8db737e2af84b8ca2571780015701e/68AE74ED632E17A6CA2573D200110075?opendocument> (дата обращения 20.06.2012).
4. Creole, not French, is Haiti's Official Language — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.haitibio.com/index.php/2669> (дата обращения 20.06.2012).
5. Harris J. Losing and Gaining a Language: the Story of Kriol in the Northern Territory // Language and Culture in Aboriginal Australia, 1993. — 226 p.
6. Hudson J. Grammatical and Semantic Aspects of Fitzroy Valley Kriol, 1983. — 115 p.

7. Kriol — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: http://www.ethnologue.com/show_language.asp?code=rop (дата обращения 13.07.2012).
8. Kriol-English Dictionary, 2004. — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www1.aiatsis.gov.au/ASEDA/docs/0739-Kriol/index.1.html> (дата обращения 15.05.2011).
9. L'universite de Lacale — [Электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:http://www.tlfq.ulaval.ca/axl/pacifique/australie.htm> (дата обращения 18.07.2012).
10. Rhydwen M. Kriol: the Creation of a Written Language and a Tool of Colonisation// Language and Culture in Aboriginal Australia, 1993. — 226 p.

CONFERENCE PAPERS IN ENGLISH

SECTION 1.

PHILOLOGY

1.1. GERMAN LANGUAGES

ENGLISH GRAMMAR TERMINOLOGY PROBLEMS

Elina Kassarina

*Assistant of the Chair of theory and practice of foreign languages Peoples'
Friendship University of Russia, Moscow*

In discussing the relation between grammar and meaning, we are faced with the problem of terminology which can also be very misleading. It is a well-known fact, for instance, that the word "Time" stands for a concept divided into past, present and future. The word "Tense" stands for a verb form or series of verb forms used to express a time relation. It is known that the English Present Tense, although it refers mainly to the present time "zone", can also refer to past and future time as well:

- *There's an old woman with thick glasses and a name tag. I go up to her and ask ...*
- *Addicted Chaplin star gets three years for new drugs lapse.*
- *The thief enters the room and opens the safe.*
- *Last night Blackie comes in with this huge dead rat in her mouth and drops it right at my feet.*
- *He's playing tennis on Monday afternoon.*
- *He's going to the dentist on Tuesday morning.*
- *He's having dinner with Ann on Friday.*
- *The tour departs on October 11th for 15 days and costs £495.*

- *The car comes at eleven to collect the guest speakers and they arrive at the hall at eleven thirty.*
- *The film starts at 8.15 this evening.*
- *The train leaves Plymouth at 11.30 and arrives in London at 14.45.*
- *I'm not working tomorrow, so we can go out somewhere.*
- *Tom's picking me up at 7 o'clock tonight [1; 2; 3]*

Aristotle is said to have been the first to recognize the category tense. He observed that there were systematic variations in the forms of Greek verbs, variations that could be correlated with time notions such as past and present. Although English has many fewer such verb forms than Classical Greek, there are still systematic correlations. Grammarians treated these notions as simple and obvious. The grammatical tradition continues to influence both the popular view of language and much English language teaching and research. This tradition was based on practices of Latin and Greek grammarians, though in important respects English is quite different.

Traditional Latin and Greek grammars listed in tables — now known as paradigms — the forms for each verb in a large number of tenses. The tables gave forms for the first, second, and third person, singular and plural.

In addition to the present tense, tenses distinguished for Latin included the future, the perfect tense (meaning "have V-ed" or just "V-ed"), the future perfect ("will have V-ed"), the pluperfect or past perfect ("had V-ed"), and the imperfect tense ("was/were V-ing"). These tenses were all in the indicative mood (corresponding fairly closely to finite verb forms in English). There was another set of four tenses in what is called the subjunctive mood (meaning something like "might V" and "might have V-ed"); English has only a relatively rare counterpart.

There were five more sets in the passive voice. With six forms in each set, this made a total of ninety verb forms, excluding participles and other nonfinite forms.

In the seventeenth and eighteenth centuries, grammarians writing English grammars for schools believed that the English language should be described in the same way as Latin and Greek. However, there are a number of problems with such an approach. First, in no language do the verb forms directly correspond to the semantic properties of time reference. An accurate and insightful grammar must be based on more than logical criteria. Second, English differs from Latin and Greek in having only two inflections on verb to show tense. The past tense is usually but not always marked with an -ed; the present tense is marked with an -s agreement suffix for third person singular forms. Corresponding to other Latin and Greek verb inflections are auxiliary verbs such as will and should. To some early

grammarians, English seemed an impoverished language, one lacking the range and precision of tense forms in the classical languages.

A typical attempt to remedy the defects of English was made by S.W. Clark, principal of the Cortland Academy in upstate New York in the mid — 1800 s. In his textbook, *A Practical Grammar*, which went into many printings, Mr. Clark filled pages and pages with verb paradigms, using combinations of auxiliaries, verbs, and other forms to fill in gaps in the tense system. His paradigms for the verb recite alone take up four pages of small print [4, p. 187—188].

Later writers and teachers developed a more sensible version of this Latin-based classification, one which reflected more accurately the English verb data, though still relying more on semantic or logical criteria than on the actual combinations and verb forms of English, the newer version turned out to be a useful framework for familiarizing learners with the range of verb forms available to express time relationships. This version listed twelve tenses. Here is a listing of the tenses for the verb “wash”, with the first person singular form representing each set of tense forms. Note that the tenses are categorized according to past, present, and future, in combination with what we shall be referring to as the perfect and progressive aspects:

Simple Present:	I wash
Simple Past:	I washed
Simple Future:	I will wash
Present Progressive:	I am washing
Past Progressive:	I was washing
Future Progressive:	I will be washing
Present Perfect:	I have washed
Past Perfect:	I had washed
Future Perfect:	I will have washed
Present Perfect Progressive:	I have been washing
Past Perfect Progressive:	I had been washing
Future Perfect Progressive:	I will have been washing

The twelve-tense approach to describing the English tense system assumes that tense and time are really the same and that the perfect and progressive aspects are little more than devices to form additional tenses.

But these assumptions are wrong. At first glance, it is true that there is a rough and partial correspondence between “Present Tense” and present time, and between “Past Tense” and past time. In fact, the word “Time” stands for something independent of language. The criteria for the choice of tense may vary with circumstances. It is a good idea to look at some sentences and watch carefully for any unexpected variations which may create difficulties for learners.

First, consider past tense and its relation to past time. Does past tense always refer to past time? It very often does, but not always. Take the past tense form came in this next example:

- *If Roosevelt came into this office tomorrow, he'd find everything exactly the same.*

Clearly in this example the time reference is to the future. The word *tomorrow* makes this explicit, but, even without tomorrow, the word *if* would indicate that the speaker is referring to a hypothetical situation rather than to one that has already happened.

The following example also has a past tense form and refers to a hypothetical situation:

- *If Justice Brandeis examined recent Supreme Court decisions, he would feel depressed.*

Again the time reference is not past, though here it is present rather than future. It is the hypothetical character of the situation (marked with the *if*) that allows the past tense to be used this way. Somewhat parallel is the use of past tense when someone, say a professor, addresses a question like the following to a person standing outside her office:

- *Did you want to see me now?*

The professor is not asking about a past desire; obviously, the time reference is present. The past tense forms are easy to recognize: Either the vowel is changed or there is a past tense suffix. But, as the preceding examples show, the time reference for past tense forms isn't as straightforwardly determined.

When we turn our attention to present tense, we see that even the forms are less obvious. The only overt marking is the -s that marks agreement with third person singular subjects, as in this sentence:

- *Lady Godiva rides on a snow-white horse.*

The sentence would normally be used to describe not what is going on now, but what *usually* happens. The present tense of verbs signifying actions or processes does not in ordinary usage refer to present time. Such forms usually refer to habitual action. Only the present tense of verbs like *know*, representing states, normally refer to present time. Note that the

same sentence can refer to future time, especially if an appropriate time adverb is added:

- *Lady Godiva rides on a snow-white horse tomorrow.*

This combination use of present tense forms with future time adverbs is used for events that are scheduled in advance, and it suggests that nothing will be changed. We can call it the *prearranged present usage*.

In short, once grammatical tense is distinguished from semantic time reference, English can be seen to have a two-tense system consisting of past and present tenses. Past tense verbs need not refer to past time, and present tense verbs often "do not refer to the time at which the sentence is uttered" [4, p. 187—188].

Bibliography:

1. Longman Dictionary of Contemporary English. Pearson Education Limited, 2006.
2. Longman Exams Dictionary. Pearson Education Limited, 2006.
3. Longman Language Activator. Pearson Education Limited, 2002.
4. Roderick A. Jacobs. English Syntax, OUP, 1995.

1.2. LANGUAGE THEORY

CULTURAL UNDERSTANDING

Z. Karimova

*assistant, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek,
Tashkent*

Z. Sattarova

assistant-professor Tashkent State Technical University, Tashkent

Building tolerance and academic honesty through English teaching

One of the purposes of teaching language is to enable learners to establish good human relationship and cultural pluralism in literature, history, art, and of course — journalism. It was the key topic at the scientific conference in MSU journalism faculty, where the discussion on cultural pluralism in the media communicativistics took place (L. Semlyanova.) In the information age of the “fourth wave”, mass media is turning into a «global developing cultural pluralism village»: the main newspapers and journals offer their readers not only the paper but also online versions. That allows daily media monitoring from any part of the world.

In the spirit of cultural pluralism all American newspapers try to show diversity of the US life taking into consideration WASP, Afro- and Latin American traditions.

Analysis of online materials (news, reports, analytical articles, journalists’ blogs) of the three leading American newspapers: *The New York Times*, *The Wall Street Journal*, and *USA Today*, — on international and domestic issues for the period Aug. 03—09, 2009, I. Archangelskaya [1].

Language reflects the environment in which we live. In addition to the environment, language reflects cultural values.

Culture is not only present in the classroom setting but also in the language that is being taught. It is important to become good observers of the culture in order to be able to use the language well. Students are to be equipped with the cognitive skills they need in a second-culture environment. The cultural variables need to be respected if the students are to benefit from new experiences, to escape cross-cultural misunderstandings — conflicts of values and expectations. Learners need to

know not only the linguistic knowledge but also the culturally acceptable ways of interacting with others. It permits entrance into contact with other realities and cultures, to understand their mentality and varied customs, creates cultural understanding, which is the key to a tolerance, respect, consensus. One of the key components of communicative competence is discourse competence. Discourse competence presupposes an ability to recognize the communicative purpose of a given genre. Indeed if one has misunderstood the nature of genre, communication will fail, irrespective of one's linguistic ability. Cultural literacy is necessary in order to understand the language being used. If we select language without being aware of the cultural implication, we may not communicate well. Communicating with non-native speakers in any language takes skill, experience, and sensitivity.

In the poster there are some tips to establish good human relationship, to support and develop the civilizations' dialog in a period of globalization, and also personal values, customs and habits for getting to know another culture.

One of the purposes of teaching language is to enable learners to establish good human relationship. It is important to become good observers of the culture in order to be able to use the language well. Culture is not only present in the classroom setting but also in the language that is being taught. Students are to be equipped with the cognitive skills they need in a second-culture environment. From country to country, social taboos, politics, and religious traditions and values differ. These cultural variables need to be respected if the students are to benefit from new experiences, to escape cross-cultural misunderstandings — conflicts of values and expectations. Learners need to know not only the linguistic knowledge but also the culturally acceptable ways of interacting with others. It permits entrance into contact with other realities and cultures, to understand their mentality and varied customs, creates cultural understanding, which is the key to a tolerance, respect, consensus. Language reflects the environment in which we live. In addition to the environment, language reflects cultural values. One of the key components of communicative competence is discourse competence. Discourse competence presupposes an ability to recognize the communicative purpose of a given genre. Indeed if one has misunderstood the nature of genre, communication will fail, irrespective of one's linguistic ability. Cultural literacy is necessary in order to understand the language being used. If we select language without being aware of the cultural implication, we may not communicate well.

Getting to know another culture, building tolerance and academic honesty through English teaching — these are topical issues of today to support and develop the civilizations' dialog. The more you know about the

verbal customs of your particular partner , the more successful your intercultural communication will be. The cultural priorities motivate people to behave in certain ways.

International technologies, peoples migrations widening of foreign economic relations, establishing joint ventures, the necessity to become proficient in world's achievements (the written sources) — all these lead to globalization and wash away

language borders.

Language teachers need to consider a language not only linguistically, but also in a term of general linguistic culture. As everything else in a former USSR Russian language was taught predominately to Uzbek language to the detriment of common sense. The policy of teaching Russian was distorted.

Anthropologists define culture as ‘...the whole way of life of a people or group. In this context, culture includes all the social practices that bond a group of people together and distinguish them from others’ [3] Based on this definition, it is evidence that the classroom context is an example of a cultural group and by being so , is an excellent phenomenon to be analysed and observed. In fact, some researches have already investigated classroom settings under two complementary viewpoints: social interaction and language learning. These two viewpoints have led some investigators to realize that culture is not only present in the classroom setting but also in the language that is being taught.

Diversity is a fact, and it is not going away. Not all cultures in the world are going to become like ours.

Most people in the world actually think we ought to try to imitate and adopt their cultures. This is true no matter who “we” and “they” are. Somehow we need to learn “to accept the fact that there are many roads to truth and no culture has a corner on the path or is better equipped than others to search for it”

We can agree with the advice “(Edward Hall, [4]. The principle of surviving in a multicultural world is that one does not need to think, feel, and act in the same way in order to agree on practical issues and to cooperate“. We can agree to be different and to allow for diversity. We can celebrate our own culture in terms of how it is or is not like another, and celebrate other cultures because they are different or are not The more we know about other cultures the more we will know about our own.

If you work for a foreign firm, your decision about which language to study will be influenced by where your company does business. Being able to speak the partner's language also carries symbolic value. If you do business with a firm in Quebec, you may get through on English, but you

send more positive signals if you are able to speak French. Communicating with non-native speakers in any language takes skill, experience, and sensitivity.

When you are working in another language and culture, an awareness of both the written and unwritten rules is very important. The kind of language you use, where you use it, and how you speak, and how you look at the person you're speaking to, can actually make a difference in the meaning of your words.

Even something as simple as a greeting can delight your hosts if appropriate or offend them if inappropriate.

When you move to another culture, you may assume more similarities to your own culture than actually exist. With regard to questions of ethic, the consequences of not knowing the rules be serious. For example, helping a classmate in certain circumstances may be seen as appropriate behaviour in one culture and as a form of cheating in another. Even within a culture, there may be 'grey areas', points on which opinions may be divided. For example, the gift of a coffee mug with the firm's name on it from a constructor may be acceptable, but what about a leather briefcase with your initials on it?

Baer says: 'Always have along something with a Canadian flavour, just in case you have to exchange presents In Japan a small gift to conclude a deal is a good idea', she suggests. In New Zealand gifts are a no-no/taboo at a first meeting. Russians like books and music. In Arab countries, gifts are exchanged before and after negotiations.

According to Thomas Donaldson, societies have the right to expect business to function ethically: 'All productive organisations can be viewed as engaging in an implied contract with society. Corporations must have bestowed upon them by society...authority to own and use land and natural resources. In return, society has the right to expect that productive organizations will enhance the general interests of consumers and employees. Society may also expect that corporations honour existing rights and limit their activities to accord with the bounds of justice'

Our world is changing. Everywhere there's change — not just is Uzbekistan or Central Asia. We're moving towards a global society driven by a global market and a global workforce. And English has become the international language of communication, the language of that global economy, global market, and global workforce.

Jean-Claude Usunier writes that one must take into consideration everything while communicating with somebody starting with the form of greeting..., everything. And the author characterizes some peoples: 'People from the US place great importance on individuality and self-reliance... In

other cultures such as Japanese, emphasis is placed on the group approach rather than the individual approach to all aspects of life' [4].

As for Uzbeks, we can say that Uzbeks respect age and value ambition, education, hard work, loyalty and politeness.

Lilian H. Channey and Janette S. Martin wrote in their book: 'Being punctual is very important to the British... — Canada: Punctuality is very important to Canadians though not to the extent that it is to people of the USA... — Germany: Being on time for all business and social engagements is perhaps more important in Germany than in any other country... — Japan: Punctuality is valued. Being late to a business meeting is considered rude, but being late for social occasions is acceptable... — Mexico: Punctuality is not highly regarded... — France: Punctuality is just as important in France as in the USA' [5]

The four main issues addressed are considered crucial in building and maintaining a civil society: diversity, tolerance, respect, and consensus.

Bibliography:

1. Archangelskaya The New York Times, The Wall Street Journal, and USA Today, — on international and domestic issues for the period Aug. 03—09, 2009, Materials of the conference held in MSU, Journalism faculty.
2. Edward Holl, 'We Europeans', Brussels, 2002.
3. Montgomery and Reid Thomas, 1994:6.
4. Jean-Claude Usunier Market across cultures (a cultural approach), Great Britain, 1996.
5. Intercultural business communication, USA, 2000.
6. David Pints Intercultural communication, Methods of communication.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«НАУЧНАЯ ДИСКУССИЯ: ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ»

Часть II

Материалы VII международной заочной научно-практической
конференции

10 декабря 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 24.12.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 14,375. Тираж 550 экз.

Издательство «Международный центр науки и образования»
127106, г. Москва, Гостиничный проезд, д. 6, корп. 2, офис 213
E-mail: mail@internauka.org

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3